А. Стругацкий
Б. Стругацкий

Улитка на склоне

Ч а с т ь п е р в а я
Л е с

За поворотом, в глубине
Лесного лога
Готово будущее мне
Верней залога.
Его уже не втянешь в спор
И не заластишь,
Оно распахнуто, как бор,
Все вширь, все настежь.
Б. Пастернак.
Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону фудзи,
Вверх, до самых высот!

Исса,
СЫН КРЕСТЬЯНИНА

Г л а в а п е р в а я

Кандид проснулся и сразу подумал: послезавтра я ухожу. И сейчас же в другом углу нава зашевелилась на своей постели и спросила: -Ты уже больше не спишь? -Нет, -ответил он. -Давай тогда поговорим, -предложила она. -а то мы со вчерашнего вечера не говорили. Давай? -Давай. -Ты мне сначала скажи, когда ты уходишь. -Не знаю, -сказал он. -скоро. -Вот ты всегда говоришь: скоро. То скоро, то после- завтра, ты может быть, думаешь, что это одно и то же, хотя нет, теперь ты говорить уже научился, а вначале все время путался, дом с деревней путал, траву с грибами, даже мертвяков с людьми и то путал, а то еще начинал бормотать, ни слова непонято, никто тебя понять не мог...

Он открыл глаза и уставился в низкий, покрытый известковыми натеками потолок. По потолку шли рабо- чие муравьи. Они двигались двумя ровными колоннами, слева направо нагруженные, справа налево порожняком. месяц назад было наоборот, справа налево с грибни- цей, слева направо порожняком. И через месяц будет наоборот, если им не укажут делать что-нибудь дру- гое. Вдоль колонн редкой цепью стояли крупные черные сигнальщики, стояли неподвижно, медленно поводя длинными антеннами, и ждали приказов. Месяц назад я тоже просыпался и думал, что послезавтра ухожу, и никуда мы не ушли, и еще когда-то, задолго до этого, я просыпался и думал, что послезавтра мы наконец уходим, и мы, конечно, не ушли, но если мы не уйдем послезавтра, я уйду один. Конечно, так я уже тоже думал когда-то, но теперь-то уж я обязательно уйду. хорошо бы уйти прямо сейчас, ни с кем не разговари- вая, никого не упрашивая, но так можно сделать толь- ко с ясной головой, не сейчас. А хорошо бы решить раз и навсегда: как только я проснусь с ясной голо- вой, я тотчас же встаю, выхожу на улицу и иду в лес, и никому не даю заговорить со мной, это очень важно: никому не дать заговорить с собой, заговорить себя, занудить голову, особенно вот эти места над глазами, до звона в ушах, до тошноты, до мути в мозгу и в костях. А ведь нава уже говорит...

-... И получилось так, -говорила нава, -что мертвяки вели нас ночью, а ночью они плохо видят, совсем слепые, это тебе всякий скажет, вот хотя бы горбун, хо- тя он не здешний, не с этой нашей, где мы сейчас с тобой, а с той, где я была без тебя, где я с мамой жила, так что ты горбуна знать не можшь, в его де- ревне все заросло грибами, грибница напала, а это не всякому нравится, горбун вот сразу ушел из деревни. одержание произошло, говорит, и в деревне теперь де- лать людям нечего... Во-от. А луны тогда не было, и они, наверное, дорогу потеряли, сбились все в кучу, а мы в середине, и жарко стало, не продохнуть...

Кандид посмотрел на нее. Она лежала на спине, закинув руки за голову и положив ногу на ногу, и не шевелилась, только непрестанно двигались ее губы, да время от времени поблескивали в полутьме глаза. когда вошел старец, она не перестала говорить, а старец подсел к столу, придвинул к себе горшок, шумно с хлюпаньем, понюхал и принялся есть. Тогда Кандид поднялся и обтер ладонями с тела ночной пот. старец чавкал и брызгал, не спуская глаз с корытца, закрытого от плесени крышкой. Кандид отобрал у него горшок и поставил рядом с навой, чтобы она замолча- ла. Старец обсосал губы и сказал: -Невкусно. К кому не придешь теперь, везде невкусно. И тропинка эта заросла совсем, где я тогда ходил, а ходил я много - и на дрессировку, и просто выкупаться, я в те времена часто купался, там было озеро, а теперь стало болото, и ходить стало опасно, но кто-то все равно ходит, потому что иначе- откуда там столько утопленников? И тростник. Я любого могу спросить: откуда там в тростнике тропинки? И никто не может этого знать, да и не следует. А что это у вас в корытце? Если, например, ягода моченая, то я бы ее поел, моченую ягоду я люблю, а если просто что-нибудь вчерашнее, огрызки какие-нибудь, то не надо, я их есть не буду, сами ешьте огрызки. -он подождал, переводя взгляд с Кандида на наву и обратно. не дождавшись ответа но продолжал: -а там, тростник пророс, там уже не сеять. Раньше сеяли, потому что нужно было для одержания, и все везли на глиняную поляну, теперь тоже возят, но теперь там на поляне не оставляют, а привозят обратно. Я говорил, что нельзя, но они не понимают, что такое: нельзя. Ста- роста меня прямо при всех спросил: почему нельзя? тут вот кулак стоит, как ты, даже ближе, тут вот, скажем, слухач, а тут вот, где нава твоя, тут стоят братья плешаки, все трое стоят и слушают, и он меня при них при всех спрашивает. Я ему говорю, как же ты можешь, мы же, говорю, с тобой не вдвоем тут... Отец у него был умнейший человек, а может, он и не отец ему вовсе, некоторые говорили, что не отец и вправду не похоже. Почему, говорит, при всех нельзя спро- сить, почему нельзя.

Нава поднялась, передала горшок Кандиду и занялась уборкой. Кандид стал есть. Старец замолчал, не- которое время смотрел на него, жуя губами, а потом заметил: -Не добродила у вас еда, есть такое нельзя. -Почему нельзя? -спросил Кандид, чтобы позлить. Старец хихикнул. -Эх ты, молчун, -сказл он. -ты бы уж лучше, молчун, молчал. Ты вот лучше мне раскажи, давно я уже у тебя спрашивал: очень это болезненно, когда голову отре- зают? -А тебе-то какое дело? -крикнула нава. -что ты все допытываешься? -Кричит, -сообщил старец. -покрикивает на меня. Ни одного еще не родила, а покрикивает. Ты почему не рожаешь? Сколько с молчуном живешь, а не рожаешь. все рожают, а ты нет. Так поступать нельзя. А что такое "нельзя", ты знаешь? Это значит: не желательно, не одобряется, значит поступать так нельзя. Что можно - это еще не известно, а уж что нельзя - то нельзя. Это всем надлежит понимать, а тебе тем бо- лее, потому что в чужой деревне живешь, дом тебе да- ли, молчуна вот в мужья пристроили. У него, может быть, голова и чужая, пристроенная, но телом он здо- ровый, и рожать тебе отказываться нельзя. Вот и по- лучается, что "нельзя" - это самое что ни на есть нежелательное...

Нава, злая и надутая, схватила со стола корытце и ушла в чулан. Старец поглядел ей вслед, посопел и продолжал: -Как еще можно понимать "нельзя"? Можно и нужно по- нимать, так, что "нельзя" - вредно...

Кандид доел, поставил со стуком порожний горшок перед старцем и вышел на улицу. Дом сильно зарос за ночь, и в густой поросли вокруг видна была только тропинка, протоптанная старцем и место у порога, где старец сидел и ждал, ерзая, пока они проснутся. Ули- цу уже расчистили, зе зеленый ползун толщиной в ру- ку, вылезший вчера из переплетения ветвей над де- ревней и пустивший корни перед соседским домом, был порублен, облит бродилом, потемнел и уже закис. От него остро и аппетитно пахло, и соседовы ребятишки, обсев его, рвали бурую мякоть и набивали рты сочными брызжущими комками. Когда Кандид проходил, старший невнятно крикнул набитым ртом: "молчак-мертвяк! ". Но его не поддержали - были заняты. Больше на улице, оранжевой и красной от высокой травы, в которой то- нули дома, сумрачной, покрытой неяркими зелеными пятнами от солнца, пробивающегося сквозь лесную кровлю, никого не было. С поля доносился нестройный хор скучных голосов: "эй, сей веселей, вправо сей, влево сей... ". В лесу откликалось эхо. А может быть, и не эхо. Может быть, мертвяки.

Колченог, конечно, сидел дома и массировал ногу. -Садись, -сказал он Кандиду приветливо. -вот тут я мягкой травки постелил для гостей. Уходишь, говорят? Опять, подумал Кандид, опять все сначала. -Что, опять разболелась? -спросил он, усаживаясь. -Нога-то? Да нет, просто приятно. Гладишь ее вот так, и хорошо. А когда уходишь? -Да как мы с тобой договаривались. Если бы ты со мной пошел, то хоть послезавтра. А теперь придется искать другого человека, который знает лес. Ты ведь, я вижу идти не хочешь.

Колченог осторожно вытянул ногу и сказал вразумляюще: -Как от меня выйдешь, поворачивай налево и ступай до самого поля. Полю - мимо двух камней, сразу уви- дишь дорогу, она мало заросла, потому что там валу- ны. По этой дороге две деревни пройдешь, одна пустая, грибная, грибами она поросла, так там не жи- вут, а в другой живут чудаки, через них два раза си- няя трава проходила, с тех пор там болеют, и загова- ривать с ними не надо, все равно они ничего не пони- мают, память у них как бы отшибло. А за той чудако- вой деревней по правую руку и будет тебе твоя глиня- ная поляна. И никаких тебе провожатых не надо, сам спокойненько дойдешь и не вспотеешь. -До глиняной поляны мы дойдем, -согласился Кандид. -а вот дальше как? -Куда дальше? -Через болото-то, где раньше озера были. Помнишь, ты про каменную дорогу рассказывал? -Это про какую же дорогу? До глиняной поляны? Так я же тебе втолковываю: поверни налево, иди до поля, до двух камней... Кандид дослушал и сказал: -До глиняной поляны я дорогу теперь знаю. Мы дой- дем. Но мне нужно дальше, ты же знаешь. Мне необхо- димо добраться до города, а ты обещал показать доро- гу.

Колченог сочувственно покачал головой. -До го-орода!.. Вот ты куда нацелился. Помню, помню... Так до города, молчун, не дойти. До глиня- ной поляны, например, это просто: мимо двух камней, через грибную деревню, через чудакову деревню, а там по правую руку и будет тебе глиняная поляна.

Или, скажем, до тростников. Тут уж поворачивай от меня направо, через редколесье, мимо хлебной лужи, а там все время за солнцем. Куда солнце, туда и ты. трое суток идти, но если тебе уж так надо - пойдем. мы там горшки добывали раньше, пока здесь свои не рассадили. Тростники я знаю хорошо/ты бы так и говорил, что до тростников. Тогда и до послезавтра ждать нечего, завтра утром и выйдем, и еды нам с собой брать не надо, раз там хлебная лужа... Ты, молчун, говоришь больно коротко: только начнешь к тебе прислушиваться, а ты уже и рот закрыл. А в тростники пойдем. Завтра утром и пойдем...

Кандид дослушал и сказал: -Понимашь, колченог, мне не надо в тростники. В тростники мне не надо. Не надо мне в тростники. -колченог внимательно слушал и кивал. -а надо мне в город, -продолжал Кандид. -мы с тобой уже давно об этом говорим. Я тебе вчера говорил, что мне надо в город. Позавчера говорил, что мне надо в город. Не- делю назад говорил, что мне надо в город. Ты сказал, что знаешь до города дорогу. Это ты вчера сказал. И позавчера говорил, что знаешь до города дорогу. Не до тростников, а до города. Мне не надо в тростники. ("только бы не сбиться, -подумал он. -может быть, я все время сбиваюсь. Не тростники, а город. Город, а не тростники".) город а не тростники, -повторил он всух. -понимаешь? Раскажи мне про дорогу до города. не до тростников, а до города. А еще лучше - пойдем до города вместе. Не до тростников пойдем вместе, а до города пойдем вместе.

Он замолчал. Колченог снова принялся оглаживать больное колено. -Наверное, тебе, молчун, когда голову отрезали, что-нибудь внутри повредили. Это как у меня нога. сначала была нога ногой, самая обыкновенная, а потом шел я однажды ночью через муравейники, нес муравь- иную матку, и эта нога попала у меня в дупло, и те- перь кривая. Почему кривая никто не знает, а ходит она плохо. Но до муравейников дойду. И сам дойду, и тебя доведу. Только не пойму, зачем ты сказал, чтобы я пищу на дорогу готовил, до муравейников тут рукой подать. -он посмотрел на Кандида, смутился и открыл рот. -так тебе же не в муравейники, -сказал он. -те- бе же куда? Тебе же в тростники. А я не могу в тростники, не дойду. Видишь, нога кривая. Слушай, молчун, а почему ты так не хочешь в муравейники? Да- вай пойдем в муравейники, а? Я ведь с тех пор так и не бывал там ни разу, может, их, муравейников, уже и нету. Дупло то поищем, а? "сейчас он меня собьет", -подумал Кандид. Он наклонился набок и подкатил к себе горшок. -Хороший какой у тебя горшок, -сказал он. -и не помню, где я в последний раз видел такие хорошие горшки... Так ты меня проводишь до города? Ты гово- рил, что никто, кроме тебя дорогу до города не зна- ет. Пойдем до города, колченог. Как ты думаешь, дой- дем до города? -А как же! Дойдем! До города? Конечно, дойдем. А горшки такие ты видел, я знаю где. У чудаков такие горшки. Они их, понимаешь, не выращивают, они их из глины делают, у них там близко глиняная поляна, я тебе говорил: от меня сразу налево и мимо двух камней до грибной деревни. А в грибной деревне никто уже не живет, туда и ходить не стоит. Что мы, грибов не видели, что ли когда у меня нога здоровая была, я никогда в эту грибную деревню не ходил знаю только, что от нее за двумя оврагами чудаки живут. Да можно было бы завтра и выйти... Да... Слушай, молчун, а давай мы туда не пойдем. Не люблю я эти грибы. Пони- маешь, у нас в лесу грибы - это одно, их есть можно, они вкусные. А в той деревне грибы зеленые какие-то, и запах от них дурной. Зачем тебе туда? Еще грибницу сюда занесешь. Пойдем мы лучше в город. Гораздо приятнее. Только тогда завтра не выйти. Тогда еду надо запасать, расспросить нужно про дорогу. Или ты дорогу знаешь? Если знаешь, тогда я небуду расспра- шивать, а то я что-то и не соображу, у кого бы это спросить. Может, у старосты спросить, как ты дума- ешь? -А разве ты про дорогу в город ничего не знаешь? -спросил Кандид. -ты про эту дорогу много знаешь. Ты даже один раз почти до города дошел но испугался мертвяков, испугался, что один не отобьешься... -Мертвяков я не боялся и не боюсь, -возразил колче- ног. -я тебе скажу, чего я боюсь: как мы с тобой ид- ти будем, - вот чего я боюсь. Ты так все время и бу- дешь молчать? Я ведь так не умею. И еще чего я бо- юсь... Ты не обижайся на меня, молчун, ты мне скажи, а громко не хочешь говорить, так шепотом скажи или даже просто кивни, а если уж и кивать не хочешь, так вот правый глаз у тебя в тени, ты его и прикрой, никто не увидит, один я увижу. А вопрос у меня та- кой: может быть, ты все-таки немножечко мертвяк? Я ведь мертвяков не терплю, у меня от них дрожь начи- нается, и ничего я с собой не могу поделать... -Нет, колченог, я не мертвяк, -сказал Кандид. -я их и сам не выношу. А если ты боишься, что я буду молчать, так мы ведь не вдвоем пойдем, я тебе уже говорил. С нами кулак пойдет, и хвост, и еще два мужика из выселок. -С кулаком я не пойду, -решительно сказал колченог. -кулак у меня дочь мою за себя взял и не уберег. Уг- нали у него мою дочку. Мне не то жалко, что он взял, а то мне жалко, что не уберег. Шел он с нею в вы- селки, подстерегли его воры и дочку отобрали, а он и отдал. Сколько я потом с твоей навой ее искал, так и не нашел. Нет, молчун, с ворами шутки плохи. Если бы мы с тобой в город пошли, от воров бы покою не было. то ли дело в тростники, туда можно без всяких коле- баний идти. Завтра и выйдем. -Послезавтра, -сказал Кандид. -ты пойдешь, я пойду, кулак, хвост и еще двое из выселок. Так до самого города и дойдем. -Вшестером дойдем, -уверенно сказал колченог. -один бы я не пошел, конечно, а вшестером мы до самых чертовых гор дойдем, только я дороги туда не знаю. А может, пошли до чертовых гор? Далеко очень, но вшестером дойдем. Или тебе не надо на чертовы горы? слушай, молчун, давай до города доберемся, а там уже и постмотрим. Пищи нужно только набрать побольше. -Хорошо, -сказал Кандид, поднимаясь. -значит, послезавтра выходим в город. Завтра я схожу на вы- селки, потом тебя повидаю и еще разок напомню. -Заходи, -сказал колченог. -я бы и сам к тебе за- шел, да вот нога у меня болит - сил нет. А ты захо- ди. Поговорим. Я знаю, многие с тобой говорить не любят, очень с тобой трудно говорить, молчун, но я не такой. Я уже привык, и мне даже нравится. И сам приходи, и наву приводи, хорошая она у тебя, нава твоя, детей вот только у нее нет, ну да еще будут, молодая она у тебя...

На улице Кандид снова обтер с себя ладонями пот. продолжение следовало. Рядом кто-то хихикнул и закашлялся. Кандид обернулся. Из травы поднялся старец, погрозил узловатым пальцем и сказал: -В город, значит, нацелились. Интересно затеяли, да только до города никто еще живым не доходил, да и нельзя. Хоть у тебя голова и переставленная, а это ты понимать должен...

Кандид свернул направо и пошел по улице. Старец, путаясь в траве, некоторое время плелся следом, бормотал: "если нельзя, то всегда в каком-нибудь смысле нельзя, в том или ином... Например, нельзя без старосты или без собрания, а со старостой или с собранием, наоборот можно, но опять же не в любом смысле... " Кандид шел быстро, насколько позволяла томная влажная жара, и старец понемногу отстал.

На деревенской площади Кандид увидел слухача. слухач, пошатываясь и заплетая кривые ноги, ходил кругами, расплескивая пригорошнями коричневый траво- бой из огромного горшка, подвешенного на животе. трава позади него дымилась и жухла на глазах. Слуха- ча надо было миновать, и Кандид попытался его мино- вать, но слухач так ловко изменил траекторию, что столкнулся с Кандидом носом к носу. -А-а, молчун! -радостно закричал он, поспешно сни- мая с шеи ремень и ставя горшок на земля. -куда идешь, молчун? Домой, надо думать, идешь, к наве, дело молодое, а не знаешь ты, молчун, что навы твоей дома нету, нава твоя на поле, вот этими глазами ви- дел, как нава на поле пошла, хочешь теперь верь, хо- чешь не верь... Может, конечно, и не на поле, дело молодое, да только пошла твоя нава, молчун, по во-он тому переулку, а по тому переулку, кроме как на по- ле, никуда не выйдешь, да и куда ей, спрашивается, идти, твоей наве? Тебя, молчуна, может, разве, ис- кать...

Кандид снова попытался его обойти и снова каким -то образом оказался с ним носом к носу. -Да и не ходи ты за ней на поле, молчун, -продолжал слухач убедительно. -зачем тебе за нею ходить, когда я вот сейчас траву побью и всех сюда созову: земле- мер тут приходил и сказал, что ему староста велел, чтобы он мне сказал траву на площади побить, потому что скоро будет тут собрание, на площади. А как бу- дет собрание, так все сюда с поля и заявятся, и нава твоя заявится, если она на поле пошла, а куда ей еще по тому переулку идти, хотя, подумавши-то, по-тому переулку и не только на поле попасть можно. А можно ведь...

Он вдруг замолчал и судорожно вздохнул. Глаза его зажмурились, руки как бы сами собой поднялись ладо- нями вверх. Лицо расплылось в сладкой улыбке, потом оскалилось и обвисло. Кандад, уже шагнувший было в сторону, остановился послушать. Мутное лиловатое об- лачко сгустилось вокруг голой головы слухача, губы его затряслись, и он заговорил быстро и отчетливо, чужим, каким-то дикторским голосом, с чужими интона- циями, чужим не деревенским стилем и словно бы даже на чужом языке, так что понятными казались только отдельные фразы: -На дальних окраинах южных земель в битву вступают все новые... Отодвигается все дальше и дальше на юг... Победного передвижения... Большое разрыхление почвы в северных землях ненадолго прекращено из-за отдельных и редких... Новые приемы заболачИвания да- ют новые обширные места для покоя и нового продвиже- ния на... Во всех поселениях... Большие победы... труд и усилия... Новые отряды подруг... Завтра и навсегда спокойствие и слияние... -Во всех поселениях, слышал?.. Значит, и в нашем тоже... Большие победы! Все время ведь твержу: нель- зя... Спокойствие и слияние - понимать же надо... И у нас, значит, тоже, раз во всех... И новые отряды подруг, понял?..

Слухач замолчал и опустился на корточки. Лиловое облачко растаяло. Старец нетерпеливо постучал слуха- ча по лысому темени. Слухач заморгал, потер себе уши. -О чем это я? -сказал он. -передача, что ли, была? как там одержание? Исполняется, или как?.. А на поле ты, молчун не ходи. Ты ведь, полагаю, за своей навой идешь, а нава твоя... Кандид перешагнул через горшок с травобоем и поспешно пошел прочь. Старца вскоре не стало слышно - то ли он сцепился со слухачом, то ли запыхался и зашел в какой-нибудь дом отдышаться и заодно переку- сить.

До кулака стоял на самой окраине. Замурзаная старуха, не то мать, не то тетка, сказала, недоброжелательно фыркая, что кулака дома нету, кулак в поле, а если бы был в доме, то искать его в поле было бы нечего, а раз он в поле, то ему, молчуну, тут зря сто- ять.

В поле сеяли. Душный стоячий воздух был пропитан крепкой смесью запахов, разило потом, бродилом, гниющими злаками. Утренний урожай толстым слоем был навален вдоль борозды, зерно уже тронулось. Над горшками с закваской толкались и крутились тучи рабочих мух, и в самой гуще этого черного, отсвечи- вающего металлом круговорота стоял староста и, наклонив голову и прищурив один глаз, внимательно изучал каплю сыворотки на ногте большого пальца. Но- готь был специальный, плоский, тщательно отполиро- ванный, до блеска отмытый нужными составами. Мимо ног старосты по борозде в десяти шагах друг от друга гуськом ползли сеятели. Они больше не пели, но в глубине леса все еще гукало и ахало, и теперь было ясно, что это не эхо.

Кандид пошел вдоль цепи, наклоняясь и заглядывая в опущенные лица. Отыскав кулака, он тронул его за плечо, и кулак сразу, же, ни о чем не спрашивая вы- лез из борозды. Борода его была забита грязью. -Чего, шерсть на носу, касаешься? -прохрипел он, глядя Кандиду в ноги. -один вот тоже, шерсть на но- су, касался, так его взяли за руки за ноги и на де- рево закинули, там он до сих пор висит, а когда сни- мут, так больше уже касаться не будет, шерсть на но- су... -Идешь? -коротко спросил Кандид. -Еще бы не иду, шерсть на носу, когда закваски на семерых наготовил, в дом не войти, воняет жить не- возможно, как же теперь не идти - старуха выносить не хочет, а сам я на это уже смотреть не могу. Да только куда идем? Колченог вчера говорил, что в тростники, а я в тростники не пойду, шерсть на носу, там и людей то в тростниках нет, не то что девок, там если человек захочет кого за ногу взять и на де- рево закинуть, шерсть на носу, так некого, а мне без девки жить больше невозможно, меня староста со свету сживет... Вон стоит, шерсть на носу, глаз вылупил, а сам слепой, как пятка, шерсть на носу... Один вот так стоял, дали ему в глаз, больше не стоит, шерсть на носу, а в тростники я не пойду, как хочешь... -В город, -сказал Кандид. -В город - другое дело, в город я пойду, тем более, говорят, что никакого города вообще и нету, а врет о нем этот старый пень - придет утром, половину горшка выест и начинает, шерсть на носу, плести: то нельзя, это нельзя... Я его спрашиваю: а кто ты такой, чтобы мне об'яснять что мне нельзя, а что можно, шерсть на носу? Не говорит, сам не знает, про город какой-то бормочет... -Выходим послезавтра, -сказал Кандид. -А чего ждать? -возмутился кулак. -почему это послезавтра? У меня в доме ночевать невозможно, закваска смердит, пошли лучше сегодня вечером, а то вот так один ждал-ждал, а как ему дали по ушам, так он и ждать перестал, и до сих пор не ждет... Старуха же ругается, житья нет, шерсть на носу! Слушай, молчун, давай старуху мою возьмем, может, ее воры отберут, я бы отдал, а? -Послезавтра выходим, -терпеливо сказал Кандид. -и ты молодец, что закваски приготовил много. Из выселок, знаешь...

Он не закончил, потому что на поле закричали. -Мертвяки! Мертвяки! -заорал староста. -женщины домой! Домой бегите!

Кандид огляделся. Между деревьями на самом краю поля стояли мертвяки: двое синих совсем близко и один желтый поодаль. Головы их с круглыми дырами глаз и с черной трещиной на месте рта медленно пово- рачивались из стороны в сторону, огромные руки плетьми висели вдоль тела. Земля уже курилась, белые струйки пара мешались с сизым дымком.

Мертвяки эти видали виды и поэтому держались крайне осторожно. У желтого весь правый бок был из'еден травобоем, а оба синихсплошь обрасли лишаями ожогов от бродила. Местами шкура на них отмерла, по- лопалась и свисала лохмотьями. Пока они стояли и присматривались, женщины с визгом убежали в деревню, а мужики, угрожающе и многословно бормоча, сбились в толпу с горшками травобоя наготове.

Потом староста сказал: "чего стоим спрашивается? пошли, чего стоять! ", и все неторопливо двинулись на мертвяков, рассыпаясь в цепь. "в глаза! -покрикивал староста. -старайтесь в глаза им плеснуть! В глаза бы попасть хорошо, а иначе толку мало, если не в глаза... " в цепи пугали: "гу-гу-гу! А ну, пошли от- сюда! А-га-га-га-га! " связываться никому не хоте- лось. Кулак шел рядом с Кандидом, выдирая из бороды засохшую грязь, кричал громче других, а между крика- ми рассуждал: -Да не-ет, зря идем, шерсть на носу, не устоят они сейчас побегут... Разве это мертвяки? Дранные какие-то где им устоять... Гу-гу-гу-у! Вы!

Подойдя к мертвякам шагов на двадцать, люди оста- новились. Кулак бросил в желтого ком земли, тот с необычайным проворством выбросил вперед широкую ла- донь и отбил ком в сторону. Все снова загугукали и затопалиногами, некоторые показывали мертвякам горшки и делали угрожающие движения. Травобоя было жалко и никому не хотелось потом тащиться в деревню за новым бродилом, мертвяки были битые, осторожные - должно было обойтись и так.

И обошлось. Пар и дым из под ног мертвяков пошел гуще, мертвяки попятились. -Ну все, -сказали в цепи, -не устояли, сейчас вы- вернутся...

Мертвяки неуловимо изменились, словно повернулись внутри собственной шкуры. Не стало видно ни глаз, ни рта - они стояли спиной. Через секунду они уже ухо- дили, мелькая между деревьями. Там, где они только что стояли, медленно оседало облако пара. Люди ожи- вленно галдя, двинулись обратно к борозде. Выясни- лось вдруг, что пора уже идти в деревню на собрание. пошли на собрание. -На площадь ступайте, на площадь... -повторял каждому староста. -на площади собрание будет, так что идти надо на площадь.

Кандид искал глазами хвоста, но хвоста в толпе что-то не было видно. Пропал куда-то хвост. Кулак трусивший рядом, говорил: -А помнишь, молчун, как ты на мертвяка прыгал? Как, он, понимаешь, на него прыгнет, шерсть на носу, да как его за голову ухватит, обнял, будто свою наву, шерсть на носу, да как заорет... Помнишь, молчун, как ты заорал? Обжегся, значит, ты, потом весь в волдырях ходил, мокли они у тебя, болели. Зачем же ты на него прыгал, молчун? Один вот так на мертвяка прыгал-прыгал, слупили с него кожу на пузе, больше теперь не прыгает, шерсть на носу, и детям прыгать закажет... Говорят, молчун, ты на него прыгал, чтобы он тебя в город унес, да ведь ты же не девка, чего он тебя понесет, да и города, говорят, никакого нет, это все этот старый пень выдумывает слова разные - город, одержание... А кто его, это одержание, видел? слухач пьяных жуков наглотается, как пойдет плести, а старый пень тут как тут, слушает, а потом бродит везде, жрет чужое и повторяет... -Я завтра с утра на выселки иду, -сказал Кандид. -вернусь только вечером, днем меня не будет. Ты по- видай колченога и напомни ему про послезавтра. Я на- поминал и еще напоминать буду, но и ты тоже напомни, а то еще убредет куда-нибудь... -Напомню, -пообещал кулак. -я ему так напомню, что последнюю ногу отламаю. На площадь сошлась вся деревня, болтали, толка- лись, сыпали на пустую землю семена - выращивали подстилки, чтобы мягко было сидеть. Под ногами путa- лись детишки, их возили за вихры и за уши, чтобы не путались. Староста, бранясь, отгонял колонну плохо обученных муравьев, потащивших было личинки рабочей мухи прямо через площадь, допрашивал окружающих, по чьему это приказу муравьи здесь идут и что же это такое за безобразие. Подозревали слухача и Кандида, но точно выяснить было уже невозможно.

Кандид отыскал хвоста, хотел заговорить с ним, но не успел, потому что собрание было об'явлено, и первым, как всегда, полез выступать старец. О чем он выступал понять было невозможно, однако все сидели смирно, прислушивались и шикали на возившихся ребя- тишек, чтобы не возились. Некоторые устроившись осо- бенно удобно -подальше от горячих солнечных пятен, - дремали.

Старец долго распространялся о том, что такое "нельзя" и в каких оно встречается смыслах, призывал к поголовному одержанию, грозился победами на севере и на юге, бранил деревню, а заодно и выселки, что везде есть новые отряды подруг, а ни в деревне, ни на выслках - нет, и ни спокойствия нет, ни слияния, и происходит это оттого, что люди забыли слово "нельзя" и вообразили себе, будто теперь все можно, а молчун, напримр, так и вовсе хочет уйти в город, хотя его никто туда не вызывал, деревня за это от- ветственности не несет, потому что он чужой, но если окажется вдруг, что он все-таки мертвяк, а такое мнение в деревне есть, то вот тогда неизвестно, что будет, тем более, что у навы, хотя она тоже чужая, от молчуна детей нет, и терпеть этого нельзя, а ста- роста терпит...

К середине выступления староста тоже задремал, разморившись, но, услыхав свое имя, вздрогнул и сейчас же грозно гаркнул: -Эй! Не спать!.. Спать дома будете, -сказал он, -на то дома и стоят, чтобы в них спать, а на площади собрания собирают. На площади мы спать не позволяли, не позволяем и позволять никому не будем. -он поко- сился на старца.

Старец довольно кивнул. -вот это и есть общее "нельзя". -но пргладил волосы и сообщил: -на вы- селках об'явилась невеста. А нас есть жених, из- вестный вам всем болтун. Болтун, ты встань и пока- жись... А лучше нет, ты лучше посиди так, мы тебя все знаем... Отсюда вопрос: отпускать болтуна на вы- селки или, наоборот, невесту с выселок взять к нам в деревню... Нет-нет, ты болтун, посиди, мы без тебя решим... Кто там с ним рядом сидит, придержите его там хорошенько пока собрание идет. А у кого есть мнение, тот пусть нам скажет. Мнений оказало два. одни (больше соседи болтуна) требовали, чтобы болту- на поперли на выселки - пусть-ка он там поживет, а мы тут. Другие же, люди спокойные и серьезные, живу- щие от болтуна далеко, полагали, что нет, женщин стало мало, воруют женщин, и потому невесту надо брать к себе: болтун он хоть и болтун, а детишки от него, надо полагать все равно пойдут, это дело неза- висимое. Спорили долго, горячо и сперва по существу. потом колченог неудачно выкрикнул, что время теперь военное, а все про это забывают. От болтуна сразу отвлеклись. Слухач стал об'яснять, что никакой войны нет и никогда не было, а есть и будет большое разрыхление почвы. Да не разрыхление, возразили в толпе, а необходимое заболочИвание. Разрыхление давно кончилось, уже сколько лет как заболочИвание, а слухачу невдомек, а и откуда ему знать, раз он слухач. Поднялся старец и, выкатив глаза, хрипло за- вопил, что все это нельзя, что нет никакой войны, и нет никакого разрыхления, и нет никакого такого за- болочИвания, а есть, была и будет поголовная борьба на севере и на юге. Как же нет войны, шерсть на но- су, отвечали ему, когда за чудаковой деревней полное озеро утопленников? Собрание взорвалось. Мало ли что утопленники. Где вода, там и утопленники, за чудако- вой деревней все не как у людей, и чудакова деревня нам не указ, они с глины едят, под глиной живут, же- ну-то ворам отдал, а теперь на утопленников ссы- лаешься? Да никакие это не утопленники, и не борьба это, и не война, а спокойствие это и слияние в целях одержания! А почему же тогда молчун в город идет? молчун в город идет, значит город есть, а раз есть, то какая-же может быть война - ясно, что слияние!.. а мало ли куда идет молчун? Один вот тоже шел, дали ему хорошо по ноздрям, больше никуда не идет... молчун потому идет в город, что города нет, знаем мы молчуна, молчун дурак-дурак, а умный, его, молчуна, на кривой не об'едешь, а раз города нет, то какое же может быть слияние?.. Нет никакого слияния, одно время, правда, было, но уже давно нет... Так и оде- ржания уже нет!.. Это кто там кричит, что нет оде- ржания? Ты в каком это смысле кричишь? Ты это что?.. болтуна! Болтуна, держите!... Эх, не удержали болту- на! Что же вы болтуна не удержали?..

Кандид, зная, что теперь это надолго, попытался начать разговор с хвостом, но хвосту было не до разговоров. Хвост кричал, надсаживаясь: -Одержание?! А мертвяки почему?! Про мертвяков молчите, потому что знать не знаете, что о них и ду- мать, вот и кричите про всякое одержание!..

Покричали про мертвяков, потом про грибные деревни, потом устали и начали затихать, утирая лица, обесСиленно, отмахиваясь друг от друга, и скоро обнаружилось, что все уже молчат, а спорят только старец и болтун. Тогда все опомнились. Болтуна посадили, навалились, напихали ему в рот листьев. Старец еще некоторое время говорил, но потерял голос и не был слышен. Тогда вз'ерошенный представитель от вы- селок и, прижимая руки к груди, искательно озираясь, стал сорванным голосом просить, чтобы болтуна к ним на выселки не отдавали, и не надо им болтуна, сто лет без болтуна жили, и еще сто лет проживут, а чтобы взяли невесту к себе, и тогда за приданым выселки не постоят, сами увидете... Начинать спор снова ни у кого уже не было сил - обещали подумать и решить потом, тем более что не горит.

Народ стал расходиться на обед. Хвост взял кандида за руку и оттащил в сторонку под дерево. -Так когда же идем? -спросил он. -мне в деревне вот как надело, я в лес хочу, тут я от скуки больной скоро сделаюсь... Не пойдешь - так и скажи, я один пойду, кулака или колченога подговорю и с ними вместе уйду... -Послезавтра выходим, -сказал Кандид. -пищу ты при- готовил? -Я пищу приготовил и уже с'ел, у меня терпенья не хватает на нее смотреть, как она зря лежит и никто ее, кроме старика, не ест, у меня от него просто все болит, я этому старику когда-нибудь шею накостыляю, если скоро не уйду... Как ты думаешь, молчун, кто такой этот старик, почему он у всех все ест и где он живет? Я - человек бывалый, я в десяти деревнях бы- вал, у чудаков бывал, даже к заморенным заходил, но- чевал у них и от страха чуть не околел, а такого старика нигде не видел, он у нас какой-то редкостный старик, наверное, мы его потому и держим и не б'ем, он у меня больше терпения не хватает смотреть, как он по моим горшкам днем и ночью шарит - и на месте ест, и с собой уносит, а ведь его еще мой отец ру- гал, пока его мертвяки не забили... И как в него все это влазит? Ведь кожа да кости, там у него внутри и места нет, а два горшка вылижет и с собой два уне- сет, а горшки никогда не возвращает... Знаешь, молчун, может, это у нас не один старик такой, мо- жет, их у нас двое или даже трое? Двое спят, а один работает. Нажрется, второго разбидит, а сам от- дохнуть укладывается...

Хвост проводил Кандида до дома, но обедать у него отказался - из деликатности. Поговорив еще минут пятнадцать о том, как на озере в тростниках приманивают рыбу шевелением пальуев, согласившись зайти завтра к колченогу и напомнить ему про поход в город, рассказав, что слухач - никакой на самом деле не слухач, а просто очень уж болезненный человек, и что мертвяки ловят женщин в пищу, посклько у мужиков мясо жесткое, а зубов мертвяки не имеют, пообещав приготовить к послезавтешнему новые запасы, а старика беспощадно гнать, он наконец удалился.

Кандид с трудом перевел духание и, прежде чем войти, немножко постоял в дверях, мотая головой. Ты, молчун, только не забудь, что тебе завтра на выселки идти, с самого утра идти, не забудь: не в тростники, не на глиняную поляну, а на выселки... И зачем это тебе, молчун, на выселки идти, шел бы ты лучше в тростники, рыбы там много... Занятно... На выселки, не забудь, молчун, на выселки, не забудь, Кандид... завтра с утра на выселки... Парней уговаривать, а то ведь вчетвером до города не дойти... Он не заметил что вошел в дом.

Навы еще не было, а за столом сидел старец и ждал кого-нибудь, чтобы подали обедать. Он сердито покосился на Кандида и сказал: -Медленно ты, молчун, ходишь, я тут в двух домах побывал - везде уже обедают, а вас пусто... Потому у вас, наверное, и детей нет, что медленно вы ходите и дома вас никогда не бывает, когда обедать пора...

Кандид подошел к нему вплотную и некоторое время постоял, соображая. Старец говорил: -Сколько же времени будешь ты до города идти, если тебя и к обеду не дождаться? До города, говорят, очень далеко, я теперь все про тебя знаю, знаю, что вы в город собрались, одного только не знаю, как это ты до города доберешься, если ты до горшка с едой целый день добираешься и добратьсяне можешь... При- дется мне с вами идти, я уж вас доведу, мне в город давно надо, да дороги я туда не знаю, а в город мне надо для того, чтобы свой долг исполнить и все обо всем кому следует рассказать...

Кандид взял его под мышки и рывком поднял от сто- ла. От удивления старец замолчал. Кандид вынес его из дома на вытянутых руках, поставил на дорогу, а ладони свои вытер травой. Старец опомнился. -Только вот еды вы на меня взять не забудьте, -ска- зал он вслед Кандиду. -еды вы мне возьмите хорошей и побольше, потму что я иду свой долг исполнять, а вы для своего удовольствия и через "нельзя"... Кандид вернулся в дом, сел за стол и опустил го- лову на стиснутые кулаки. И все-таки послезавтра я ухожу, подумал он. Вот бы что мне не забыть после- завтра. Послезавтра, подумал он. Послезавтра, после- завтра.

Г л а в а в т о р а я

Кандид вышел затемно, чтобы вернуться к обеду. До выселок было километров десять, дорога была знако- мая, хорошо утоптаная, вся в голых пролешинах от пролитого травобоя. Считалось, что ходить по ней бе- зопасно. Справа и слева лежали теплые бездонные бо- лота, из ржавой пахучей травы торчали сгившие черные ветки, округлыми блестящими куполами поднимались липкие шляпки гигантских болотных поганок, иногда возле самой дороги попадались покинутые раздавленные дома водяных пауков. Что делается на болотах, с до- роги увидеть было трудно: из плотного переплетения древестных крон над головой свешивались и уходили в топь торопливыми корнями мириады толстых зеленых ко- лонн, канатов, зыбких, как паутина нитей - жадная наглая зелень стояла стеной, похожей на туман, скры- вала все, кроме звуков и запахов. Время от времени в зелто-зеленом сумраке что-то обрывалось и с про- тяжным шумом падало, раздавался густой жирный всплеск, болото вздыхало, урчало, чавкало, и снова наступала тишина, а минуту спустя сквозь зеленую за- весу на дорогу выбиралась утробная вонь потрево- женной бездны. Говорили, что по этим бездонным местам человек пройти не может, но зато мертвяки хо- дят везде, на то они и мертвяки - не принимает их болото. На всякий случай Кандид выломал себе дубину, не потому что боялся мертвяков, мертвяки мужчине, как правило, не опасны, но о лесной и болотной жизни ходили всякие слухи, и некоторые из них при всей своей нелепости могли оказаться верными.

Он отошел от деревни шагов на пятьсот, когда его нагнала нава. Он остановился. -Ты почему без меня ушел? -спросила нава немного запыхавшимся голосом. -я же тебе говорила, что я с тобой уйду, я одна в этой деревне не останусь, нече- го мне одной там делать, там меня никто и не любит, а ты мой муж, ты должен меня взять с собой, это еще ничего не значит, что у нас нет детей, все равно ты мой муж, а я твоя жена, а дети у нас с тобой еще появятся... Просто я честно тебе скажу, я пока еще не хочу детей, непонятно мне, зачем они и что мы с ними будем делать... Мало ли что там староста гово- рит или этот твой старец, у нас в деревне совсем не так было: кто хочет у того дети, а кто не хочет, у того их нет... -А ну вернись домой, -сказал Кандид. -откуда это ты взяла, что я ухожу? Я же на выселки, я же к обеду буду дома... -Вот и хорошо, вот я с тобой и пойду, а к обеду мы вместе вернемся, обед у меня со вчерашнего дня го- тов, я его так спрятала, что его даже этот твой ста- рик не найдет...

Кандид пошел дальше. Спорить было бесполезно, пусть идет. Он даже повеселел, ему захотелось с кем нибудь сцепиться, помахать дубиной, сорвать на ком- -нибудь тоску и злость, и бессилие, накопленное за сколько-то там лет. На ворах. Или на мертвяках - какая разница? Пусть девчонка идет. Тоже мне, жена, детей она не хочет. Он размахнулся как следует, ахнул дубиной по сырой коряге у обочины и чуть не свалился: коряга распалась в труху, и дубина проскочила сквозь нее, как сквозь тень. Несколько юрких серых животных выскочили и, булькнув, скрылись в темной воде.

Нава скакала рядом, то забегая вперед, то отставая. Время от времени она брала Кандида за руку обе- ими руками и повисала на нем очень довольная. Она говорила об обеде, который так ловко спрятала от старца, о том, что обед могли бы с'есть дикие му- равьи, если бы она не сделала так, что муравьям до него в жизни не добраться, о том, что разбудила ее какая-то вредная муха и что, когда она вчера засыпа- ла, он, молчун, уже храпел, а во сне бормотал непо- нятные слова, и откуда это ты такие слова знаешь, молчун, просто удивительно, никто у нас в деревне таких слов не знает, один ты знаешь, и всегда знал, даже когда совсем больной был, и то знал...

Кандид слушал и не слушал, привычный нудный гул отдавался у него в мозгу, он шагал и тупо думал о том, почему он ни о чем не может думать, может, это от бесконечных прививок, которыми только и занимают- ся в деревне, когда не занимаются болтовней, а може, еще от чего-нибудь... Может быть, это сказывается весь дремотный, даже не первобытный, а попросту растительный образ жизни, который он ведет с тех не- запамятных времен, когда вертолет на полной скорости влетел в невидимую преграду, перекосился, поломал винты и камнем рухнул в болота... Вот тогда меня, наверное, и выбросило из кабины, подумал он. Ударило обо что-то головой, так я больше и не оправился... А если б не выбросило, то я бы утонул в болоте вместе с машиной, так что это еще хорошо, что меня выброси- ло... Его вдруг осенило, что все это - умозаключе- ния, и он обрадывался; ему казалось, что он давно потерял способность к умозаключениям и может твердить только одно: послезавтра, послезавтра...

Он глянул на наву. Девчонка висела у него на левой руке, смотрела снизу вверх и азартно рассказывала: -Тут все они сбились в кучу, и стало страшно жарко, ты знаешь ведь, какие они горячие, а луны в ту ночь совсем не было. Тогда мама стала подталкивать меня тихонько, и я проползла на четвереньках у всех под ногами, и мамы уж больше мне видеть не привелось... -Нава, -сказал Кандид, -опять ты мне эту историю рассказываешь. Ты мне ее уже двести раз рассказыва- ла. -Ну так и что же? -сказала нава, удивившись. -ты какой-то странный, молчун. Что же мне тебе еще рассказывать? Я больше ничего не помню и не знаю. Не стану же я тебе рассказывать, как мы с тобой на прошлой неделе рыли погреб, ты же это и сам все ви- дел. Вот если бы я рыла погреб с кем-нибудь другим, с колченогом, например, или с болтуном... -она вдруг остановилась. -а знаешь, молчун, это даже интересно. раскажи ты мне, как мы с тобой на прошлой неделе ры- ли погреб, мне еще никто об этом не рассказывал, по- тому что никто не видел...

Кандид опять отвлекся. Медленно покачиваясь, проплывали по сторонам желто-зеленые заросли, кто-то сопел и вздыхал в воде, с тонким воем пронесся рой мягких белесых жуков, из которых делают хмельные настойки, дорога под ногами то становилась мягкой от высокой травы, то жесткой от щебня и крошенного камня. Желтые, серые, зеленые пятна - взгляду не за что было зацепиться, и нечего было запоминать. Потом тропа круто свернула влево, Кандид прошел еще несколько шагов и, вздрогнув, остановился. Нава замолчала на полуслове.

У дороги, головой в болоте, лежал большой мертвяк. Руки и ноги его были растопырены и неприятно вывернуты, и он был совершенно неподвижен. Он ле- жал на смятой, пожелтевшей от жары траве, бледный, широкий, и даже издали было видно, как страшно его били. Он был как студень. Кандид осторожно обошел его стороной. Ему стало тревожно. Бой произошел совсем недавно: примятые пожелтевшие травинки на глазах распрямлялись. Кандид внимательно оглядел до- рогу. Следов было много, но он в них ничего не пони- мал, а дорога впереди, совсем близко, делала новый поворот, и что было за поворотом, угадать он не мог. нава все оглядывалась на мертвяка. -Это не наши, -сказала она очень тихо. -наши так не умеют. Кулак все грозиться, но он тоже не умеет, только руками размахивает... И на выселках так тоже не умеют... Молчун, давай вернемся, а? Вдруг это уроды? Говорят, они тут ходят, редко, но ходят. Да- вай лучше вернемся... И чего ты меня на выселки по- вел? Что я, выселок не видела, что ли?

Кандид разозлился. Да что же это такое? Сто раз он ходил по этой дороге и не встречал ничего, что стоило бы запомнить или обдумать. А вот теперь, когда завтра нужно уходить - даже не послезавтра, а завтра, наконец-то! - эта единственная безопасная дорога становится опасной... В город-то можно пройти только через выселки. Если город вообще существует, то дорога к нему ведет через выселки... Нерерывно болтая, хвастаясь и грозясь, топчутся возле этого мертвяка, а потом, не переставая грозиться и хвастать, поворачивают от греха назад, в деревню. Он нагнулся и взял мертвяка за ноги. Ноги были еще го- рячие, но уже не обжигали. Он рывком толкнул грузное тело в болото. Трясина чвакнула, засипела и пода- лась. Мертвяк исчез, по темной воде побежала и по- гасла рябь. -Нава, -сказал Кандид, -иди в деревню. -Как же я пойду в деревню, -рассудительно сказала нава, -если ты туда не пойдешь? Вот если бы ты тоже пошел в деревню... -Перестань болтать, -сказал Кандид. -сейчас же беги в деревню и жди меня. И не с кем не разговаривай. -А ты? -Я мужчина, -сказал Кандид, -мне никто ничего не сделает. -Еще как сделают, -возразила нава. -я тебе говорю; вдруг это уроды? Им ведь все равно, мужчина, женщи- на, мертвяк, они тебя самого уродом сделают, будешь тут ходить, страшный, а ночью будешь к дереву при- растать... Как же я пойду одна, когда они, может быть, там, сзади? -Никаких уродов на свете нет, -не очень уверенно сказал Кандид. -вранье это все...

Он посмотрел назад. Там тоже был поворот, и что было за этим поворотом, угадать он тоже не мог. Нава что-то говорила ему, много, быстро и шепотом, отчего становилось особенно неприятно. Он взял дубину поудобнее. -Хорошо. Иди со мной. Только держись рядом и, если я буду что-нибудь приказывать, сразу же выполняй. И молчи, закрой рот и молчи до самых выселок. Пошли. Молчать она, конечно, не умела. Она действительно держалась рядом, не забегала больше вперед и не от- ставала, но все время бормотала что-то себе под нос: сначала что-то про уродов, потом про погреб, потом про колченога, как она с ним тут ходила и он ей сде- лал дудку... Они миновали опасный поворот, и Кандид уже немного успокоился, когда из высокой травы, пря- мо из болота им навстречу молча вышли и остановились люди. Ну вот, утало подумал Кандид. Как мне не везет. мне же все время не везет. Он покосился на наву. На- ва трясла головой, лицо ее сморщилось. -Ты меня им не отдавай, молчун, -бормотала она, -я не хочу с ними. Я хочу с тобой, не отдавай меня...

Он посмотрел на людей. Их было семеро - все мужчины, все заросшие до глаз и все с громадными су- коватыми дубинами. Это были не здешние люди и одеты они были не по здешнему, совсем в другие растения. это были воры. -Ну так что же вы встали? -глубоким раскатистым го- лосом сказал вожак. -подходите, мы дурного не сдела- ем... Если бы вы были мертвяки, тогда, конечно, разговор был бы другой, да никакого разговора вовсе бы не было, приняли бы мы вас на сучки да на па- лочки, вот и весь был бы у нас с вами разговор... куда направляетесь? На выселки, я понимаю? Это можно, это пожалуйста. Ты, папаша, ты себе иди. А дочку, конечно, нам оставь. Да не жалей, ей с нами лучше будет... -Нет, -сказала нава, -я к ним не хочу. Ты, молчун, так и знай, я к ним не хочу, это же воры...

Воры засмеялись без всякой злобы, привычно. -А может быть, нас обоих пропустите? -спросил Кандид. -Нет, -сказал вожак, -обоих нельзя. Тут же кругом сейчас мертвяки, пропадет твоя дочка, подругой славной станет или еще какой-нибудь дрянью, а это нам ни к чему, да и тебе, папаша, ни к чему, сам по- думай, если ты человек, а не мертвяк, а на мертвяка ты вроде не похож, хотя, конечно, и человек ты на вид странный... -Она же еще девочка, -сказал Кандид, -зачем вам ее обижать? Вожак удивился: -Почему же обязательно обижать? Не век же она де- вочкой будет, придет время - станет женщиной, не славной там какой-нибудь подругой, а женщиной... -Это он все врет, -сказала нава, -ты ему, молчун, не верь, ты что-нибудь делай скорее, раз сюда меня привел, а то они меня сейчас заберут, как колченого- ву дочку забрали, с тех пор ее так никто и не видел, не хочу я к ним, я лучше этой славной подругой ста- ну... Смотри, какие они дикие да тощие, у них и ес- ть-то, наверное нечего...

Кандид беспомощно огляделся, а потом в голову ему пришла мысль, показавшаяся ему очень удачной. -Слушайте, люди, -сказал он просительно, -возьмите нас обоих. Воры не спеша приблизились. Вожак внимательно ог- лядел Кандида с головы до ног. - Нет, -сказал он. -зачем ты нам такой нужен? Вы, деревенские, никуда не годитесь, отчаяности в вас нет, и живете вы непонятно зачем, вас приходи и го- лыми руками бери. Не нужен ты нам папаша, говоришь ты както не так, как все, неизвестно, что ты за че- ловек, иди ты себе на выселки, а дочку нам оставь.

Кандид глубоко вздохнул, взял дубину обеими рука- ми и сказал наве негромко: -Ну, нава, беги! Беги, не оглядывайся, я их за- держу. Глупо, подумал он. Надо же, до чего глупо. Он вспомнил мертвяка, лежащего головой в темной воде, похожего на студень, и поднял дубину над головой. -Эй-эй! -закричал вожак.

Все семеро, толкаясь и оскаливаясь, гурьбой кинулись вперед. Несколько секунд Кандид еще слышал дробный стук навиных пяток, а потом ему стало не до этого. Ему было страшно и стыдно, но очень скоро страх прошел, потому что неожиданно выяснилось, что единственным стоящим бойцом из воров был вожак. От- бивая его удары, Кандид видел, как остальные, угро- жающе и бессмысленно мотая дубинами, задевают друг друга, шатаются от собственных богатырских размахов и часто останавливаются, чтобы поплевать на ладони. один вдруг отчаяно завопил: "тону! " и с шумом обру- шился в болото, двое сразу бросили дубины и приня- лись его тащить, но вожак наседал, крякая и при- топтывая, пока Кандид случайно не угодил ему по ко- ленной чашечке. Вожак уронил дубину, зашипел и при- сел на корточки. Кандид отскочил.

Двое воров тащили тонущего из болота. Тот увяз основательно, лицо его посинело. Вожак сидел на корточках и озабоченно рассматривал ушиб. Остальные трое воров, подняв дубины, толпились у него за спиной и тоже рассматривали ушиб через его голову. - Дурак ты, папаша, -сказал вожак укоризненно. -разве же так можно, долбня ты деревенская. И откуда ты только такой взялся... Выгоды своей ты не понимаешь, дерево ты стоеросовое, твердое...

Больше ждать Кандид не стал. Он повернулся и со всех ног пустился бежать за навой. Воры кричали ему вслед сердито и насмешливо, вожак гукал и взревывал: "а держи его! Держи! ". Они за ним не гнались и Кандиду это не понравилось. Он испытывал разочарование и досаду и на бегу пытался сообразить, как же эти неуклюжие, неповоротливые и незлые люди могут наводить ужас на деревни, да еще каким-то образом уничтожать мертвяков - бойцов ловких и беспощадных.

Скоро он увидел наву: девчонка скакала шагах в тридцати впереди, твердо ударяя в землю босыми пятками. Он увидел, как она скрылась за поворотом и вдруг снова выскочила - ему навстречу - замерла на мгновение и пустилась вбок, прямо через болото, прыгая с коряги на корягу, только брызги летели. У Кандида замерло сердце. -Стой! -заорал он, задыхаясь. -с ума сошла! Стой!

Нава тотчас же остановилась и, ухватившись за свисающую лиану, повернулась к нему. А он увидел, как из-за поворота ему навстречу вышли еще трое воров и тоже остановились, глядя то на него, то на на- ву. -Молчун! -пронзительно закричала нава. -ты их бей и сюда беги! Ты здесь не утонешь, не бойся! Бей их, бей! Палкой бей! Гу-гу-гу! О-го-го их! -Ты вот что, сказал один из воров заботливо. -ты там держись, ты там не кричи, а держись, а то сва- лишься, тащи тебя потом...

Сзади тяжело затопали и тоже закричали: "гу-гу--гу! " трое впереди ждали. Тогда Кандид, ухватив дубину за концы и выставив ее перед собой поперек груди, с разбегу налетел на них, повалил всех троих и упал сам. Он сильно ушибся об кого-то, но сейчас же вскочил. Перед глазами у него все плыло. Кто-то снова испугано вопил: "тону! ". Кто-то сунулся бородатым лицом, и Кандид ударил его дубиной, не глядя. Дубина переломилась. Кандид бросил обломок и прыгнул в болото.

Коряга ушла из-под ног, он едва не сорвался, но сейчас же перескочил на следующую и пошел грузно прыгать с коряги на корягу, разбрасывая вонючую черную грязь. Нава победно верещала и свистела ему навстречу. Позади гудели сердитые голоса: "что же вы, руки дырявые, корявые? " -"а сам что, скажи, по- жалуйста? ", "упустили мы девчонку, пропадет девчонка теперь... ", "да обезумел же человек, дерется! ", "одежду на мне порвал, надо же, какая одежда была, цены ей не было, одежде моей, а он порвал, и даже это не он мне порвал, а ты мне ее порвал... " -"хва- тит вам разговоры разговаривать, в самом деле; дого- нять нужно, а не разговоры разговаривать... Видете, они бегут, а вы разговоры разговариваете! " -"а сам что, скажи, пожалуйста? ", "ногу он мне подбил, види- те? Коленку мне повредил, и как он мне ее повредил, не понимаю, только это я размахнулся... ", "а се- миглазый где? Ребята, а семиглазый-то тонет! " -"то- нет! И верно, тонет... Семиглазый тонет, а они разговоры разговаривают! ".

Кандид остановился возле навы, тоже ухватился за лианы и, тяжело дыша, слышал и смотрел, как странные люди, сгрудившись на дороге, размахивая руками, та- щат из болота за ногу и за голову своего семиглазого. Слышалось бульканье и храп. Впрочем двое воров, ощупывая трясину дубинками, уже шли к Кандиду по ко- лено в черной жиже. Коряги они обходили. И опять все наврали, подумал Кандид. Болото вброд можно перейти, а говорили, будто другого пути, кроме дороги, нет. ворами пугали, тоже мне, нашли кем пугать...

Нава потянула его за руку. -Пошли, молчун, -сказала она. -что ты стоишь? Пошли скорей... Или, может, ты еще хочешь подраться? Тогда погоди, я тебе палку подходящую найду, ты тогда вот этих двух побей, а другие, наверное, испугаются. Хо- тя если они не испугаются, то они тебя, я думаю, одолеют, потому что ты ведь один, а их... Раз... два, три... Четыре... -А куда идти? -спросил Кандид. -на выселки мы попа- дем? -Попадем, наверное, -сказала нава. -я не знаю, по- чему нам на выселки не попасть... -Тогда иди вперед, -сказал Кандид. Он уже немного отдышался. -показывай, куда идти. Нава легко запрыгала в лес, в чащу, в зеленое марево зарослей. -Я вообще-то не знаю, куда нам идти и как, -говори- ла она на бегу. -но я тут уже один раз была, а может быть, даже не один, а больше. Мы тут с колченогом ходили, когда тебя еще не было... Или нет, был уже, только ты тогда еще без памяти ходил, ничего не соображал, говорить не мог, смотрел на всех, как ры- ба, потом тебя мне отдали, я тебя и выходила, да только ты не помнишь, наверное, ничего...

Кандид прыгал за нею, стараясь держать правильное дыхание и ступать след в след. Время от времени он оглядывался. Воры были недалеко. -А с колченогом мы сюда ходили, -продолжала нава, -когда у кулака воры жену увели, колченогову дочку. он тогда все время меня с собой брал, обменять хо- тел, что ли, а может быть хотел взять себе вместо дочки, вот и ходил со мной в лес, потому что очень без дочки убивался...

Лианы липли к рукам, хлестали по лицу, оме- ртвевшие клубки их цеплялись за одежду и путались в ногах. Сверху сыпался мусор и насекомые, иногда ка- кие-то тяжелые бесформенные массы оседали, провали- вались вниз в путанице зелени и раскачивались над самой головой. То справа, то слева сквозь завесу ли- ан просвечивали клейкие лиловые гроздья - не то гри- бы, не то плоды, не то гнезда какой-то мерзости. -Колченог говорил, что тут где-то одна деревня есть... -нава говорила на бегу легко, как будто и не бежала вовсе, а валялась на своей постели: сразу было видно, что она не здешняя, здешние бегать не умели. -не наша деревня и не выселки, какая-то другая, название мне колченог говорил, да я забыла, все-таки это давно было, тебя еще не было... Или нет, ты уже был, только ничего не соображал, и еще тебя мне не отдали... А ты, когда бежишь, ты ртом дыши, ты зря носом дышишь, и разговоривать еще хорошо при этом, а то ты так скоро запыхаешься, тут еще долго бежать, мы еще мимо ос не пробегали, вот где нам быстро бежать придется, хотя, может быть, с тех пор осы оттуда ушли... Это той самой деревни осы были, а в той деревне, колчног говорит, вроде бы людей уже давно нет, там уже одержание, говорит, произошло, так что людей совсем не осталось... Нет, молчун, это я вру, это он про другую деревню говорил...

Кандид перешел на второе дыхание, бежать стало легче. Теперь они были в самой гуще, в самых за- рослях. Так глубоко Кандид забирался только один раз, когда попытался оседлать мертвяка, чтобы добраться на нем до его хозяев, мертвяк понес гало- пом, он был раскален, как кипящий чайник, и Кандид в конце концов потерял сознание отт боли и сорвался с него в грязь. Он долго потом мучался ожогаи на ладо- нях и на груди...

Становилось все темнее. Неба уже не было видно совсем, духота усиливалась. Зато становилось все меньше открытой воды, появились могучие заросли красного и белого моха. Мох был мягкий, прохладный и сильно пружинил, ступать по нему было приятно. -Давай... Отдохнем... -просипел Кандид. -Нет, что ты, молчун, -сказала нава. -здесь нам от- дыхать нельзя. От этого моха надо поскорее подальше, это мох опасный. Колченог говорил, что это и не мох вовсе, это животное такое лежит, вроде паука, ты на нем заснешь и больше уже никогда не проснешься, вот какой это мох, пусть на нем воры отдыхают, только они, навеное, знают, что нельзя, а то было бы хоро- шо...

Она посмотрела на Кандида и все-таки перешла на шаг. Кандид дотащился до ближайшего дерева, привалился к нему спиной, затылком, всей тяжестью и закрыл глаза. Ему очень хотелось сесть, упасть, но он боялся. Он твердил про себя: ведь наверняка же врут, и про мох врут. Но все-таки он боялся. Сердце билось, как бешеное, ног словно бы и не было вовсе, а легкие лопались и болезненно растекались в груди при аждом вздохе, и весь мир был скользкий и соленый от пота. -А если они нас догонят? -услыхал он словно сквозь вату голос навы. -что мы будем делать, молчун, когда они нас догонят? Что-то ты совсем никуда негодным стал, ты ведь, наверное, драться больше не сможешь, а?

Он хотел сказать: смогу, но только пошевелил губами. Воров он больше не боялся. Он вообще больше ничего не боялся. Он боялся только пошевелиться и боялся лечь в мох. Все-таки это был лес, что бы там они ни врали, это был лес, это-то он помнил хорошо, этого он не забывал никогда, даже когда забывал все все остальное. -Вот у тебя даже и палки теперь нет, -говорила на- ва. -поискать что-ли тебе палку, молчун? Поискать? -Нет, -пробормотал он. -не надо... Тяжелая...

Он открыл глаза и прислушался. Воры были близко, слышно было, как они пыхтят и топают в зарослях, и в этом топоте не чувствовалось никакой бойкости - во- рам тоже было тяжело. -Пошли дальше, -сказал Кандид.

Они миновали полосу белого опасного моха, потом полосу красного опасного моха, снова началось мокрое болото с неподвижной густой водой, по которой пласталась исполинские бледные цветы с неприятным мясным запахом, а из каждого цветка выглядывало серое крапчатое животное и провожало их глазами на стебельках. -Ты, молчун, шлепай посильнее, -деловито говорила нава, -а то присосется кто-нибудь, потом ни за что не оторвешь, ты не думай, что раз тебе прививку сде- лали, так теперь уж и не присосется, еще как присо- сется. Потом, оно, конечно, сдохнет, но тебе-то от этого не легче...

Болото вдруг кончилось, и местность стала круто повышаться. Появилась высокая полосатая трава с острыми режущими краями. Кандид оглянулся и увидел во- ров. Почему-то они остановились. Почему-то они стояли по колено в болоте, опираясь на дубины, и смотрели им вслед. Выдохлись, подумал Кандид, тоже выдохлись. Один из воров поднял руку, сделал приглашающий жест и крикнул: -Давайте спускайтесь, чего же вы?

Кандид отвернулся и пошел за навой. После трясины идти по твердой земле казалось вовсем легко, даже в гору. Воры что-то кричали - в два, а потом в три го- лоса. Кандид оглянулся в последний раз. Воры попрежнему стояли в болоте, в грязи, полной пиявок, даже не вышли на сухое место. Увидев что он оглянулся, они отчаяно замахали руками и наперебой закричали снова; понять было трудно. -Назад! -кричали они, кажется. -наза-ад!.. Не тро- -онем!.. Пропадете, дураки-и-и!..

Не так просто, подумал Кандид со злорадством, сами вы дураки, так я вам и поверил. Хватит с меня - верить... Нава уже скрылась за деревьями, и он поспешил за нею. -Назад идите-е-е!.. Отпусти-и-им!.. -ревел вожак.

Не очень-то они выдохлись, если так орут, мельком подумал Кандид и сразу стал думать, что теперь надо отойтиподальше, а потом сесть отдохнуть и поискать на себе пиявок и клещей.

Г л а в а т р е т ь я

Деревня была очень странная. Когда они вышли из леса и увидили ее внизу, в котловине, их поразила тишина. Тишина была такая, что они даже не обрадывались. Деревня была треугольная, и большая поляна, на которой она стояла, тоже была треугольная - обширная глиняная пролешина без единого куста, без единой травинки, словно выжженная, а потом вытоптаная, совсем темная, совсем темная, отгороженная от неба сросшимися кронами могучих деревьев. -Не нравится мне эта деревня, -заявила нава. -здесь, наверное, еды не допросишься. Какая здесь может быть еда, если у них и поля даже нет, одна го- лая глина. Наверное, это охотники, они всяких жи- вотных ловят и едят, тошнит даже, как подумаешь... -А может быть, это мы в чудакову деревню попали? -спросил Кандид. -может быть, это глиняная поляна? -Какая же это чудакова деревня? Чудакова деревня - деревня как деревня, как наша деревня, только в ней чудаки живут... А здесь смотри какая тишь, и людей не видно, и ребятишек, хотя ребятишки, может быть, уже спать легли... И почему это тут людей не видно, молчун? Давай мы в эту деревню не пойдем, очень она мне не нравится...

Солнце садилось, и деревня, внизу погружалась в сумерки. Она казалась очень пустой, но не запу- щенной, не заброшенной и покинутой, а именно пустой, ненастоящей, словно это была не деревня, а декорация. Да, подумал Кандид, наверное, нам не стоит туда идти, только ноги вот болят, и очень хочется под крышу. И поесть что-нибудь. И ночь наступает... Надо же, целый день блуждали по лесу, даже нава устала, висит на руке и не отпускает. -Ладно, -сказал он нерешительно. -давай не пойдем. -Не пойдем, не пойдем, -сказала нава. -а когда мне есть хочется? Сколько же можно не есть? Я с утра ни- чего не ела... И воры твои эти... От них знаешь ка- кой аппетит? Нет, мы давай с тобой туда спустимся, поедим, а если нам там не понравится, тогда сразу уйдем. Ночь сегодня теплая будет, без дождя... Пой- дем, что ты стоишь?

Сразу же на окраине их окликнули. Рядом с первым домиком, прямо на серой земле, сидел серый почти совсем не одетый человек. Его было плохо видно в сумерках, он почти сливался с землей, и Кандид различил только его силуэт на фоне белой стены. -Вы куда? -спросил человек слабым голосом. -Нам нужно переночивать, -сказал Кандид. -а утром нам нужно на выселки. Мы дорогу потеряли. Убегали от воров и дорогу потеряли. -Это вы, значит, сами пришли? -сказал человек вяло. -это вы молодцы, хорошо сделали... Вы заходите, за- ходите, а то работы много, а людей что-то совсем ма- ло осталось... -он еле выговаривал слова, словно за- сыпал. -а работать нужно... Очень нужно работать... очнь... -Ты нас не покормишь? -спросил Кандид. -У нас сейчас... -человек произнес несколько слов, которые показались Кандиду знакомыми, хотя он знал, что никогда их раньше не слыхал. -это хорошо, что мальчик пришел, потому что мальчик... -и он опять заговорил непонятно, странно.

Нава потянула Кандида, но Кандид с досадой выдернул руку. -Я тебя не понимаю, -сказал он человеку, стараясь хоть рассмотреть его получше. -ты мне скажи, еда у тебя найдется? -Вот если бы трое... -сказал человек. Нава потащила Кандида прочь изо всех сил, и они отошли в сторону. -Больной он, что ли? -сказал Кандид сердито. -ты поняла, что он там бормочет? -Что ты с ним разговариваешь? -шепотом спросила на- ва. -у него же нет лица! Как с ним можно говорить, когда у него нет лица? -Почему нет лица? -удивился Кандид и оглянулся. Че- ловека видно не было: то ли он ушел, то ли раство- рился в сумерках. -А так, -сказала нава. -глаза есть, рот есть, а ли- ца нету... -она вдруг прижалась к нему. -он как мертвяк, -сказала она. -только он не мертвяк, от не- го пахнет, но весь он - как мертвяк... Пойдем в ка- кой-нибудь другой дом, только еды мы здесь не доста- нем, ты не надейся.

Она подтащила его к следующему дому, и они загля- нули внутрь. Все в этом доме было непревычное, не было постелей, не было запахов жилья, внутри было пусто, темно, неприятно. Нава понюхала воздух. -Здесь вообще никогда не было еды, -сказала она с отвращением. -в какую-то ты меня глупую деревню привел, молчун. Что мы здесь будем делать? Я таких деревень никогда в жизни не видела. И дети тут не кричат, и на улице никого нет.

Они пошли дальше. Под ногами была прохладная тонкая пыль, они не слышали даже собственных шагов, и в лесу не ухало и не булькало, как обычно по вечерам. -Странно он как-то говорил, -сказал Кандид. -я вот сейчас вспоминаю, и словно я слышал уже когда-то та- кую речь... А когда, где - не помню... -И я тоже не помню, -сказала нава, помолчав. -а ведь верно, молчун, я тоже слыхала такие слова, мо- жет быть, во сне, а может быть, и в нашей деревне, не в той, где мы сейчас с тобой живем, а в другой, где я родилась, только тогда это должно быть очень давно, потму что я была еще очень маленькая, с тех пор все позабыла, а сейчас как будто бы и вспомнила, но никак не могу вспомнить по-настоящему.

В следующем доме они увидели человека, который лежал прямо на полу у порога и спал. Кандид нагнулся над ним, потряс его за плечо, но человек не проснулся. Кожа у него была влажная и холодная, как у амфибии, он был жирный мягкий и мускулов у него почти не осталось, а губы его в полутьме казались черными и маслено блестели. -Спит, -сказал Кандид, поворачиваясь к наве. -Как же спит, -сказала нава, -когда он смотрит?

Кандид снова нагнулся над человеком, и ему показалось, что тот действительно смотрит, чуть-чуть приоткрыв веки. Но только показалось. -Да нет, спит он, -сказал Кандид. -пойдем. Против обыкновения нава промолчала.

Они дошли до середины деревни, заглядывая в каждый дом, и в каждом доме они видели спящих. Все спящие были жирные потные мужчины, не было ни одной женщины, ни одного ребенка. Нава совсем замолчала, и Кандиду тоже было не по себе. У спящих раскатисто бурчало в животах, они не просыпались, но почти каждый раз, когда Кандид оглядывался на них, выходя на улицу, ему казалось, что они провожают его ко- роткими осторожными взглядами. Совсем стемнело, в просветы между ветвями проглядывало пепельное от лу- ны небо, и Кандид снова подумал, что все это жутко похоже на декорации в хорошем театре. Но он чувство- вал, что устал до последней степени, до полного безразличия. Ему хотелось сейчас только одного: при- лечь где-нибудь под крышей (чтобы не свалилось на сонного сверху какая-нибудь ночная гадость), пусть прямо на жестком утоптанном полу, но лучше все-таки в пустом доме, а не с этими подозрительными спящими. нава совсем повисла на руке. -Ты не бойся, -сказал Кандид. -бояться здесь со- вершенно нечего. -Что ты говоришь? -спросила она сонно. -Я говорю: не бойся, они же тут все полумертвые, я их одной рукой раскидаю. -Никого я не боюся, -сказала нава сердито. -я уста- ла и хочу спать, раз уж ты есть не даешь. А ты все ходишь и ходишь, из дома в дом, из дома в дом, на- доело даже, ведь во всех домах все одинаково, все люди уже лежат, отдыхают, и только мы с тобой бро- дим...

Тогда Кандид решился и зашел в первый же попавшийся дом. Там было абсолютно темно. Кандид прислушался, пытаясь понять, есть здесь кто-нибудь или нет, но услыхал только сопение навы, уткнувшейся лбом ему в бок. Он ощупью нашел стену, пошарил рука- ми, сухо ли на полу, и лег, положив голову навы себе на живот. Нава уже спала. Не пожалеть бы, подумал он, нехорошо здесь... Ну, всего одну ночь... И доро- гу спросить... Днем-то они не спят... В крайнем слу- чае - на болото, воры ушли... А если и не ушли... как там ребята на выселках?.. Неужели опять послезавтра?.. Нет уж, завтра... Завтра...

Он проснулся от света и подумал, что это луна. В доме было темно, лиловатый свет падал в окно и в дверь. Ему стало интересно, как это свет луны может падать сразу и в окно и в дверь напротив, но потом он догадался, что он в лесу, и настоящей луны здесь быть не может, и тут же забыл об этом, потому что в полосе света, падающего из окна, появился силуэт человека. Человек стоял здесь, в доме, спиной к кандиду, и глядел в окно, и по силуэту видно было, что он стоит, заложив руки за спину и наклонив голову, как никогда не стоят лесные жители - им просто незачем так стоять - и как любил стоять у окна лаборатории во время дождей и туманов, когда нельзя было работать, карл этингоф, и он отчетливо понял, что это и есть карл этингоф, который когда-то отлучился с биостанции в лес, да так больше и не венулся и был отдан в приказ как без вести пропавший. Он за- дохнулся от волнения и крикнул: "карл! ". Карл медленно повернулся, лиловый свет пошел по его лицу, и Кандид увидел, что это не карл, а какой-то незна- комый местный человек, он неслышно подошел к Кандиду и нагнулся над ним, не размыкая рук за спиной, и ли- цо его стало видно совершенно отчетливо, изможденное безбородое лицо, решительно ничем не напоминающее лицо карла. Он не произнес ни слова и, кажется, даже не увидел Кандида, выпрямился и пошел к двери, по прежнему сутулясь, и, когда он перешагивал через по- рог, Кандид понял, что это все-таки карл, вскочил и выбежал за ним следом.

За дверью он остановился и оглядел улицу, стараясь унять болезненную нервную дрожь, охватившую вдруг его. Было очень светло, потому что низко над деревней висело лиловое светящееся небо, все дома выглядели совсем уже плоскими и совсем ненастоящими, а наискосок на другой стороне улицы возвышалось длинное диковиное строение, каких в лесу не бывает, и возле него двигались люди. Человек, похожий на карла, шел один к этому строению, приблизился к толпе и смешался с нею, исчез в ней, как будто его никогда и не было. Кандид тоже хотел подойти к строению, но почувствовал, что ноги у него ватные и он совсем не может идти. Он удивился, как это он еще может стоять на таких ногах; боясь упасть, он хотел ухватиться за что-нибудь, но ухватиться было не за что, его окружала пустота. "карл, -бормотал он, шатаясь, -карл, венись! " он повторил эти слова несколько раз, а потом в отчаянии громко выкрикнул их, но никто его не услышал, потому что в то же мгновение раздался гораздо более громкий крик, жалкий и дикий, откровенный плач боли, так что зазвенело в ушах, так что слезы навернулись на гла- за, и почему-то он сразу понял, что кричат именно в этом длинном строении, может быть потому, что больше кричать было негде. "где нава? -закричал он. -де- вочка моя, где ты? " он понял, что сейчас потеряет ее, что настала эта минута, что сейчас потеряет все близкое ему, все, что привязывает его к жизни, и он останется один. Он повернулся, чтобы броситься об- ратно в дом, и увидел наву, которая, откинув голову, медленно падала навзничь, и он подхватил ее и поднял, не понимая, что с ней происходит. Голова ее была откинута, и ее открытое горло было перед его глазами, то место, где у всех людей ямочка между ключицами, а у навы было две таких ямочки, и он больше никогда их не увидит. Ведь плач не прекра- тился, и он понимал, что ему нужно туда, где кричат. он-то знал, что это настоящий подвиг, ведь он сам отнесет ее туда, но он знал также, что для них это никакой не подвиг, а совершенно естественная нормальная процедура, потому что они не понимали, что это значит - держать на руках дочь, теплую и единственную, и самому нести ее туда, где плачут.

Крик оборвался. Кандид увидел, что стоит уже перед самым строением среди этих людей, перед квадратной черной дверью, и он попытался понять, что он здесь делает с навой на руках, но не успел, пото- му что из черной квадратной двери вышли две женщины и с ними карл, все трое нахмуренные и недовольные, и остановились, разговаривая. Он видел, как шевелятся их губы, и догадывался, что они спорят, что они раздражены, но он не понимал слов, только раз он уловил полузнакомое слово "хиазма". Потом одна из женщин не прекращая разговора, повернулась к толпе и сделала жест, словно приглашая всех войти в строение. Кандид сказал: "сейчас, сейчас... " и еще крепче прижал к себе наву. Снова раздался громкий плач, все вокруг зашевелились, жирные люди стали об- нимать друг друга, прижиматься друг к другу, гладить и ласкать друг друга, глаза их были сухи и губы плотно сжаты, но это они плакали и кричали, проща- ясь, потому что, оказывается, это были мужчины и женщины, и мужчины прощались с женщинами навсегда. никто не решался пойти первым, и тогда первым пошел Кандид, потому что он был мужественный человек, по- тому что он знал, что такое "надо", потому что он знал, что все равно ничто не поможет. Но карл взгля- нул на него и едва заметно мотнул головой в сторону, и ему стало невыносимо жутко, потому что это был все-таки не карл, но он понял и попятился, толкая спиной мягкое и скользкое. И когда карл снова мотнул головой, он повернулся, вскинул наву на плечо и по пустой освещенной улице, как во сне побежал на мягких подгибающихся ногах, не слыша за собой топота преследователей.

Он опомнился, ударившись о дерево. Нава вскрикну- ла, и он опустил ее на землю. Под ногами была трава. Отсюда была видна вся деревня. Над деревней лило- вым светящимся конусом стоял туман, и дома казались размытыми, и размытыми казались фигурки людей. -Что-то я ничего не помню, -проговорила нава. -по- чему это мы здесь? Мы ведь уже спать легли. Или это мне все снится?

Кандид поднял ее и понес дальше, дальше, дальше, продираясь сквозь кусты, путаясь в траве, пока вокруг не стало совсем темно. Тогда он прошел еще немного, снова опустил наву на землю и сел рядом. вокруг была высокая теплая трава, сырости совсем не чувствовалось, никогда еще в лесу Кандиду не попада- лось такое сухое благодатное место. Голова у него болела, и все время клонило в сон, не хотелось ни о чем думать, было только чувство огромного облегчения оттого, что он собирался сделать что-то ужасное и не сделал. -Молчун, -сказала нава сонным голосом, -ты знаешь, молчун, я все-таки вспомнила, где я слыхала раньше такую речь. Это ты так сам говорил, молчун, когда еще был без памяти. Слушай, молчун, а может, ты из этой деревни родом? Может, ты просто забыл? Ты ведь очень больной был тогда, молчун, совсем без памя- ти... -Спи, -сказал Кандид. Ему не хотелось думать. Ни о чем не хотелось думать. Хиазма, вспомнил он. И сразу заснул.

Не совсем сразу. Он еще вспомнил, что это не карл пропал без вести; без вести пропал валентин, и отдавали в приказ валентина, а карл погиб в лесу, и тело его, найденное случайно, положили в свинцовый гроб и отправили на материк. Но он подумал, что это ему снится.

Когда он открыл глаза, нава еще спала. Она лежала на животе в углублении между двумя корнями, уткнувшись лицом в сгиб левой руки, а правую откинув в сторону, и Кандид увидел в ее грязном полураскрытом кулаке тонкий блестящий предмет. Сначала он не понял, что это такое, и только вдруг вспомнил странный полусон этой ночи и свой страх, и свое облегчение оттого, что не произошло чего-то ужасного. А потом до него дошло, что это за предмет, и даже название его неожиданно всплыло в памяти. Это был скальпель. он подождал немного, проверяя соответствие формы предмета, звучанию этого слова, созновая вторым пла- ном, что все правильно, но совершенно невозможно, потому что скальпель своей формой и своим названием чудовищно не соответствовал этому миру. Он разбудил наву.

Нава проснулась, села и сейчас же заговорила: -Какое сухое место, никогда в жизни не думала, что бывают такие сухие места, и как здесь трава растет, а молчун?.. -она замолчала и поднесла к глазам кулак со скальпелем. Секунду она глядела на скальпель, потом взвизгнула, судорожно отбросила его и вскочила на ноги. Скальпель вонзился в траву и встал торчком. она смотрела на него, и обоим было страшно. -что это такое, молчун? -сказала наконец нава шепотом. Какая страшная вещь... Или это, может быть не вещь? Это, может быть, растение? Смотри, здесь все какое сухое, -может быть, оно здесь выросло. -А почему - страшная? -спросил Кандид. Ты побробуй, попробуй возьми, тогда и будешь знать, почему страшная... Я сама не знаю, почему страшная...

Кандид взял скальпель. Скальпель был еще теплым, а острый кончик его холодил, и осторожно ведя по скальпелю пальцем, можно было найти то место, где он перестает быть теплым и становится холодным. -Где ты его взяла? -спросил Кандид. -Да нигде я его не брала, -сказала нава. -он на- верное, сам залез ко мне в руку, пока я спала. Ви- дишь, какой он холодный? Он, наверное, захотел согреться и залез ко мне в руку. Я никогда не видела таких... Такого... Я даже не знаю, как это назвать. наверное, это все-таки не растение, наверное, это такая тварь, может быть, у него и ножки есть, только он их спрятал, и он такой твердый и злобный... А мо- жет быть, мы спим еще с тобой, молчун? -она вдруг запнулась и посмотрела на Кандида. -а мы в деревне сегодня ночью были? Ведь были же, там еще человек был без лица, и он все думал, что я - мальчик... А мы искали, где поспать... Да, а потом я проснулась, тебя не было, и я стала шарить рукой... Вот где он мне залез в кулак! -сакзала она. -только вот что удивительно, молчун, я совсем его тогда не боялась, даже наоборот... Он мне даже был для чего-то ну- жен... -Все это был сон, -решительно сказал Кандид. У него мурашки бежали по затылку. Он вспомнил все, что было ночью. И карла. И как он незаметно мотнул головой: беги, пока цел. И то что живой карл был хирургом. -Что это ты замолчал, молчун? -с беспокойством спросила нава, заглядывая ему в лицо. Куда это ты смотришь?

Кандид отстранил ее. -Это был сон, -строго повторил он. -забудь. Поищи лучше какой-нибудь еды, а эту штуку я закопаю. -А для чего он был мне нужен, ты не знаешь? -спро- сила нава. -что-то я должна была сделать... -она по- мотала головой. -я не люблю таких снов, молчун, -сказала она. -ничего не вспомнить. Ты его поглубже закопай, а то он выберется и снова заползет в де- ревню, и кого-нибудь там напугает... Хорошо бы сверху камень на него положить потяжелее... Ну, ты закапывай, а я пойду искать еду. -она потянула носом воздух. -где-то тут поблизости есть ягоды. Удивительно, откуда в таком сухом месте ягоды?

Она легко и бесшумно побежала по траве и скоро пропала за деревьями, а Кандид остался сидеть, держа на ладони скальпель. Он не стал его закапывать. Он обмотал лезвие пучком травы и сунул скальпель за пазуху. Теперь он вспомнил все и тем не менее ничего не мог понять. Это был какой-то странный и страшный сон, из которого по чьему-то недосмотру вывалился скальпель. Жалко, подумал он, сегодня голова у меня на редкость ясная, и все-таки я ничего не могу по- нять. Значит, никогда не смогу.

Нава быстро вернулась и выгребла из-за пазухи целую груду ягод и несколько крупных грибов. -Там есть тропа, молчун, -сказала она. -давай мы с тобой лучше не будем возвращаться в ту деревню, за- чем она нам, ну ее... А пойдем мы с тобой по тропе, обязательно куда-нибудь да придем. Спросим там доро- гу до выселок, и все будет хорошо. Просто удивитель- но, как мне сейчас хочется попасть на эти выселки, никогда раньше так не хотелось. А в эту лукавую де- ревню давай мы не будем возвращаться, мне там сразу не понравилось, правильно, что мы оттуда ушли, а то бы обязательно какая-нибудь беда случилась. Если хо- чешь знать, нам туда, и приходить не надо было, тебе же воры кричали, что не ходи, пропадешь, да ты ведь никогда никого не слушаешься. Вот мы из-за тебя чуть в беду и не попали... Что же ты не ешь? Грибы сытные, ягоды вкусные, ты их разотри на ладони, сде- лай крошенку, что ты как маленький сегодня? Я теперь вспоминаю, мама мне всегда говорила, что самые хоро- шие грибы растут там, где сухо, мама говорила, что раньше много где было сухо, как на хорошей дороге, поэтому она понимала, а я вот не понимала...

Кандид попробывал гриб и сьел его. Грибы действи- тельно были хороши, и он почувствовал себя бодрее. но он еще не знал, как теперь поступить. В деревню возвращаться ему тоже не хотелось. Он попытался представить себе местность, как об'яснял и рисовал ему прутиком на земле колченог, и вспомнил, что колченог говорил о дороге в город, которая должна проходить в этих самых местах. "очень хорошая дорога, говорил колченог с сожалением, самая прямая дорога до города, только не добраться нам до нее через трясину-то вот беда... " врал. Врал хромой. И по трясине ходил, и в городе, наверное, был, но почему-то врал. А может, навина тропа и есть та прямая дорога? надо рискнуть. Но сначала нужно все-таки вернуться. в эту деревеню нужно все-таки вернуться... -Придется все-таки вернуться, нава, -сказал он, когда они поели. -Куда вернуться? В ту лукавую деревню вернуться? -нава расстроилась. -ну зачем ты мне это говоришь, молчун? Чего мы в той деревне еще не видели? Вот за что я тебя не люблю, молчун, так это что с тобой ни- когда не договоришься по-человечески... И ведь реши- ли уже, что возвращаться в ту деревню больше не ста- нем, и тропу я тебе нашла, а теперь ты опять заво- дишь разговор, чтобы вернуться... -Придется вернуться, -повторил он. -мне самому не хочется, нава, но сходить туда надо. Вдруг нам об'- яснят там, как -Почему - в город? Я не хочу в город, я хочу на выселки. -Пойдем уж прямо в город, -сказал Кандид. -не могу я больше. -Ну хорошо, -сказала нава. -хорошо пойдем в город, это даже лучше, чего мы не видели на этих выселках? пойдем в город, я согласна, я с тобой везде согласна, только давай не возвращаться в ту деревню... Ты как хочешь, молчун, а я бы в ту деревню никогда бы не возвращалась... -Я бы тоже, -сказал он. -но придется. Ты не сердись, нава, ведь мне самому не хочется... -А раз не хочется, так зачем ходить?

Он не хотел, да и не мог ей об'яснить - зачем. Он поднялся и, не оглядываясь, пошел в ту сторону, где должна была быть деревня, - по теплой сухой траве, мимо теплых сухих стволов, жмурясь от теплого солнца, которого непривычно много было здесь, навстречу пережитому ужасу, от которого больно напрягались все мускулы, навстречу тихой странной надежде, которая пробивалась сквозь ужас, как тра- винка, сквозь трещину в асфальте.

Нава догнала его и пошла рядом. Она была сердита и некоторое время даже молчала, но в конце концов не выдержала. -Только ты не думай, -заявила она, -я с этими людь- ми разговаривать не буду, ты теперь с ними сам разговаривай, сам туда идешь, сам и разговаривай. А я не люблю иметь дело с человеком, если у него даже лица нет, я этого не люблю. От такого человека хоро- шего не жди, если он мальчика от девочки отличить не может... У меня вот с утра голова болит, и я теперь знаю, почему...

Они вышли на деревню неожиданно. Видимо, Кандид взял слишком в сторону, и деревня открылась между деревьями справа от них. Все здесь изменилось, но Кандид не сразу понял в чем дело. Потом понял: деревня тонула.

Треугольная поляна была залита черной водой, и вода прибывала на глазах, наполняя глиняную впадину, затопляя дома, бесшумно крутясь на улицах. Кандид беспомощно стоял и смотрел, как исчезают под водой окна, как как оседают и разваливаются размокшие сте- ны, проваливаются крыши, и никто не выбегал из до- мов, никто не пытался добраться до берега, ни один человек не показывался на поверхности воды, может быть, людей там и не было, может быть, они ушли этой ночью, но он чувствовал, что это не так просто. Это не деревня подумалось ему, это макет, он стоял, все- ми забытый и запылившийся, а потом кому-то стало лю- бопытно, что будет, если залить это водой. Вдруг станет интересно?.. И залили. Но интересно не ста- ло...

Плавно прогнувшись, бесшумно канула в воду крыша плоского строения. Над черной водой словно пронесся легкий вздох, по ровной поверхности побежали волны, и все кончилось. Перед Кандидом было обычное треуго- льное озеро, пока еще довольно мелкое и безжизненное. Потом оно станет глубоким, как про- пасть, и в нем заведутся рыбы, которых мы будем ло- вить, препарировать и класть в формалин. -Я знаю, как это называется, -сказала нава. У нее был такой спокойный голос, что Кандид поглядел на нее. Она и в самом деле была совершенно спокойна и даже, кажется, довольна. -это называется одержание, -сказала она. -вот почему у них не было лица, а я сразу и не поняла. Наверное, они хотели жить в озе- ре. Мне рассказывали, что те, кто жили в домах, мо- гут остаться и жить в озере, теперь тут всегда будет озеро, а кто не хочет тот уходит. Я бы вот, напри- мер, ушла, хотя это, может быть, даже лучше - жить в озере. Но этого никто не знает... Может быть, иску- паемся? Предложила она. -Нет, -сказал Кандид. -я не хочу здесь купаться. пойдем на твою тропу. Идем.

Мне бы только выбраться отсюда, думал он, а то я как та машинка в лабиринте... Мы все стояли вокруг и смеялись, как она деловито тычется, ищет, принюхивается... А потом в маленький бассейн на ее дороге наливали воду, и она трогательно терялась, но только на мгновение, и снова начинала деловито шевелить антеннами, жужать и принюхиваться, и она не знала, что мы на нее смотрим, а нам было, в общем, наплеватьна то, что она не знает, хотя именно это наверное, страшнее всего. Если это вообще страшно, подумал он. неоходимость не может быть не страшной, ни доброй. необходимость необходима, а все остальное о ней при- думываем мы и машики в лабиринтах, если они могут придумывать. Просто, когда мы ошибаемся, необходи- мость берет нас за горло, и мы начинаем плакать и жаловаться, какая она жестокая да страшная, а она просто такая, какая она есть, -это мы глупы или сле- пы. Я даже могу философствовать сегодня, подумал он. наверное, это от сухости. Надо же, даже, философствовать могу... -Вот она/твоя тропа, -сердито сказаланава. -иди, пожалуйста.

Сердится, подумал он. Выкупаться не дал, молчу все время, вокруг сухо, неприятно... Ничего, пусть посердится. Пока сердится, молчит, и на том спасибо. кто ходит по этим тропам? Неужели по ним ходят так часто, что они не заростают? Странная какая-то тропа, словно она не протоптана, а выкопана...

Тропа вначале шла по удобным сухим местам, но че- рез некоторое время она круто спустилась со склона холма и стала топкой полоской черной грязи. Чистый лес кончился, опять потянулись болота, заросли моха, сделалось сыро и душно. Нава немедленно ожила. Здесь она чувствовала себя гораздо лучше. Она уже непре- рывно говорила, и скоро в голове возник и устано- вился привычный звенящий шум, и он двигался словно в полусне, забыв обо всякой философии, почти забыв да- же о том, куда он идет, отдавшись случайным бессвязным мыслям, и скорее даже не мыслям, а представлениям.

... Ковыляет по главной улице колченог и говорит всем встречным (а если встречных нет, то просто так), что вот ушел, значит молчун и наву с собой забрал, в город, наверное, ушел, а города никакого и нет. А может, и не в город, может, в тростники ушел, в тростниках хорошо рыбу подманивать, сунул пальцы в воду - и вот она, рыба. Да только, если подумать, зачем ему рыба, не ест молчун рыбу, дурак, хотя, мо- жет, решил для навы рыбки наловить, нава рыбу ест, вот он ее и будет кормить рыбой... Но вот зачем он тогда все время про город спрашивал? Не-ет, не в тростники он пошел, и нужно ожидать, что не скоро вернется...

А навстречу ему по главной улице идет кулак и говорит всем встречным, что вот молчун все ходил, уговаривал, пойдем, говорил, в город, кулак, после- завтра пойдем, целый год звал послезавтра в город идти, а когда я еды наготовил невпроворот, что ста- руха ругается, тогда он без меня и без еды ушел... один вот тоже, шерсть на носу, уходил-уходил без еды, дали ему в лоб как следует, так больше не ухо- дит, и с едой не уходит, и без еды боится, дома си- дит, так ему дали...

А хвост стоит рядом с завтракающим у него дома старцем и говорит ему: опять ты ешь, опять ты чужое ешь. Ты не думай, говорит мне не жалко, я только удивляюсь, как это в одного такого тощего старика столько горшков самой сытной еды помещается. Ты ешь, говорит, но ты мне скажи, может быть, ты все-таки не один у нас в деревне? Может быть, вас все-таки трое или хотя бы двое? Ведь на тебя смотреть жутко, как ты ешь-ешь, наешься, а потом об'ясняешь, что нель- зя...

Нава шла рядом, держась обеими руками за его руку, и с азартом рассказыва рассказывала: -И еще жил в этой нашей деревне один мужчина, кото- рого звали обида-мученик, ты его не можешь помнить, ты тогда как раз без памяти был. А этот обида-муче- ник всегда на все обижался и спрашивал: почему? По- чему днем светло, а ночью темно? Почему жуки хмель- ные бывают, а муравьи нет? Почему мертвяки женщинами интересуются, а мужчины им не нужны? У него мертвяки двух жен украли одну за другой. Первую еще до меня украли, а вторую уже при мне, так он все ходил и спрашивал, почему, спрашивал, они его не украли, а украли жену... Нарочно целыми днями и ночами по лесу ходил, чтобы его тоже угнали и он бы своих жен на- шел, хотя бы одну, но его конечно, так и не угнали, потому что мертвякам мужчины ни к чему, им жен- щины нужны, так уж у них заведено, и из-за какого-то оби- ды-мученика они порядков своих менять не поду- мали... еще он все спрашивал, почему нужно на поле работать, когда в лесу еды вдоволь - поливай бродилом и ешь. староста ему говорит: не хочешь - не работай, никто тебя за руку не тянет... А тот знай все твердит: по- чему да почему... Или к кулаку пристал. Почему, го- ворит, верхняя деревня грибами заросла, а наша никак не зарастает? Кулак ему сначала спокойно об'ясняет: у верхних одержание произошло, а у нас еще нет, и весь вопрос. А тот спрашивает а почему же у нас оде- ржание не происходит так долго? Да что тебе это оде- ржание, спрашивает кулак, что ты без него - соску- чился? Не отстает обида-мученик. Измотал он кулака, закричал кулак громко на всю деревню, кулаками зама- хал побежал к старосте жаловаться, староста тоже рассердился, собрал деревню, и погнались они за оби- да-мучеником, чтобы его наказать, да так и не пойма- ли... И к старику он тоже приставал много раз. Ста- рик сначала к нему есть перестал ходить, потом стал от него прятаться и наконец не выдержал: отстань, ты, говорит, от меня, у меня из-за тебя пища в рот не лезет, откуда я знаю - почему? Город знает, поче- му, и все. Пошел обида-мученик в город и больше уже не возвращался...

Медленно проплывали справа и слева желто-зеленые пятна, глухо фукали созревшие дурман-грибы, разбра- сывая веером рыжие фонтаны спор, с воем налетела заблудившаяся лесная оса, старалась ударить в глаз, и пришлось сотню шагов бежать, чтобы отвязаться; шумно и хлопотливо, цепляясь за лианы, мастерили свои постройки разноцветные подводные пауки; деревь- я-прыгуны приседали и корчились, готовясь к прыжку, но, почувствовав, людей, замирали, притворяясь обы- кновенными деревьями, - и не на чем было остановить взгляд, нечего было запоминать. И не над чем было думать, потому что думать о карле, о прошлой ночи и затонувшей деревне означало бредить. -Обида-мученик был добрый человек, это они с колче- ногом нашли тебя за тростниками. Пошли в муравейни- ки, да как-то их занесло в тростники, и нашли они там тебя и притащили, вернее, тащил тебя обида-муче- ник, а колченог только сзади шел, да подбирал все что из тебя вывалилось... Много он чего подобрал, а потом рассказывал, страшно ему стало, он все и выбросил. Такое, рассказывал, у нас никогда не росло и расти не может. А потом обида-мученик одежду твою с тебя снял, очень на тебе была странная одежда, никто не мог понять, где такое растет и как... Так он эту одежду разрезал и рассадил, думал - вырастет. но ничего у него не выросло, не взошло даже, и опять он стал ходить по деревне и спрашивать: почему, если любую одежду взять, разрезать и рассадить, то она вырастет, а твоя, молчун, даже и не взошла... Он и к тебе много приставал, жить тебе не давал, но ты тогда без памяти был и только бормотал что-то, вроде как тот, без лица, и рукой заслонялся. Так он от те- бя и отстал ни с чем. Потом еще многие мужики за тростники ходили - и кулак, и хвост, и сам староста даже ходил, надеялись еще одного такого найти. Нет, не нашли... Тогда меня к тебе и приставили. Выхаживай, говорят, как можешь, выходишь - будет тебе муж, а что он чужой - так ты тоже вроде чужая. Я ведь тоже чужая, молчун. Как было дело: захватили нас с матерью мертвяки, а ночь была без луны...

Местность опять стала повышаться, но сырости не убавилось, хотя лес стал чище. Уже не видно было коряг, гнилых сучьев, завалов гниющих лиан. Пропала зелень, все вокруг сделалось желтым и оранжевым. Деревья стали стройнее, и болото стало какое-то необычное -ровное, без моха и без грязевых куч. Исчезла паутина зарослей, направо и налево стало видно далеко. И трава на болоте стала мягче и сочнее, травинка к травинке, словно кто-то специально подбирал и высаживал.

Нава остановилась на полуслове, потянула носом воздух и деловито сказала, оглядываясь: -Куда бы здесь спрятаться? Спрятаться-то, кажется, и некуда... -Кто-нибудь идет? Спросил Кандид. -Кого-то много, и я не знаю, кто это... Это не мертвяки, но лучше бы все-таки спрятаться. Можно, конечно, не прятаться, все равно они уже близко, да и спрятаться здесь негде. Давай на обочину станем и посмотрим... -она еще раз потянула носом. -скверный какой-то запах, не то чтобы опасный, а лучше бы его не было... А ты, молчун, неужели ничего не чуешь? ведь так разит, будто от перепрелого бродила - стоит горшок у тебя перед носм, а в нем перепрелое бродило с плесенью... Вон они! Э, маленькие, не страшно, ты их сейчас прогонишь... Гугу-гу! -Помолчи, -сказал Кандид, всматриваясь.

Сначала ему показалось, что навстречу ползут по тропинке белые черепахи. Потом он понял, что таких животных видеть ему еще не приходилось. Они были по- хожи на огромных непрозрачных амеб или на очень мо- лодых древестных слизней, только у слизней не было ложноножек, и слизни были все-таки побольше. Их было много, они ползли гуськом друг за дружкой, довольно быстро, ловко выбрасывая вперед ложноножки и перели- ваясь в них.

Скоро они оказались совсем близко - белые, блестящие, и Кандид тоже почувствовал резкий незна- комый запах и отступил с тропы на обочину, потянув за собой наву. Слизни амебы один за другим проползли мимо них, не обращая на них никакого внимания. Их оказалось всего двенадцать, и последнего, двенадцатого, нава, не удержавшись, пнула пяткой. Слизень проворно поджал зад и задвигался скачками. Нава пришла в восторг и кинулась было догнать и пнуть еще разок, но Кандид поймал ее за одежду. -Так они же потешные! -сказала нава. -и так ползут, будто люди идут по тропинке... И куда это они, инте- ресно, идут? Наверное, молчун, они в ту лукавую де- ревню идут, они, наверное, оттуда, а теперь возвра- щаются и не знают, что в деревне уже одержание произошло. Покрутятся возле воды и обратно пойдут. куда же они, бедные, пойдут? Может, другую деревню искать?.. Эй! -закричала она. -не ходите! Нет уже вашей деревни, одно озеро там! -Помолчи, -сказал Кандид. -пойдем. Не понимают они твоего языка, не кричи зря.

Они пошли дальше. После слизней тропинка казалась немного скользкой. Встретились и разошлись, подумал Кандид. Встретились и разминулись. И я уступил доро- гу. Я, а не они. Это обстоятельство вдруг показалось ему очень важным. Они маленькие и беззащитные, а я большой и сильный, но я сошел с тропинки и про- пустил, и теперь думаю о них, а они прошли и теперь уже, наврное, обо мне не помнят. Потому что в лесу они дома, и мало ли что встречается в лесу. Как в доме бывают тараканы, клопы, мокрицы, или залетит безмозглая бабочка. Или муха будет биться в стекло. а ведь это неправда, что мухи бьются в стекло. Му- хи-то воображают, что они летят, когда бьются в стекло. А я воображаю, что я иду. Только потому, что передвигаю ногами... Наверное, смотреть на меня со стороны смешно и... Как это сказать... Жалостно... жалко... Как будет правильно... -Скоро будет озеро, -сказала нава. -пойдем скорее, я хочу пить и есть. Может быть, ты рыбы для меня приманишь...

Они пошли быстрее. Начались заросли тростника. Ну хорошо, думал Кандид, на муху я похож. А на человека я похож? Он вспомнил карла и вспомнил, что карл не был похож на карла. Очень может быть, подумал он спокойно, что я совсем не тот человек, который сколько-то там лет назад разбился на вертолете. только тогда непонятно, зачем мне биться о стекло. ведь карл, наверное, когда с ним случилось это, уже не бился о стекло. А страно будет, когда я выйду к биостанции, и они меня увидят. Хорошо, что я об этом подумал. Об этом мне нужно много и основательно думать. Хорошо, что времени еще много и что я еще не скоро выйду к биостанции...

Тропа раздвоилась. Одна, по-видимому, шла к озеру, а другая круто свернула куда-то в сторону. -Не пойдем туда, -сказала нава, -это вверх, а я пить хочу.

Тропа становилась все уже, потом превратилась в рытвину и окончательно заглохла в зарослях. Нава остановилась. -Знаешь молчун, -сказала она, -а может, мы не пой- дем к этому озеру? Мне это озеро что-то не нравить- ся, чего-то там не так. По-моему это даже не озеро, чего-то там еще много, кроме воды... -Но вода там есть? -спросил Кандид. -ты же пить хо- тела. Да и я тоже непрочь...

Вода есть, -неохотно сказала нава, -но теплая. плохая вода. Нечистая... Знаешь что, молчун, ты здесь постой, а то больно шумно ты ходишь, ничего из-за тебя не слыхать, так ты шумишь, ты постой и подожди меня, а я тебя позову, крикну прыгуном. Зна- ешь, как прыгун кричит? Вот я прыгуноми крикну. А ты здесь постой или лучше даже посиди...

Она нырнула в тростники и исчезла. И тогда Кандид обратил внимание на глухую, ватную тишину, царившую здесь. Не было ни звона насекомых, ни вздохов и со- пения болота, ни криков лесного зверья, сырой горя- чий воздух был неподвижен. Это не была сухая тишина лукавой деревни, там было тихо, как ночью за кулиса- ми театра. А здесь было тихо, как под водой. Кандид осторожно присел на корточки, вырвал несколько тра- винок, растер между пальцами и неожиданно увидел, что земля здесь должна быть с'едобна. Он выдрал пу- чок травы с землей и стал есть. Дерн хорошо утолял голод и жажду, он был прохладен и солоноват на вкус. сыр, подумал Кандид. Да, сыр... Что такое сыр? Сыр швейцарский, сыр плавленый. Сыр со слезой. странно...

Потом из тростника бесшумно вынырнула нава. Она присела рядом и тоже стала есть, быстро и аккуратно. глаза у нее были круглые. -Это хорошо, что мы здесь поели, -сказала она нако- нец. -хочешь посмотреть, что это за озеро? А то я хочу посмотреть еще раз, но мне одной страшно. Это то самое озеро, про которое колченог всегда расска- зывает, только я думала, что он выдумывает или ему привидилось, а это, оказывается, правда, хотя мне, может быть, тоже привидилось... -Пойдем посмотрим, -сказал Кандид.

Озеро оказалось шагах в пятидесяти. Кандид и нава спустились по топкому дну и раздвинули тростники. над водой толстым слоем лежал белый туман. Вода была теплая, даже горячая, но чистая и прозрачная. Пахло едой. Туман медленно колыхался в правильном ритме, и через минуту Кандид почувствовал, что у него кру- жится голова. В тумане кто-то был. Люди. Много лю- дей. Все они были голые и совершенно неподвижно ле- жали на воде. Туман ритмично поднимался и опускался, то открывая, то снова застилая изжелтабелые тела, запрокинутые лица, - люди не плавали, люди лежали на воде, как на пляже. Кандида передернуло. "уйдем от- сюда", -прошептал он и потянул наву за руку. Они выбрались на берег и вернулись на тропу. -Никакие это не утопленники, -сказала нава. -колченог ничего не разобрал, просто они здесь купались, а тут ударил горячий источник, и все они сварились... очень это страшно, молчун, -сказала она, помолчав. -мне даже говорить об этом не хочется... А как их там много, целая деревня...

Они дошли до того места, где тропа раздваивалась, и остановились. -Теперь вверх? -спросила нава. -Да, -сказал Кандид. -теперь вверх. Они свернули направо и стали подниматься по скло- ну. -И все они женщины,

-сказала нава. -ты заметил? -Да, -сказал Кандид. -Вот это самое страшное, вот это я никак не могу понять. А может быть... -нава посмотрела на Кандида. -а может быть, их мертвяки туда загоняют? Наверное, их мертвяки туда загоняют - наловят по всем де- ревням, пригонят к этому озеру и варят... Слушай, молчун, зачем мы только из деревни ушли? Сидели бы в деревне, ничего бы этого никогда не видели. Думали бы, что это колченог выдумывает, жили бы спокойно, так нет, тебе вот понадобилось в город идти... Ну зачем тебе понадобилось в город идти? -Не знаю, -сказал Кандид.

Г л а в а ч е т в е р т а я

Они лежали в кустах на самой опушке и сквозь листву глядели на вершину холма. Холм был пологий и голый, а на вершине его шапкой лежало облако лилового тумана. Над холмом было открытое небо, дул порывистый ветер и гнал серые тучи, моросил дождь. Лиловый туман стоял неподвижно, словно никакого ветра не было. Было довольно прохладно, даже свежо, они промокли, ежились от озноба и стучали зубами, но уйти они уже не могли: в двадцати шагах, прямые, как статуи, стояли с широко раскрытыми ртами три мертвяка и тоже смотрели на вершину холма пустыми глазами. Эти мертвяки подошли пять минут назад. Нава почуяла их и рванулась было бежать, но Кандид зажал ей рот ла- донью и вдавил ее в траву. Теперь она немного успо- коилась, только дрожала крупной дрожью, но уже не от страха, а от холода, и снова смотрела не на мертвя- ков, а на холм.

На холме и вокруг холма происходило что-то странное, какие-то грандиозные приливы и отливы. Из леса с густым басовым гудением вдруг вырывались ис- полинские стаи мух, устремлялись к вершине холма и скрывались в тумане. Склоны оживали колоннами муравьев и пауков, из кустарников выливались сотни слизней-амеб, гигантские рои пчел и ос, тучи мно- гоцветных жуков уверенно проносились под дождем. поднимался шум, как от бури. Эта волна поднималась к вершине, всасывалась в лиловое облако, исчезала, и тогда вдруг наступала тишина. Холм снова становился мертвым и голым, а потом проходило какое-то время, снова поднимался шум и гул, и все это вновь извергалось из тумана и устремлялось в лес. Только слизни оставались на вершине, но зато вместо них по склонам ссыпались самые невероятные и неожиданные животные: катились волосатики, ковыляли на ломких ногах неук- люжие рукоеды и еще какие-то неизвестные, никогда не виданные, пестрые, многоглазые, голые, блестящие не то звери, не то насекомые... И снова наступала тиши- на, и снова все повторялось сначала, и опять, и опять, в пугающем напористом ритме, с какой-то неубывающей энергией, так что казалось, будто это было всегда и всегда будет в том же ритме и с той же энергией... Один раз из тумана со страшным ревом вылез молодой гиппоцет, несколько раз выбегали мертвяки и сразу кидались в лес, оставляя за собой белые полосы остывающего пара. А лиловое неподвижное облако глотало и выплевывало, глотало и выплевывало неустанно и регулярно, как машина.

... Колченог говорил, что город стоит на холме. может быть, это и есть город, может быть, это они и называют городом. Да, наверное, это город. Только в чем его смысл? Зачем он? И эта странная деяте- льность... Я ждал чего-нибудь в этом роде... Ерунда, ничего такого я не ждал. Я думал только о хозяевах, а где они здесь - хозяева? Кандид посмотрел на мертвяков. Те стояли в прежних позах, и рты их были все так же раскрыты. Может быть, я ошибаюсь, подумал Кандид. Может быть, они и есть хозяева. Наверное, я все время ошибаюсь. Я совсем разучился думать здесь. если у меня иногда и появляются мысли, то сразу ока- зывается, что я совршенно неспособен их связать... из тумана не вышел еще ни один слизень. Вопрос: по- чему из тумана не вышел еще ни один слизень?.. Нет, не то. Надо по порядку. Я же ищу источник разумной деятельности... Неверно, опять неверно. Меня совсем не интересует разумная деятельность. Я просто ищу кого-нибудь, чтобы мне помогли вернуться домой. Чтобы мне помогли преодолеть тысячу километров леса. чтобы мне хотя бы сказали, в какую сторону идти... У мертвяков должны быть хозяева, я ищу этих хозяев, я ищу источник разумной деятельности. Он немного приободрился: получалось вполне связно. Начнем с самого начала. Все продумаем спокойно и неторопливо. сейчас не надо торопиться, сейчас самое время все продумать спокойно и неторопливо. Начнем с самого начала. У мертвяков должны быть хозяева, потому что мертвяки - это не люди, потому что мертвяки - это не животные. Следовательно мертвяки сделаны. Если они не люди... А почему, собственно, они не люди? Он по- тер лоб. Я же уже решал этот вопрос. Давно еще в де- ревне. Я его даже два раза решал, потому что в первый раз я забыл решение, а сейчас я забыл доказательства.

Он затряс головой изо всех сил, и нава тихонько зашипела на него. Он затих и некоторое время полежал неподвижно, уткнувшись лицом в мокрую траву. ... Почему они не животные - я уже тоже доказал когда-то... Высокая температура... Да нет, ерунда... он вдруг с ужасом ощутил, что забыл даже, как выгля- дят мертвяки. Он помнил только их рассказленное тело и резкую боль в ладонях. Он повернул голову и посмотрел на мертвяков. Да. Думать мне нельзя, ду- мать мне противопоказано, и именно сейчас, когда я должен думать интенсивнее, чем когда-либо. "пора по- есть; ты мне это уже рассказывала, нава; послезавтра мы уходим" - вот и все, что мне можно. Но я уже ушел! И я здесь! Теперь я пойду в город. Что бы это ни было - город. У меня весь мозг зарос лесом. Я ни- чего не понимаю... Вспомнил. Я шел в город, чтобы мне об'яснили про все: про одержание, про мертвяков, про великое разрыхление почвы, озера с утопленника- ми... Оказывается, все это обман, все опять перевра- ли, никому нельзя верить... Я надеялся, что в городе мне об'яснят, как добраться до своих, ведь старец все время говорил: город знает все. И не может же быть, чтобы он не знал о нашей биостанции, об уп- равлении. Даже колченог все время болтает о чертовых скалах и о летающих деревнях... Но разве может лило- вое облако что-нибудь об'яснить? Это было бы страшно, если бы хозяевом оказалось лиловое облако. а почему "было бы"? Уже сейчас страшно! Это же напрашивается, молчун: лиловый туман здесь везде хо- зяин, разве я не помню? Да и не туман это вовсе... так вот в чем дело, вот почему людей загнали, как зверей, в чащи, в болота, утопили в озерах: они были слишком слабы, они не поняли, а если и поняли, то ничего не могли сделать, чтобы помешать. Когда я еще не был загнан, когда я еще был дома, кто-то доказы- вал очень убедительно, что контакт между гуманоидным разумом и негуманоидным невозможен. Да, он невозмо- жен. Конечно же, он невозможен. И теперь никто мне не скажет, как добраться до дома. Мой контакт с людьми тоже невозможен, и я могу это доказать. Я еще могу увидеть чертовы скалы, говорят их можно увидеть иногда, если забраться на подходящее дерево и если это будет подходящий сезон, только нужно сначала найти подходящее дерево, нормальное человеческое де- рево. Которое не прыгает. И не отталкивает. И не старается уколоть в глаз. И все равно нет такого де- рева, с которого я мог бы увидеть биостанцию... биостанцию?.. Я забыл, что такое биостанция. Лес снова загудел, зажужжал, затрещал, зафыркал, снова к лиловому куполу ринулись полчища мух и му- равьев. Одна туча прошла над их головами, и кусты засыпало дохлыми и слабыми, неподвижными и едва ше- велящимися, помятыми в тесноте роя. Кандид ощутил неприятное жжение в руке и поглядел. Локоть его, упертый в рыхлую землю, оплели нежные нити грибницы. Кандид равнодушно растер их ладонью. А чертовы ска- лы-это мираж, подумал он, ничего этого нет. Раз они рассказывают про чертовы скалы-значит, все это вранье, значит, ничего этого нет, и теперь я уже не знаю, зачем я, собственно, сюда пришел...

Сбоку раздался знакомый устрашающий храп. Кандид повернул голову. Сразу из-за семи деревьев на холм тупо глядел матерый гиппоцет. Один из мертвяков вдруг ожил, вывернулся и сделал несколько шагов навстречу гиппоцету. Снова раздался храп, треснули деревья, и гиппоцет удалился. Мертвяков даже гиппо- цеты боятся, подумал Кандид. Кто же их не боится? где бы их найти, которые не боятся?.. Мухи ревут. глупо, нелепо. Мухи-ревут. Осы ревут... -Мама!.. Прошептала вдруг нава. -мама идет...

Она стояла на четвереньках и глядела через плечо. лицо ее выражало огромное изумление и недоверие. И Кандид увидел что из леса вышли три женщины и, не замечая мертвяков, направились к подножию холма. -Мама! -завизжала нава не своим голосом, пе- репрыгнула через Кандида и понеслась им наперерез. тогда Кандид тоже вскочил, и ему показалось, что мертвяки совсем рядом, что он чувствует жар их тел.

Трое, подумал он. Трое... Хватило бы и одного. Он смотрел на мертвяков. Тут мне и конец, подумал он. глупо. Зачем они сюда приперлись, эти тетки? Ненавижу баб, из-за них всегда что-нибудь не так.

Мертвяки закрыли рты, головы их медленно повора- чивались вслед за бегущей навой. Потом они разом шагнули вперед, и Кандид заставил себя выскочить из кустов им навстречу. -Назад! -закричал он женщинам не оборачиваясь. -уходите! Мертвяки!

Мертвяки были огромные, плечистые, без единой ца- рапины, без единой заусеницы. Невероятно длинные ру- ки их касались травы. Не спуская с них глаз, Кандид остановился у них на дороге. Мертвяки смотрели по- верх его головы и с уверенной неторопливостью надви- гались на него, а он пятился, отступал, все оттяги- вая неизбежное начало и неизбежный конец, борясь с нервной тошнотой и никак не решаясь остановиться. нава за его спиной кричала: "мама! Это я. Да мама же! " глупые бабы, почему они не бегут? Обмерли от страха? Остановись, говорил он себе, остановись же! сколько можно пятиться? Он не мог остановиться. Там же нава, думал он. И эти дуры. Толстые сонные равно- душные дуры... И нава... А какое мне до них дело, думал он. Колченог бы уже давно удрал на своей ноге, а кулак и подавно. А я должен остановиться. Неспра- ведливо. Но я должен остановиться! А ну, остано- вись!.. Он не мог остановиться, и презирал себя за это, и хвалил себя за это, и ненавидел себя за это, и продолжал пятиться.

Остановились мертвяки. Сразу, как по команде. тот, что шел впереди, так и застыл с поднятой ногой, а потом медленно, словно в нерешительности, опустил ее в траву. Рты их снова вяло раскрылись, и головы повернулись к вершине холма. Кандид все еще пятясь, оглянулся. Нава, дрыгая ногами, висла на шее у одной из женщин, та, кажется, улыбалась и пошлепывала ее по спине. Другие две женщины спокойно стояли рядом и смотрели на нее. Не на мертвяков, не на холм. И даже не на Кандида - чужого заросшего мужика, может быть, вора. А мертвяки стояли неподвижно, как древние при- митивные изваяния, словно ноги их вросли в землю, словно во всем лесу не осталось ни одной женщины, которую нужно хватать и тащить куда-то, куда прика- зано, и из-под ног их, как дым жертвенного огня, поднимюлись столбы дыма.

Тогда Кандид повернулся и пошел к женщинам. Даже не пошел, а потащился, не уверенный ни в чем, не ве- ря больше ни глазам, ни слуху, ни мыслям. Под чере- пом ворочался болезненный клубок, и все тело ныло после предсмертного напряжения. -Бегите, -сказал он еще издали. -бегите, пока не поздно, что же вы стоите? -он уже знал, что говорит бессмыслицу, но это была инерция долга, и он про- должал машинально бормотать: -мертвяки здесь, беги- те, я задержу...

Они не обратили на него внимания. Не то чтобы они не слышали или не видели его - молоденькая девушка, совсем юная, может быть всего года на два старше навы, совсем еще тонконогая, оглядела его и улыбнулась очень приветливо, - но он ничего не значил для них, словно был большим приблудным псом, какие бегают повсюду без определенной цели и готовы часами торчать возле людей, ожидая неизвестно чего. -Почему вы не бежите? -тихо сказал Кандид. Он уже не ждал ответа, и ему не ответили. -Ай-яй-яй, -говорила беременная женщина, смеясь и качая головой. -и кто бы мог подумать? Могла бы ты подумать? -спросила она девушку. -и я нет. Милая моя, -сказала она навиной матери, -и что же? Он здо- рово пыхтел? Или он просто ерзал и обливался потом? -Неправда, -сказала девушка. -он был прекрасен, верно? Он был свеж, как заря и благоухал... -Как лилия, -подхватила беременная женщина. -от его запаха голова шла кругом, от его лап бежали му- рашки... А ты успела сказать "ах"? Девушка прыснула. мать навы неохотно улыбнулась. Они были плотные, здоровые, непривычно чистые, словно вымытые, они и были вымытые - их короткие волосы были мокры, и желтая мешковатая одежда липла к мокрому телу. Мать навы была ниже ростом и, по-видимому, старше всех. нава обнимала ее за талию и прижималась лицом к ее груди. -Где уж вам, -сказала мать навы с деланным пре- небрежением. -что вы можете знать об этом? Вы, необ- разованные... -Ничего, -сразу сказала беременная. -откуда нам знать? Поэтому мы тебя и спрашиваем... Скажи, пожа- луйста, а каков был корень любви? -Был ли он горек? -сказала девушка и снова прысну- ла. -Вот-вот, -сказала беременная. -плод довольно сла- док, хотя и плохо вымыт... -Ничего, мы его отмоем, -сказала мать навы. -ты не знаешь, паучий бассейн очистили? Или придется нести ее в долину? -Корень был горек, -сказала беременная девушке. -ей неприятно о нем вспоминать. Вот странно, а говорят, это незабываемо! Слушай, милая, ведь он тебе снится? -Не остроумно, -сказала мать навы. -и тошнотворно... -Разве мы острим? -удивилась беременная женщина. -мы просто интересуемся. -Ты так увлекательно рассказываешь, -сказала де- вушка, блестя зубами. Расскажи еще что-нибудь...

Кандид жадно слушал, пытаясь открыть какой-то скрытый смысл в этом разговоре, и ничего не понимал. он видел только, что эти двое издеваются над навиной матерью, что она задета, и что она пытается скрыть это или перевести розговор на другую тему, и что это ей никак не удается. А нава подняла голову и внима- тельно смотрела на говорящих, переводя взгляд с од- ной на другую. -Можно подумать, что ты сама родилась в озере, -сказала мать навы беременной женщине теперь уже с откровенным раздражением. -О нет, -сказала та. -но я не успела получить тако- го широкого образования, и моя дочь, -она похлопала себя ладонью по животу, -родится в озере. Вот и вся разница. -Ты что к маме привязалась, толстая ты старуха? -сказала вдруг нава. -сама посмотри на себя, на что ты похожа, а потом привязывайся! А то я скажу мужу, он тебя палкой огреет по заднице, чтобы не привязы- валась.

Женщины, все трое, расхохотались. -Молчун! -завопила нава. -что они надо мной смеют- ся?

Все еще смеясь, женщины посмотрели на Кандида. мать навы с удивлением, беременная - равнодушно, а девушка - непонятно как, но, кажется с интересом. -Что еще за молчун? -сказала мать навы. -Это мой муж, -сказала нава. -смотрите, какой он хороший. Он меня от воров спас... -Какой еще муж? -неприязненно произнесла беременная женщина. -не выдумывай, девочка. -Сама не выдумыыай, -сказала нава. -чего ты вмешиваешься? Какое тебе дело? Твой, что ли, муж? Я с тобой, если хочешь знать, не разговариваю. Я с мамой разговариваю. А то лезет, как старик, без спросу, без разрешения... -Ты что, -сказала беременная женщина Кандиду, -ты что, действительно муж?

Нава затихла. Мать крепко обхватила ее руками и прижала к себе. Она смотрела на Кандида с отвращени- ем и ужасом. Только девушка продолжала улыбаться, и улыбка ее была так приятна и ласкова, что Кандид об- ратился именно к ней. -Да нет, конечно, -сказал он. -какая она мне жена. она мне дочь... -он хотел рассказать, что нава выхо- дила его, что он ее любит и что он очень рад, что все так хорошо и удачно получилось, хотя он ничего не понимает.

Но девушка вдруг прыснула и залилась смехом, махая руками. -я так и знала, -простонала она. -это не ее муж... Это вон ее муж! -она указала на мать навы. -это... Ее... Муж! Ох, не могу!

На лице беременной появилось веселое изумление, и она стала демонстративно внимательно оглядывать Кандида с ног до головы. -Ай-яй-яй... -начала она прежним тоном, но мать навы нервно сказала: -Перестаньте! Надоело наконец! Уходи отсюда, -сказала она Кандиду. -иди, чего ждешь? В лес иди!.. -Кто бы мог подумать, -тихонько пропела беременная, -что корень любви может оказаться столь горек... столь грязен... Волосат... -она перехватила яростный взгляд матери навы и махнула на нее рукой. -все, все, -сказала она. -не сердись, милая моя. Шутка есть шутка. Мы просто очень довольны, что ты нашла дочку. Это невероятная удача... -Мы будем работать или нет? -сказала навина мать. -или мы будем заниматься болтовней? -Я иду, не сердись, -сказала девушка. -сейчас как раз начнется исход.

Она кивнула, и снова улыбнулась Кандиду, и легко побежала вверх по склону. Кандид смотрел, как она бежит - точно, професионально, не по-женски. Она добежала до вершины и, не останавливаясь, нырнула в лиловый туман. -Паучий бассейн еще не очистили, -сказала бере- менная женщина озабоченно. -вечно у нас неразбериха со строителями... Как же нам быть? -Ничего, -сказала мать навы. -пройдемся до долины. -Я понимаю, но все-таки это очень глупо - мучаться, нести почти взрослого человека до самой долины, когда у нас есть свой бассейн. -Ты бы села, -сказала мать навы, поискала глазами и, протянула руку к мертвякам, щелкнув пальцами.

Один из мертвяков тотчас сорвался с места, подбежал, скользя ногами по траве от торопливости, упал на колени и вдруг как-то странно расплылся, изо- гнулся, расплющился. Кандид заморгал: мертвяка боль- ше не было, было удобное на вид, уютное кресло. Бе- ременная облегченно женщина кряхтя, опустилась на мягкое сиденье и откинула голову на мягкую спинку. -Скоро уже, -промурлыкала она, с удовольствием вы- тягивая ноги. -скорее бы...

Мать навы присела перед дочерью на корточки и стала смотреть ей в глаза. -Выросла, -сказала она. -одичала. Рада? -Ну еще бы, -сказала нава неуверенно. -ведь ты же моя мама. Я тебя каждую ночь во сне видела. А это молчун, мама... -и нава принялась говорить.

Кандид озирался, стискивая челюсти. Все это не было бредом, как он сначала надеялся. Это было что- -то очень обычное, очень естественное, просто незнакомое ему еще, но мало ли незнакомого в лесу? К этому надо было привыкнуть, как он привык к шуму в го- лове, к с'едобной земле, к мертвякам и ко всему про- чему. Хозяева, думал он. Это хозяева. Они ничего не боятся. Они командуют мертвяками. Значит, они хо- зяева. Значит, это они посылают мертвяков за женщи- нами. Значит, это они... Он посмотрел на мокрые во- лосы женщин. Значит... И мать навы, которую угнали мертвяки... -Где вы купаетесь? -спросил он. -зачем? Кто вы та- кие? Чего вы хотите? -Что? -сказала беременная женщина. -послушай, милая моя, он что-то спрашивает.

Мать сказала наве: -Погоди минуточку, я ничего из- за тебя не слышу... что ты говоришь? Спросила она беременную женщину. -Этот козлик, -сказала та. -он чего-то хочет. Мать навы посмотрела на Кандида. -Что он может хотеть? -сказала она. -есть, на- верное, хочет. Они ведь всегда хотят есть и едят ужасно много, совершенно непонятно, зачем им столько еды, они ведь ничего не делают. -Козлик, -сказала беременная женщина. -бедный козлик хочет травки. Бе-е-е! А ты знаешь, -обрати- лась она к навиной матери, -это ведь человек с белых скал. Они теперь, между прочим, попадаются все чаще. как они оттуда спускаются? -Труднее понять, как они туда поднимаются. Как они спускаются, я видела. Они падают. Некоторые убивают- ся, а некоторые остаются в живых. -Мама, -сказала нава, -что ты на него так нехорошо смотришь? Это же молчун! Ты скажи ему что-нибудь ласковое, а то он обидится. Странно, что он еще не обиделся, я бы на его месте давно обиделась...

Холм снова заревел, черные тучи насекомых закрыли небо. Кандид ничего не слышал, он видел только, как шевелятся губы навиной матери, которая что-то внуша- ла наве, и как шевелятся губы беременной женщины, которая обращалась к нему, и выражение лица у нее было такое, как будто она и в самом деле разговари- вала с домашним козлом, забравшимся в огород. Затем рев стих. Хозяева. Не верю. А что делать? Он посмотрел на наву. Она спала. Ее мать сидела на тра- ве, а она свернулась рядом калачиком и спала, держа ее за руку. -Какие-то они слабые, -сказала беременная женщина. -пора опять все чистить. Смотри, как они спотыкают- ся... С такими работниками одержание не закончить.

Мать навы ответила ей что-то, и они начали разговор, которого кондид не понимал. Он разбирал только отдельные слова, как в бреду слухача. Поэтому он просто стоял и смотрел, как девушка спускается с холма, волоча за лапу неуклюжего рукоеда. Зачем я здесь стою, думал он, что-то мне нужно было от них, они ведь хозяева... Он не мог вспомнить. -Стою и все, -сказал он со злостью вслух. - не го- нят больше, вот и стою. Как мертвяк.

Беременная женщина мельком глянула на него и отвернулась.

Подошла девушка и сказала что-то, указывая рукой на рукоеда, и обе женщины стали внимательно разглядывать чудище, причем беременная даже привстала с кресла.

Огромный рукоед, ужас деревенских детей, жалобно пищал, слабо вырывался и бессильно открывал и закры- вал страшные роговые челюсти. Мать навы взяла его за нижнюю челюсть и сильными уверенными движениями вы- вернула ее. Рукоед всхлипнул и замер, затянув глаза пергаментной пленкой. Беременная женщина говорила: "... Очевидно, не хватает... Запомни, девочка... слабые челюсти, глаза открываются не полностью... переносить наверняка не может и поэтому бесполезен, а может быть и вреден, как и всякая ошибка... Надо чистить, переменить место, а здесь все почистить... " - "... Холм..., сухость и

Пыль... -говорила девушка, -... Лес останавливается... Этого я еще не знаю... А вы мне рассказывали совсем по-другому... " - "... А ты попробуй сама, -говорила мать навы, -... Это сразу заметно... Попробуй, попробуй! "

Девушка оттащила рукоеда в сторону, отступила на шаг и стала смотреть на него. Она словно прицелива- лась. Лицо ее стало серьезным и даже каким-то напря- женным. Рукоед покачивался на неуклюжих лапах, уныло шевелил оставшейся челюстью и слабо скрипел. "вот видишь", -сказала беременная женщина. Девушка по- дошла к рукоеду вплотную и слегка присела перед ним, уперев ладони в коленки. Рукоед затрясся и вдруг упал, распластав лапы, словно на него уронили двухпудовую гирю. Женщины засмеялись. Мать навы ска- зала: -Да перестань ты, почему ты нам не веришь?

Девушка не ответила. Она стояла над рукоедом и смотрела, как тот медленно и осторожно подбирает под себя лапы и пытается подняться. Лицо ее заострилось. она рывком подняла рукоеда, поставила его на лапы и сделала движение, будто хотела обхватить его. Между ее ладонями через туловище рукоеда протекла струя лилового тумана. Рукоед заверещал, скорчился, выгнулся, засучил лапами. Он пытался убежать, ускользнуть, спастись, он метался, а девушка шла за ним, нависала над ним, и он упал, неестественно сплетая лапы и стал сворачиваться в узел. Женщины молчали. Рукоед превратился в пестрый, сочащийся слизью клубок и тогда девушка отошла от него и сказала, глядя в сторону: -Дрянь какая... -Чистить надо, чистить, -сказала беременная женщи- на, поднимаясь. -займись, откладывать не стоит. Ты все поняла? Девушка кивнула. -Тогда мы пойдем, а ты сразу же начинай. Девушка повернулась и пошла на холм к лиловому облаку. Возле пестрого клубка она задержалась, пой- мала слабо дергающуюся лапу и пошла дальше, волоча клубок за собой. -Славная подруга, -сказала беременная женщина. -мо- лодец. -Управлять она будет, -сказала мать навы, тоже поднимаясь. Характер у нее есть. Ну что же, надо ид- ти...

Кандид едва слышал их. Он все никак не мог от- вести глаз от черной лужи, оставшейся на том месте, где скрутили рукоеда. Она к нему даже не прикаса- лась, она его пальцем не трогала, она просто стояла над ним и делала что хотела. Такая милая, такая нежная, ласковая... Даже пальцем не притронулась... к этому тоже надо привыкнуть? Да подумал он. Надо. он стал смотреть, как мать навы и беременная женщи- на осторожно ставят наву на ноги, берут за руки и ведут в лес вниз к озеру. Так и не заметив его, не сказав ничего. Он снова посмотрел на лужу. Он по- чувствовал себя маленьким, жалким и беспомощным, но все-таки решился и стал спускаться вслед за ними, догнал их и, обливаясь потом от страха, пошел в двух шагах позади. Что-то горячее надвинулось на него со спины. Он оглянулся и прыгнул в сторону. По пятам шел огромный мертвяк -тяжелый, жаркий, бесшумный, немой. Ну-ну-ну, подумал Кандид, это же только ро- бот, слуга. А я молодец, подумал он вдруг, ведь это я сам понял. Я забыл, как я до этого дошел, но это не важно, важно, что я понял, сообразил. Все со- поставил и сообразил, -сам... У меня мозг, понятно? -сказал он про себя, глядя в спины женщин. Нечего вам особенно... Я тоже кое-что могу. Женщины говори- ли о каком-то человеке, который взялся не за свое дело и поэтому стал посмешищем. Их что-то забавляло, они смеялись. Они шли по лесу и смеялись. Словно шли по деревенской улице на посиделки. А вокруг был лес, под ногами была даже не тропа, а густая светлая тра- ва, в такой траве всегда бывают неприметные мелкие цветы, которые разбрасывают споры, проникающие под кожу и прорастающие в теле. А они хихикали и болта- ли, сплетничали, а нава шла между ними и спала, но они сделали так, что она шла довольно уверенно и почти не спотыкалась... Беременная женщина мельком оглянулась, увидела Кандида и рассеянно сказала: -Ты еще здесь? В лес иди, в лес... Зачем за нами идешь?

Да, подумал Кандид. Зачем? Какое мне до них дело? а ведь какое-то дело есть, что-то у них надо узнать... Нет, не то... Нава! -вдруг вспомнил он. Он понял, что наву он потерял. С этим ничего не поделаешь. Нава уходит со своей матерью, все правильно, она уходит к хозяевам. А я? Я остаюсь. А зачем я все-таки иду за ниими? Провожаю наву? Она уже спит, они усыпили ее. Его охватила тоска, прощай нава, по- думал он.

Они вышли к развилке тропы, женщины свернули на- лево, к озеру. К озеру с утопленницами. Они и есть утопленницы... Опять все переврали, все перепутали... Они прошли мимо того места, где Кандид ждал наву и ел землю. Это было очень давно, подумал Кандид, почти также давно, как биостанция... Био-с- танция... Он едва плелся; если бы за ним по пятам не шел мертвяк, он бы, наверное, уже отстал. Потом женщины остановились и посмотрели на него. Кругом были тростники, земля под ногами была теплая и тонкая. Нава стояла с закрытыми глазами, чуть за- метно покачиваясь, а женщины задумчиво смотрели на него. Тогда он вспомнил. -Как мне пройти на биостанцию? -спросил он. На их лицах изобразилось изумление, и он сообразил, что говорит на родном языке. Он и сам удивился: он уже не помнил, когда в последний раз говорил на этом языке. -Как мне пройти к белым скалам? -спросил он.

Беременная женщина спросила, усмехаясь: -Вот он, оказывается, чего хочет, этот козлик... -она говорила с матерью навы. -забавно, они ничего не понимают. Ни один из них ничего не понимает. представляешь, как они бредут к белым скалам и вдруг попадают в полосу боев! -Они гниют там заживо, -сказала мать навы задумчи- во, -они идут и гниют на ходу, и даже не замечают, что не идут, а топчутся на месте... А в общем-то, пусть идет, для разрыхления это только полезно. сгниет - полезно. Растворится - тоже полезно... А может быть, он защищен? Ты защищен? -спросила она Кандида. -Я не понимаю, -сказал Кандид упавшим голосом. -Милая моя, что ты его спрашиваешь? Откуда ему быть защищенным? -В этом мире все возможно, -сказала мать навы. -я слышала о таких вещах. -Это болтовня, -сказала беременная женщина. Она снова внимательно оглядела Кандида - а ты знаешь, -сказала она, -пожалуй, от него было бы больше поль- зы Здесь... Помнишь, что вчера говорили воспитатель- ницы? -А-а, -сказала мать навы. - пожалуй... Пусть... пусть остается. -Да, да, оставайся, -сказала вдруг нава. Она уже не спала, и она тоже чувствовала, что происходит что-то неладное. -ты оставайся, молчун, ты не ходи никуда, зачем тебе теперь уходить? Ты ведь хотел в город, а это озеро и есть город, ведь правда, мама?.. Или, может, ты на маму обижаешься? Так ты не обижайся, она вообще добрая, только сегодня почему-то злая... наверное, это от жары...

Мать поймала ее за руку. Кандид увидел, как вокруг головы матери быстро сгустилось лиловатое облачко. Глаза ее на мгновение остекленели и закрылись, потом она сказала: -Пойдем, нава, нас уже ждут. -Но я хочу, чтобы он был со мной! Как ты не понимаешь, мама, он же мой муж, мне дали его в мужья, и он уже давно мой муж... Обе женщины поморщились. -Пойдем, пойдем, -сказала мать навы. -ты пока еще ничего не понимаешь... Он никому не нужен, он лишний, они все лишние, они - ошибка... Да пойдем же! Ну хорошо, потом придешь к нему... Если захо- чешь.

Нава сопротивлялась, наверное, она чувствовала то же, что чувствовал Кандид, -что они расстаются навсегда. Мать тащила ее за руку в тростники, а она все оглядывалась и кричала: -Ты не уходи, молчун! Я скоро вернусь, ты не взду- май без меня уходить, это будет нехорошо, просто не- честно! Пусть ты не мой муж, раз уж это им почему-то не нравиться, но я, все равно твоя жена, я тебя вы- ходила, и теперь ты меня жди! Слышишь? Жди!...

Он смотрел ей вслед, слабо махал рукой, кивал, соглашаясь, и все старался улыбнуться. Прощай, нава, думал он. Прощай. Они скрылись из виду, и остались только тростники, но голос навы был еще слышен, а потом нава замолчала, раздался всплеск, и все стихло. Он проглотил комок, застрявший в горле, и спросил беременную женщину: -Что вы с нею сделаете? Она все еще внимательно разглядывала его. -Что мы с нею сделаем? -задумчиво сказала она. -это не твоя забота, козлик, что мы с нею сделаем. Во всяком случае, муж ей больше не понадобится. И отец тоже... Но вот что нам делать с тобой? Ты ведь с бе- лых скал, и не отпускать же тебя просто так... -Что нам нужно... Мужья нам во всяком случае не нужны. -она перехватила взгляд Кандида и презритель- но засмеялась. -не нужны, не нужны, успокойся... По- пытайся хоть раз в жизни не быть козлом. Попытайся представить себе мир без козлов... -она говорила, не думая, вернее, она думала о чем-то другом. -на что же ты еще годен?.. Скажи мне, козлик, что ты еще умеешь?

Что-то было за всеми ее словами, за ее тоном, за ее пренебрежением и равнодушной властностью, что-то важное, что-то неприятное и страшное, но определить это было трудно, и Кандид только почему-то вспомнил черные квадратные двери и карла с двумя женщинами - такими же равнодушными и властными. -Ты меня слушаешь? -спросила беременная. -что ты умеешь делать? -Я ничего не умею, -вяло сказал Кандид. -Может быть, ты умеешь управлять? -Умел когда-то, -сказал Кандид. Пошла ты к черту, подумал он, что ты ко мне привязалась? Я тебя спра- шиваю, как пройти к белым скалам, а ты ко мне привя- зываешься... Он вдруг понял, что боится ее, иначе он бы давно ушел. Она была здесь хозяином, а он был жалким грязным глупым козлом. -Умел когда-то, -повторила она. -прикажи этому де- реву лечь!

Кандид посмотрел на дерево. Это было большое толстое дерево с пышной кроной и волосатым стволом. он пожал плечами. -Хорошо, -сказала она. -тогда убей это дерево... тоже не можешь? Ты вообще можешь делать живое мертвым? -Убивать? -Не обязательно убивать. Убивать и рукоед может. сделать живое мертвым. Заставить живое стать мертвым. Можешь? -Я не понимаю, -сказал Кандид. -Не понимаешь... Что же вы там делаете на этих бе- лых скалах, если ты даже этого не понимаешь? Мертвое живым ты тоже не умеешь делать? -Не умею. - Что же ты умешь? Что ты делал на белых скалах, пока не ушел в лес? Просто жрал и поганил женщин? -Я изучал лес, -сказал Кандид. Она строго посмотрела на него: -Не смей мне лгать. Один человек не может изучать лес, это все равно что изучать солнце. Если ты не хочешь говорить правду, то так и скажи. -Я действительно изучал лес, -сказал Кандид. Я изу- чал... -он замешкался. -я изучал самые маленькие су- щества в лесу. Те, которые не видны глазом. -Ты опять лжешь, -терпеливо сказала женщина. -не- возможно изучать то, что не видно глазом. -Возможно, -сказал Кандид. -нужны только... -он опять замялся. Микроскоп... Линзы... Приборы... Это не передать. Это не перевести. -если взять каплю воды, -сказал он, -то, имея нужные вещи, можно увидеть в ней тысячи тысяч мелких животных. -Для этого не нужно никаких вещей, -сказала женщи- на. -я вижу, вы там впали в распутство с вашими мертвыми вещами на ваших белых скалах. Вы вы- рождаетесь. Я уже давно заметила, что вы потеряли умение видеть то, что видит в лесу любой человек, даже грязный мужчина... Постой, ты говоришь о мелких или о мельчайших? Может, ты говоришь о строителях? -Может быть, -сказал Кандид. -я не понимаю тебя. Я говорю о мелких животных, от которых болеют, но ко- торые могут и лечить тоже, которые помогают делать пищу, которых очень много и которые есть везде... Я искал, как они устроены у вас здесь в лесу, и какие они бывают, и что они могут... -А на белых скалах они другие, -саркастически ска- зала женщина. -впрочем, ладно, я поняла, чем ты за- нимаешься. Над строителями ты никакой власти, ко- нечно, не имеешь. Любой деревенский дурак может больше, чем ты... Куда же мне тебя девать? Ведь ты сам пришел сюда... -Я пойду, -сказал Кандид устало. -я пойду, прощай. -Нет, погоди... Стой, тебе говорят! -крикнула она, и Кандид ощутил расскаленные клещи, сжавшие сзади его локти. Он рванулся, но это было бессмысленно. женщина размышляла вслух: -в конце концов он пришел сам. Такие случаи бывают. Если его отпустить, он уйдет в свою деревню и станет совершенно беспо- лезным... Ловить их бессмысленно. Но если они прихо- дят сами... Знаешь, что я с тобой сделаю? -сказала она. -отдам-ка я тебя воспитательницам для ночных работ. В конце концов были же удачные случаи... К воспитательницам, к воспитательницам! -она махнула рукой и неторопливо, вперевалку ушла в тростники.

И тогда Кандид почувствовал, что его поворачивают на тропинку. Локти у него онемели, ему казалось, что они обуглились. Он рванулся изо всех сил, и тиски сжались крепче. Он не понял, что с ним будет и куда его должны отвести, и кто такие воспитательницы, и что это за ночные работы, но он вспомнил самые страшные из своих впечатлений: призрак карла посреди плачущей толпы и рукоеда, свертывающегося в пестрый узел. Он изловчился и ударил мертвяка ногой, ударил назад, вслепую, отчаяно, зная, что второй раз этот прием уже не пройдет. Нога его погрузилась в мягкое и горячее, мертвяк всхрапнул и ослабил хватку. Кандид упал лицом в траву, вскочил, повернулся и закричал - мертвяк уже снова шел на него, широко расставив неимоверно длинные руки. Не было ничего под рукой, ни травобоя, ни бродила, ни палки ни камня. Тонкая теплая земля раз'езжалась под ногами. потом он вспомнил и сунул руку за пазуху, и, когда мертвяк навис над ним, он ударил его скальпелем ку- да-то между глазами, зажмурился и, навалившись всем телом, потянул лезвие сверху вниз до самой земли и снова упал.

Он лежал, прижимаясь щекой к траве, и глядел на мертвяка, а тот стоял, шатаясь, медленно распахиваясь, как чемодан, по всей длине оранжевого туловища, а потом оступился и рухнул навзничь, заливая все вокруг густой белой жидкостью, дернулся несколько раз и замер. Тогда Кандид поднялся и побрел прочь. по тропинке. Подальше отсюда. Он смутно помнил, что хотел кого-то здесь ждать, что-то собирался сделать. но теперь все это было неважно. Важно было уйти подальше, хотя он сознавал, что никуда уйти не удастся. Ни ему, ни многим, многим, многим другим.

Г л а в а п я т а я

Он проснулся, открыл глаза и уставился в низкий, покрытый известковыми натеками потолок. По потолку опять шли муравьи. Справа налево - нагруженные, сле- ва направо - порожняком. Месяц назад было наоборот, месяц назад была нава. А больше ничего не измени- лось. Послезавтра мы уходим, подумал он.

За столом сидел старец и смотрел на него, ковыряя в ухе. Старец окончательно отошал, глаза у него ввалились, зубов во рту совсем не осталось. Наверное, он скоро умрет, старец этот. -Что же это ты, молчун, -плаксиво сказал старец, -совсем у тебя и еды в доме больше не бывает. Ни ут- ром не бывает, ни в обед, говорил я тебе: не ходи, нельзя. Зачем ушел? Колченога послушался и ушел, а разве колченог понимает, что можно, а что нельзя? И колченог этого не понимает, и отец колченога такой же был непонятливый, и дед его такой же, и весь их колченогов род такой был, вот они все и померли, и колченог обязательно помрет, никудане денется... А может быть, у тебя, молчун, есть какая-нибудь еда, может быть, ты ее спрятал, а? Ведь многие прячут... так если ты спрятал, то доставай скорее, я есть хо- чу, мне без еды нельзя, я всю жизнь ем, привык уже... А то навы теперь у тебя нет, хвоста тоже де- ревом убило... Вот у кого еды всегда было много - у хвоста! Я у него горшка по три сразу с'едал, хотя она всегда у него была недоброженная, скверная, по- тому его, наверное, деревом и убило... Говорил я ему: нельзя такую еду есть...

Кандид встал и поискал по дому в потайных местечках, устроенных навой. Еды, действительно, не было. Тогда он вышел на улицу, повернул налево и направился к площади, к дому кулака. Старец плелся следом, хныкал и жаловался. На поле нестройно и скучно покрикивали: "эй, сей веселей, вправо сей, влево сей... " в лесу откликалось эхо. Каждое утро Кандиду теперь казалось, что лес придвинулся ближе. на самом деле этого не было, а если и было, то вряд ли человеческий глаз мог бы это заметить. И мертвя- ков в лесу, наверное, не стало больше, чем прежде, а казалось, что больше. Наверное, потому, что теперь Кандид точно знал, кто они такие, и потому, что он их ненавидел. Когда из леса появлялся мертвяк, сразу раздавались крики: "молчун! Молчун! ". И он шел туда и уничтожал мертвяка скальпелем, быстро, надежно, с жестоким наслаждением. Вся деревня сбегалась смотреть на это зрелище и неизменно ахала в один го- лос и закрывалась руками, когда вдоль окутанного па- ром туловища распахивался страшный белый шрам. Ребятишки больше не дразнили молчуна, они теперь боялись его до смерти, разбегались и прятались при его появ- лении. О скальпеле в домах шептались по вечерам, а из шкур мертвяков по указанию хитроумного старосты стали делать корыта. Хорошие получались корыта, большие и прочные...

Посреди площади стоял торчком по пояс в траве слухач, окутанный лиловатым облачком, с поднятыми ладонями, со стеклянными глазами и пеной на губах. вокруг него толпились любопытные детишки, смотрели и слушали, раскрывши рты, - это зрелище им никогда не надоедало. Кандид тоже остановился послушать, и ре- бятишек как ветром сдуло. -В битву вступают новые.. -металическим голосом бредил слухач. -успешное передвижение... Обширные места покоя... Новые отряды подруг... Спокойствие и слияние...

Кандид пошел дальше. Сегодня с утра голова у него была довольно ясная, и он чувствовал, что может думать и стал думать, кто же он такой, этот слухач, и зачем он. Теперь имело смысл думать об этом, потому что теперь Кандид уже кое-что знал, а иногда ему даже казалось, что он знает очень много, если не все. в каждой деревне есть свой слухач, и у нас есть слу- хач, и на выселках, а старец хвастался, какой осо- бенный был слухач в той деревне, которая нынче грибная. Наверное, были времена, когда многие люди знали, что такое одержание, и понимали, о каких ус- пехах идет речь; и наверное, тогда они были заинте- ресованы, а потом выяснилось, что можно прекрасно обойтись без многих и многих, что все эти деревни - ошибка, а мужики не больше чем козлы... Это произо- шло, когда научились управлять лиловым туманом, и из лиловых туч вышли первые мертвяки... И первые де- ревни очутились на дне первых треугольных озер... И возникли первые отряды подруг... А слухачи остались, и осталась традиция, которую не уничтожали просто потому, что они об этой традиции забыли. Традиция бессмысленная, такая же бессмысленная, как весь этот лес, как все эти искусственные чудовища и города, из которых идет разрушение, и эти жуткие быбы - ама- зонки, жрицы партеногенеза, жестокие и самодовольные повелительницы вирусов, повелительницы леса, разбухшие от парной воды... И эта гигантская возня в джунглях, все эти великие разрыхления и заболачива- ния, чудовищная в своей абсурдности и грандиозности затея... Мысли текли свободно и даже как-то маши- нально, за этот месяц они успели проложить себе при- вычные и постоянные русла, и Кандид наперед знал, какие эмоции возникнут у него в следующую секунду. У нас в деревне это называется "думать". Вот сейчас возникнут сомнения... Я же ничего не видел. Я встре- тил трех лесных колдуний. Но мало ли кого можно встретить в лесу. Я видел гибель лукавой деревни, холм, похожий на фабрику живых существ, адскую расправу с рукоедом... Гибель, фабрика, расправа... это же мои слова, мои понятия. Даже для навы гибель - это не гибель, а одержание... Но я-то не знаю, что такое одержание. Мне это страшно, мне это отврати- тельно, и все это просто потому, что мне это чуждо, и, может быть, надо говорить не "жестокое и бессмысленное натравлИвание леса на людей", а "пла- номерное, прекрасно организованное, четко продуманое наступлентие нового на старое", "своевременно созревшего, налившегося силой нового на загнившее бесперспективное старое... " не извращение, а револю- ция. Закономерность. Закономерность, на которую я смотрю извне пристрастными глазами чужака, не пони- мающего, ничего и потому, именно потому воображающе- го, что он понимает все и имеет право судить. Словно маленький мальчик, который негодует на гадкого пету- ха, так жестоко топчущего бедную курочку...

Он оглянулся на слухача. Слухач с обычным своим обалделым видом сидел в траве и вертел головой, вспоминая, где он и что он. Живой радиоприемник. значит есть и живые радиопередатчики... И живые ме- ханизмы, и живые машины, да, например, мертвяки... ну почему, почему все это, так великолепно приду- манное, так великолепно организованное, не вызывает у меня ни тени сочувствия - только омерзение и ненависть...

Кулак неслышно подошел к нему сзади и треснул его ладонью между лопаток. -Встал тут и глазеет, шерсть на носу, -сказал он. -один вот тоже все глазел, открутили ему руки-ноги, так больше не глазеет, когда уходим-то, молчун? долго ты мне будешь голову морочить? У меня ведь старуха в другой дом ушла, шерсть на носу, и сам я третью ночь у старосты ночую, а нынче вот думаю к хвостовой вдове пойти ночевать. Еда вся до того пе- репрела, что и старый пень этот уже жрать ее не же- лает, кривится, говорит: перепрело у тебя все, не то что жрать - нюхать невозможно, шерсть на носу... только к чертовым скалам я не пойду, молчун, а пойду я с тобой в город, наберем мы там с тобой баб. Если воры встретятся, половину отдадим, не жалко, шерсть на носу, а другую половину в деревню отведем, пусть здесь живут, нечего им там плавать зря, а то одна тоже вот плавала, дали ей хорошенько по соплям - больше не плавает и воды видеть не может, шерсть на носу... Слушай, молчун, а может, ты наврал про город и про баб этих? Или, может, привиделось тебе - отня- ли у тебя воры наву, тебе с горя и привиделось. колченог вот не верит! Считает, что тебе привиде- лось. Какой же это город в озере, шерсть на носу, -все говорили, что на холме, а не в озере. Да разве в озере можно жить, шерсть на носу? Мы же там все потонем, там же вода, шерсть на носу, мало ли что там бабы, а я в воду даже за бабами не полезу, я плавать не умею, да и зачем? Но я могу в крайнем случае на берегу стоять, пока ты их из воды таскать будешь... Ты, значит, в воду полезешь, шерсть на но- су, а я на берегу останусь, и мы с тобой этак быстро управимся... -Ты дубину себе сломал? -спросил Кандид. -А где я в лесу дубину возьму, шерть на носу? -возразил кулак. Это на болото надо идти - за дуби- ной. А меня времени нету, я еду стерегу, чтобы ста- рик ее не сожрал, да и зачем мне дубина, когда я драться ни с кем не собираюсь... Один вот тоже дрался, шерсть на носу... -Ладно, -сказал Кандид, -я тебе сам сломаю дубину. послезавтра выходим, не забудь.

Он повернулся и пошел обратно. Кулак не изменился. И никто не изменился. Как он ни старался втолковать им, они ничего не поняли и, кажется, ни- чему не поверили.

Мертвяки бабам служить не могут, это ты, молчун, загнул, брат, втроем не разогнуть. Бабы мертвяков до полусмерти боятся, ты на мою посмотри, а потом рассказывай. А что деревня потонула, так это же оде- ржание произошло, это ж всякий и без тебя знает, и при чем тут твои бабы - непонятно... И вообще, молчун, в городе ты не был, чего уж там, признайся, мы не обидимся, уж больно занятно ты рассказываешь. а только в городе ты не был, это мы все знаем, пото- му что кто в городе побывает, обратно уже не возвра- щается... И наву твою никакие там не бабы, а просто воры отобрали, наши воры, местные. Никогда бы тебе, молчун, от воров не отбиться. Хотя мужчина ты, ко- нечно, смелый, и как ты с мертвяками обходишься - это просто смотреть страшно...

Идея надвигающейся гибели просто не умещалась в их головах. Гибель надвигалась слишком медленно и начала надвигаться слишком давно. Наверное, дело бы- ло в том, что гибель - понятие, связанное с мгновенностью, сиюминутностью, с какой-то катастрофой. А они не умели и не хотели обобщать, не умели и не хо- тели думать о мире вне их деревни. Была деревня, и был лес. Лес был сильнее, но лес ведь всегда был и всегда будет сильнее. При чем здесь гибель? Какая еще гибель? Это просто жизнь. Вот когда кого-нибудь деревом придавливает - это, конечно, гибель, но тут просто голову нужно иметь на плечах и соображать, что к чему... Когда-нибудь они спохватятся. Когда не останется больше женщин; когда болота подойдут вплотную к домам; когда посреди улицы ударят подземные источники и над крышами повиснет лиловый туман... А может быть, и тогда они не спохватятся - просто скажут: "нельзя здесь больше жить - одержа- ние". И уйдут строить новую деревню...

Колченог сидел у порога, поливал бродилом выводок грибов, появившихся за ночь, и готовился завтракать. -Садись, -сказал он Кандиду приветливо. -есть бу- дешь? Хорошие грибы. -Поем, -сказал Кандид и сел рядом. -Пешь, поешь, -сказал колченог. -навы теперь у тебя нету, когда ты еще без навы приспособишься... Я слы- хал, ты опять уходишь? Кто же это мне сказал? А, ну да, ты же мне и сказал: ухожу мол. Что это тебе дома не сидится? Сидел бы ты дома, хорошо бы тебе было... в тростники идешь или в муравейники? В тростники бы я тоже с тобой сходил. Свернули бы мы сейчас с тобой по улице направо, миновали бы мы с тобой редколесье, в редколесье бы грибов набрали заодно, захватили бы с собой бродила, там же и поели бы - хорошие в редколесье грибы, в деревне такие не растут, а тут ешь-ешь, и все мало... А как поели бы, вышли бы мы с тобой из редколесья, да мимо хлебного болота, там бы опять поели хорошие злаки там родятся, сладкие, просто удивляешься, что на болоте да на грязи - и такие злаки произрастают... Ну а потом, конечно пря- мо за солнцем, три дня бы шли, а там уже и тростни- ки... -Мы с тобой идем к чертовым скалам, -терпеливо на- помнил Кандид. -выходим послезавтра. Кулак тоже идет.

Колченог с сожалением покачал головой. -К чертовым скалам... -повторил он. -нет, молчун, не пройти нам к чертовым скалам, не пройти. Это ты знаешь где - чертовы скалы? Их, может, и вообще нигде нет, а просто так говорят: скалы, мол, черто- вы... Та что к чертовым скалам я не пойду, не верю в них. Вот если бы в город, например, или еще лучше - в муравейники, это тут рядом, рукой подать... Слу- шай, молчун, а пошлика мы с тобой в муравейники. И кулак пойдет... Я ведь в муравейниках, как ногу себе повредил, так с тех пор там и не был. Нава, бывало, все просила меня: сходи, говорит, колченог, в мура- вейники... Охота, видишь, было ей посмотреть дупло, где я ноги повредил... А я ей говорю, что не помню я, где это дупло, и вообще, может быть, муравейников больше нет, давно я там не был...

Кандид жевал гриб и смотрел на колченога. А колченог говорил и говорил, говорил о тростниках, говорил о муравейниках, глаза его были опущены, и он только изредка взглядывал на Кандида. Хороший ты че- ловек, колченог, и добрый ты, и оратор видный, и староста с тобой считается, и кулак, и старец тебя просто-таки боится, и не зря был ты лучшим приятелем и спутником известного обиды-мученика, человека ищу- щего и беспокойного, ничего не нашедшего и сгинувше- го где-то в лесу... Однако вот только беда: не хо- чешь ты, колченог, меня в лес отпускать, жалеешь убогого. Лес - место опасное, гибельное, куда многие ходили, да немногие возвращались, а если возвращались, то сильно напуганные, а бывает и покале- ченные... У кого нога поломана, у кого что... Вот и хитришь ты, колченог, то сам притворяешься полоумным, то делаешь вид, что молчуна полоумным считаешь, а в действительности-то уверен ты в одном: если уж молчуну удалось один раз вернуться, потерявши девчонку, то дважды таких чудес не случается... -Слушай, колченог, -сказал Кандид. -выслушай меня внимательно. Говори, что хочешь, думай, что хочешь, но я прошу тебя об одном: не бросай меня, пойди в лес со мною. Ты мне очень нужен в лесу, колченог. пслезавтра мы выходим, и я очень хочу, чтобы ты был с нами. Понимаешь?

Колченог смотрел на Кандида, и выцветшие глаза его были непроницаемы. -А как же, -сказал он. -я тебя вполне понимаю. вместе и пойдем. Как вот отсюда выйдем свернем нале- во, дойдем до поля и мимо двух камней - на тропу. эту тропу сразу отличить можно: там валунов столько, что ноги сломаешь... Да ты ешь грибы, молчун, ешь, они хорошие... По этой, значит, тропе дойдем мы до грибной деревни, я тебе про нее, по-моему, рассказы- вал, она пустая, вся грибами поросла, но не такими как эти например, а скверными, их мы не станем есть, от них болеют и умереть можно, так что мы в этой де- ревне даже останавливаться не будем, а сразу пойдем дальше и спустя время дойдем до чудаковой деревни, там горшки делают из земли, вот додумались! Это после того случилось у них, как синяя трава через них прошла. И ничего, не заболели даже, только горшки из земли делать стали... У них мы тоже оста- навливаться не будем, нечего у них там останавли- ваться, а пойдем мы сразу от них направо - тут тебе и будет глиняная поляна.

А может быть, не брать мне тебя? -думал Кандид. -ты уже был там, лес тебя уже жевал, и как знать, может быть, ты уже катался по земле, крича от боли и страха, а наз тобой нависала, закусив прелестную губку и растопырив детские ладони, молоденькая девушка. Не знаю, не знаю. Но идти надо. Захватить хотя бы двух, хотя бы одну, узнать все, разобраться до конца... А дальше? Обреченные, несчастные обре- ченные. А вернее - счастливые обреченные, потому что они не знают, что обречены, что сильные их мира ви- дят в них только грязное племя насильников, что сильные уже нацелились в них тучами управляемых ви- русов, колоннами роботов, стенами леса, что все для них уже предопределено и - самое страшное - что ис- торическая правда здесь, в лесу, не на их стороне, они - реликты, осужденные на гибель об'ективными за- конами, и помогать им - значит идти против прогресса, задерживать прогресс на каком-то кро- шечном участке его фронта. Но только меня это не ин- тересует, подумал Кандид. Какое мне дело до их прогресса, это не мой прогресс, я и прогрессом-то его называю только потому, что нет другого подходя- щего слова... Здесь не голова выбирает. Здесь выби- рает сердце. Закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали. Но я-то не вне морали! Ес- ли бы меня подобрали эти подруги, вылечили и об- ласкали бы, приняли бы меня как своего, пожалели бы - что ж, тогда бы я, наверное, легко и естественно стал бы на сторону этого прогресса, и колченог, и все эти деревни были бы для меня досадным пере- житком, с которым слишком уж долго возятся... А мо- жет быть, и нет, может быть, это было бы не легко и не просто, я не могу, когда людей считают животными. но может быть, дело в теерминологии, и если бы я учился языку у женщин, все звучало бы для меня ина- че: враги прогресса, зажравшиеся тупые бездельни- ки... Идеалы - великие цели... Естественные законы природы... И ради этого уничтожается половина насе- ления! Нет, это не для меня. На любом языке это не для меня. Плевать мне на то, что колченог - это не камешек в жерновах их прогресса. Я сделаю все, чтобы на этом камне жернова затормозили. И если мне не удастся добраться до биостанции, -мне, наверное, не удастся, -я сделаю все, что могу, чтобы эти жернова остановились. Впрочем, если мне удастся добраться до биостанции... М-да. Странно, никогда раньше мне не приходило в голову посмотреть на управление со сто- роны. И колченогу не приходит в голову посмотреть на лес со стороны. И этим подругам, наверное, тоже. А ведь это любопытное зрелище - управление, вид сверху. Ладно об этом я подумаю потом. -Значит, договорились, -сказал он. Послезавтра вы- ходим. -А как же, -немедленно ответствовал колченог. -сра- зу от меня налево... На поле вдруг зашумели. Завизжали женщины. Много голосов закричало хором: -Молчун! Эй, молчун! Колченог встрепенулся. -Никак мертвяки! -сказал он, торопливо поднимаясь. -давай, молчун, давай не сиди, посмотреть хочу. Кандид встал, вытащил из-за пазухи скальпель и зашагал к окраине.

Ч а с т ь в т о р а я

У п р а в л е н и е

За поворотом, в глубине
Лесного лога
Готово будущее мне
Верней залога.
Его уже не втянешь в спор
И не заластишь,
Оно распахнуто, как бор,
Все вширь, все настежь.
Б. Пастернак.
Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону фудзи,
Вверх, до самых высот!
Исса,
Сын крестьянина.

Г л а в а п е р в а я

С этой высоты лес был как пышная пятнистая пена; как огромная, на весь мир, рыхлая губка; как жи- вотное, которое затаилось когда-то в ожидании, а по- том заснуло и проросло грубым мохом. Как бесформенная маска, скрывающая лицо, которое никто еще никогда не видел.

Перец сбросил сандалии и сел, свесив босые ноги в пропасть. Ему показалось, что пятки сразу стали влажными, словно он в самом деле погрузил их в теплый лиловый туман, скопившийся в тени под утесом. он достал из кармана собранные камешки и аккуратно разложил их возле себя, а потом выбрал самый маленький и тихонько бросил его вниз, в живое и молчаливое, в спящее, в равнодушное, глотающее навсегда, и белая искра погасла, и ничего не произошло - не шевельнулись никакие ветки и никакие глаза не приоткрылись, чтобы взглянуть на него.

Если бросать по камешку каждые полторы минуты; и если правда то, что рассказывала одноногая повариха, по прозвищу казалунья, и предполагала мадам бардо, начальница группы помощи местному населению; и если неправда то, о чем шептались шофер тузик с неиз- вестным из группы инженерного проникновения; и если чего-нибудь стоит человеческая интуиция; и если ис- полняются хоть раз в жизни ожидания; тогда на седь- мом камешке кусты позади с треском раздвинутся, и на полянку, на мятую траву, седую от росы, ступит ди- ректор, голый по пояс, в серых габардиновых брюках с лиловым кантом, шумно дышащий, лоснящийся, желто-ро- зовый, мохнатый, и ни на что не глядя, ни на лес под собой, ни на небо над собой, пойдет сгибаться, погружая широкие ладони в траву, и разгибаться, поднимая ветер размахами широких ладоней, и каждый раз мощная складка на его животе будет накатывать сверху на брюки, а воздух, насыщенный углекислотой и никотином, будет со свистом и клокотаньем вырываться из разинутого рта.

Кусты позади с треском раздвинулись. Перец осторожно оглянулся, но это был не директор, это был знакомый человек клавдий-октавиан домарощинер из группы искоренения. Он медленно приблизился и остановился в двух шагах, глядя на Переца сверху вниз пристальными темными глазами. Он что-то знал или по- дозревал, что-то очень важное, и это знание или по- дозрение сковывало его длинное лицо, окаменевшее ли- цо человека, принесшего сюда, к обрыву странную тре- вожную новость; еще никто в мире не знал этой но- вости, но уже ясно было, что все решительно измени- лось, что все прежнее отныне больше не имеет значе- ния и от каждого, наконец, потребуется все, на что он способен. -А чьи же это туфли? -спросил он и огляделся. -Это не туфли, -сказал Перец. -это сандалии. -Вот как? -домарощинер усмехнулся и потянул из кармана большой блокнот. -сандалии? Оч-чень хорошо. но чьи это сандалии? Он придвинулся к обрыву, осторожно заглянул вниз и сейчас же отступил. -Человек сидит у обрыва, -сказал он, -и рядом с ним сандалии. Неизбежно возникает вопрос: чьи это сандалии и где их владелец? -Это мои сандалии, -сказал Перец. -Ваши? -домарощинер с сомнением посмотрел на боль- шой блокнот. -значит вы сидите босиком? Почему? -Босиком - потому что иначе нельзя, -об'яснил пе- рец. -я вчера уронил туда правую туфлю и решил, что впредь всегда буду сидеть босиком. -он нагнулся и посмотрел через раздвинутые колени. -вон она лежит. сейчас я в нее камешком...

Домарощинер проворно поймал его за руку и отобрал камешек. -Действительно, простой камень, - сказал он. -но это пока ничего не меняет. Непонятно, Перец, почему это вы меня обманываете. Ведь туфлю отсюда увидеть нель- зя - даже если она действительно там, а там ли она, это уже особый вопрос, которым мы займемся попозже, - а раз туфлю увидеть нельзя, значит, вы не можете рассчитывать попасть в нее камнем, даже если бы вы обладали соответствующей меткостью и действительно хотели бы этого и только этого: я имею в виду попа- дание... Но мы все это сейчас выясним. - он поддернул брюки и присел на корточки.

Итак, вы вчера тоже были здесь, -сказал он. -зачем? Почему вы вот уже вторично пришли на обрыв, ку- да остальные сотрудники управления, не говоря уже о внештатных специалистах, ходят разве для того, чтобы справить нужду?

Перец сжался. Это просто от невежества, подумал он. Нет, нет, это не вызов и не злоба, этому не надо придавать значение. Это просто невежество. Неве- жеству не надо придавать значение, никто не придает значение невежеству. Невежество испражняется в лес. невежество всегда на что-нибудь испражняется. -Вам, наверное, нравится здесь сидеть, -вкрадчиво продолжал домарощинер. -вы, наверное, очень любите лес. Вы его любите? Отвечайте! -А вы? -спросил Перец. -А вы не забывайтесь, -сказал он обиженно и раскрыл блокнот. - вы прекрасно знаете, где я состою, а я состою в группе искоренения, и поэтому ваш вопрос, а вернее, контрвопрос абсолютно лишен смысла. Вы прекрасно понимаете, что мое отношение к лесу опре- деляется моим служебным долгом, а вот чем опреде- ляется ваше отношение к лесу - мне не ясно. Это не- хорошо, Перец, вы обязательно подумайте об этом, со- ветую вам для вашей же пользы, не для своей. Нельзя быть таким непонятным. Сидит над обрывом, босиком, бросает камни... Зачем, спрашивается? На вашем месте я бы прямо рассказал мне все. И все расставил бы на свои места. Откуда вы знаете, может быть, есть смягчающие обстоятельства, и вам в конечном счете ничто не грозит. А, Перец? -Нет, -сказал Перец. -то есть, конечно, да. -Вот видите. Простота сразу исчезает, и ее больше нет. Чья рука? - спрашиваем мы. Куда бросает? Или, может быть, кому? Или, может быть, в кого? А за- чем?.. И как это вы можете сидеть на краю обрыва? От природы это у вас или вдруг вы специально тренировались? Я, например, на краю обрыва сидеть не могу. И мне страшно подумать, ради чего бы это я стал тренироваться. У меня голова кружится. И это естественно. человеку вообще незачем сидеть на краю обрыва. Особенно, если он не имеет пропуска в лес. Покажите мне, пожалуйста, ваш пропуск, Перец. -У меня нет пропуска. -Так. Нет. А почему? -Не знаю... Не дают вот. -Правильно, не дают. Нам это известно. А вот почему не дают? Мне дали, ему дали, им дали и еще многим, а вам почему-то не дают. Перец осторожно покосился на него. Длинный тощий нос домарощинера шмыгал, глаза часто мигали. -Наверное, потому что я посторонний. -предположил Перец. -наверное, поэтому. -И ведь не только я вами интересуюсь, -продолжал домарощинер доверительно. -если бы только я! Вами интересуются люди и поважнее... Слушайте, Перец, мо- жет быть, вы отсядете от обрыва, что бы мы могли продолжать? У меня голова кружится смотреть на вас.

Перец поднялся, запрыгал на одной ноге, натягивая сандалию. -Ох, да отойдите же вы от края! - страдальчески закричал домарощинер, махая на Переца блокнотом. -вы меня убьете когда-нибудь своими выходками! -Уже все, -сказал Перец, притопывая. -больше не бу- ду. Пошли? -Пошли, -сказал домарощинер. -но я констатирую, что вы не ответили ни на один мой вопрос. Вы меня очень огорчаете, Перец. Разве так можно? -он посмотрел на большой блокнот и, пожав плечами, сунул его под мышку. -странно даже. Решительно никаких впечатле- ний, я уже не говорю об информации. -Так, а что отвечать? -сказал Перец. -просто мне нужно было здесь поговорить с директором.

Домарощинер замер, словно застряв в кустах. -Ах, вот как это у вас делается, -сказал он изме- нившимся голосом. -Что делается? Ничего не делается... -Нет-нет, -шепотом сказал домарощинер, озираясь. -молчите и молчите. Не надо никаких слов. Я уже по- нял. Вы были правы. -Что вы поняли? В чем это я прав? -Нет-нет, я ничего не понял. Не понял и все. Вы мо- жете быть совершенно спокойны. Не понял и не понял. и вообше я здесь не был и вас не видел.

Они миновали скамеечку, поднялись по выщербленным ступеням, свернули в аллею, посыпанную мелким красным песком, и вступили на территорию управления. -Полная ясность может существовать лишь на опреде- ленном уровне, -говорил домарощинер. -и каждый должен знать, на что он может претендовать. Я пре- тендовал на ясность на своем уровне, это мое право, и я исчерпал его. А там, где кончаются права, там начинаются обязанности...

Они прошли мимо десятиквартирных коттеджей с тю- левыми занавесками на окнах, миновали гараж, пере- секли спортивную площадку, и пошли мимо складов, ми- мо гостиницы, в дверях которой стоял с портфелем бо- лезненно-бледный комендант с неподвижными выпученны- ми глазами, вдоль длинного забора, за которым скре- жетали двигатели. Они шли все быстрее, потому что времени осталось мало, потом они побежали, и все-та- ки, когда они ворвались в столовую, было уже поздно, и все места были заняты, только за дежурным столиком в дальнем углу оставалось еще два места, а третье занимал шофер тузик, и шофер тузик, заметив, что они в нерешительности топчутся у порога, помахал им вилкой, приглашая к себе.

Все пили кефир, и Перец тоже взял себе кефиру, так что у них на столе на заскорузлой скатерти выстроилось шесть бутылок, а когда Перец задвигал под столом ногами, устраиваясь поудобнее на стуле без сиденья, звякнуло стекло, и в проход между сто- ликами выкатилась бутылка из-под бренди. Шофер тузик ловко подхватил ее и засунул обратно под стол, и там снова звякнуло стекло. -Вы поосторожнее ногами, -сказал он. -Я нечаянно, -сказал Перец. -я же не знал. -А я знал? -возразил шофер тузик. -их там четыре штуки, доказывай потом, что ты не домкрат. -Ну я, например, вообще не пью, -с достоинством сказал домарощинер. -Знаем мы как вы не пьете, -сказал тузик. -так то и мы не пьем. -Но у меня печень больна! - забеспокоился домарощи- нер. -вот справка.

Он вынул откуда-то и сунул под нос Перецу мятый тетрадный листок с треугольной печатью. Это, действительно, была справка, написанная неразборчивым медицинским почерком. Перец различил только одно слово: "анто бус". -А есть еще за прошлый год и за позапрошлый, только они в сейфе.

Шофер тузик справку смотреть не стал. Он выцедил полный стакан кефиру, понюхал сустав указательного пальца и, прослезившись, сказал севшим голосом: -Вот, например, что еще бывает в лесу? Деревья. -он вытер рукавом глаза. -но на месте они не стоят: пры- гают. Понял? -Ну-ну? -жадно спросил Перец. -как так - прыгают? -А вот так. Стоит оно неподвижно. Дерево, одним словом. Потом начинает корчиться, корячиться и ка-ак даст! Шум, треск, неразбери-поймешь. Метров на де- сять. Кабину мне помяло. И опять стоит. -Почему? -спросил Перец. -Потому что называется: прыгающее дерево, -обьяснил тузик, наливая себе кефиру. -Вчера прибыла партия новых электропил, -сообщил домарощинер, облизывая губы. -феноменальная произво- дительность. Я бы даже сказал, что это не пилы, это пилящие комбайны. Наши пилящие комбайны искоренения.

А вокруг все пили кефир - из граненых стаканов, из жестяных кружек, из кофейных чашечек, из свернутых бумажных кульков, прямо из бутылок. Ноги у всех были засунуты под стулья. И все, наверное, могли пред'явить справки о болезнях печени, желудка, двенадцатиперстной кишки. И за этот год, и за прошлые годы. -А потом меня вызывает менеджер, -продолжал тузик в повышенном тоне, -и спрашивает, почему у меня кабина помята. Опять, говорит, стервец, налево ездил? Вы вот, пан Перец, играете с ним в шахматы, замолвили бы за меня словечко, он вас уважает, часто о вас го- ворит... Перец, говорит, это, говорит, фигура! Я, говорит, для Переца машины не дам, и не просите. нельзя такого человека отпускать. Поймите же, гово- рит, дураки, нам же без него тошно будет! Замолвите, а? -Х-хорошо, -упавшим голосом произнес Перец. -я попробую. -С менеджером могу поговорить я, -сказал домарощи- нер. -мы вместе служили, я был капитаном, а он был у меня лейтенантом. Он до сих пор приветствует меня прикладыванием руки к головному убору. -Потом есть еще русалки, -сказал тузик, держа на весу стакан с кефиром. -в больших чистых озерах. Они там лежат, понял? Голые. -Это вам, туз, померещилось от вашего кефира, -ска- зал домарощинер. -русалки - это мистика. -Сам ты мистика, -сказал тузик, вытирая глаза рука- вом. -Подождите, -сказал Перец. -подождите тузик, вы го- ворите, они лежат... А еще что? Не может быть, чтобы они просто лежали и все.

Возможно, они живут под водой и выплывают на поверхность, как мы выходим на балкон из прокуренных комнат в лунную ночь и, закрыв глаза, подставляем лицо прохладе, и тогда они могут просто лежать. просто лежать и все. Отдыхать. И лениво переговариваться и улыбаться друг другу... -Ты со мной не спорь, -сказал тузик, рассматривая домарощинера в упор. -ты в лесу-то когда-нибудь был? не был ведь в лесу-то ни разу, а туда же. -И глупо, -сказал домарощинер. -что мне в вашем ле- су делать? У меня пропуск есть в ваш лес. А вот у вас, туз, никакого пропуска нет. Покажите-ка мне по- жалуйста, ваш пропуск, туз. -Я сам этих русалок не видел, -повторил тузик, об- ращаясь к Перецу. -но я в них вполне верю. Потому что ребята рассказывают. И даже Кандид вот рассказы- вал. А уж Кандид про лес знал все. Он в этот лес как к своей бабе ходил, все там знал на ощупь. Он и по- гиб там, в этом своем лесу. -Если бы погиб, -сказал домарощинер значительно. -Чего там "если бы". Улетел человек на вертолете, и три года о нем ни слуху, ни духу. В газете траурное извещение было, поминки были, чего тебе еще? разбился Кандид, конечно. -Мы слишком мало знаем, -сказал домарощинер. Чтобы утверждать что-либо со всей категоричностью.

Тузик плюнул и пошел к стойке взять еще бутылку кефиру. Тогда домарощинер нагнулся к уху Переца и, бегая глазами, прошептал: -Имейте в виду, что относительно Кандида было закрытое распоряжение... Я считаю себя вправе ин- формировать вас, потому что вы - человек посторо- ний... -Какое распоряжение? -Считать его живым, -гулко прошептал домарощинер и отодвинулся. -хороший, свежий кефир сегодня, -произнес он громко.

В столовой подняли шум. Те, кто уже позавтракал, вставали, двигая стульями, и шли к выходу, громко разговаривая, закуривали и бросали спички на пол. домарощинер злобно озирался и всем, кто проходил мимо, говорил: "как-то странно, господа, вы же видите, мы беседуем... "

Когда тузик вернулся с бутылкой, Перец сказал ему: -Неужели менеджер серьезно говорил, что не даст мне машину? Наверное, он просто шутил? -Почему шутил? Он же вас, пан Перец, очень любит, ему без вас тошно, и отпускать вас отсюда ему просто-таки невыгодно... Ну, отпустит он вас, ну и что ему от этого? Какие уж тут шутки.

Перец закусил губу. -Как же мне уехать? Мне здесь делать больше нечего. и виза кончается. И потом я просто хочу уже уехать. -Вообще, -сказал тузик, -если вы получите три стро- гача, вас отсюда выпрут в два счета. Специальный ав- тобус дадут, шофера среди ночи подымут, вещичек собрать не успеете... Ребята у нас как делают? первый строгач - и понижают его в должности. Второй строгач - посылают в лес, грехи замаливать. А третий строгач - с приветом, до свидания. Если, скажем, я захочу уволиться, выпью я пол-банки и дам вот этому по морде. -он показал на домарощинера. -сразу мне снимают наградные и переводят меня на дерьмовоз. тогда я что? - выпиваю еще пол-банки и даю ему по морде второй раз, понял? Тут меня снимают с дерьмо- воза и отсылают на биостанцию ловить всяких там микробов. Но я на биостанцию не еду, выпиваю еще пол-банки и даю ему по морде в третий раз. Вот тогда уже все. Уволен за хулиганские действия и выслан в двадцать четыре часа.

Домарощинер погрозил тузику пальцем. -Дезинформируете, дезинформуруете, туз. Во-первых, между действиями должно пройти не менее месяца, ина- че все поступки будут рассматриваться как один, и нарушителя просто поместят в карцер, не давая ника- кого хода его делу внутри самого управления. Во-вто- рых, после второго проступка виновного отправляют в лес немедленно в сопровождении охраника, так что он будет лишен возможности произвести третий проступок по своему усмотрению. Вы его не слушайте, Перец, он в этих проблемах не разбирается.

Тузик отхлебнул кефиру, сморщился и крякнул: -Это верно, -признался он. -тут я, пожалуй, дей- ствительно... Того. Вы уж извините, пан Перец. -Да нет, что уж... -грустно сказал Перец. -все равно я не могу ни с того ни с сего бить человека по физиономии. -Так ведь не обязательно же по этой... По морде, -сказал тузик. -можно, например и по этой... По заднице. Или просто костюм на нем порвать. -Нет, я так не умею, -сказал Перец. -Тогда плохо, -сказал тузик. -тогда вам беда, пан Перец. Тогда мы вот как сделаем. Вы завтра утром ча- сикам к семи приходите в гараж, садитесь там в мою машину и ждите. Я вас отвезу. -Правда? -обрадовался Перец. -Ну. Мне завтра на материк ехать, железный лом везти. Вместе и поедем.

В углу кто-то вдруг страшно закричал: "ты что наделал? Ты суп мой пролил! " -Человек должен быть простым и ясным, -сказал дома- рощинер. -не понимаю я, Перец, почему это вы хотите отсюда уехать. Никто не хочет уехать, а вы хотите. -У меня всегда так, -сказал Перец. -я всегда делаю наоборот. И потом почему это обязательно человек должен быть простым и ясным? -Человек должен быть непьющим, -заявил тузик, нюхая сустав указательного пальца. -скажешь, нет? -Я не пью, -сказал домарощинер. -и я не пью по очень простой и каждому ясной причине: у меня больна печень. Так что вы меня, туз, не поймаете. -Что меня в лесу удивляет, -сказал тузик, -так это болота. Они горячие, понял? Я этого не выношу. Никак я привыкнуть не могу. Врюхаешься где-нибудь, снесет с гати, и вот сижу я в кабине и вылезти не могу. Как щи горячие. Пар идет, и пахнет щами, я даже хлебать пробовал, только невкусно, соли там не хватает, что ли... Не-ет, лес это не для человека. И чего они там не видели? И гонят, и гонят технику, как в прорубь, она там тонет, а они еще выписывают, она тонет, а они еще...

Зеленое пахучее изобилие. Изобилие красок, изобилие запахов. Изобилие жизни. И все чужое. Чем-то знакомое, кое в чем похожее, но по-настоящему чужое. наверное, труднее всего примериться с тем, что оно и чужое, и знакомое одновременно. С тем, что оно производное от нашего мира, плоть от плоти нашей, но порвавшее с нами и не желающее нас знать. Наверное, так мог бы думать питекантроп о нас, о своих по- томках - с горечью и со страхом... -Когда выйдет приказ, -провозгласил домарощинер, -мы двинем туда не ваши паршивые бульдозеры и везде- ходы, а кое-что настоящее, и за два месяца превратим там все в... Э-э... В бетонированную площадку, сухую и ровную. -Ты превратишь, -сказал тузик. -тебе если по морде вовремя не дать, ты родного отца в бетонную площадку превратишь. Для ясности.

Густо загудел гудок. В окнах задребезжали стекла, и сейчас же над дверью грянул мощный звонок, замигали огни на стенах, а над стойкой вспыхнула крупная надпись: "вставай, выходи! " домарощинер торопливо поднялся, перевел стрелку на ручных часах и, не говоря ни слова, бросился бежать. -Ну, я пойду, сказал Перец. -работать пора. -Пора, -согласился тузик. -самое время. Он скинул стеганку, аккуратно скатал ее и, сдви- нув стулья, улегся, подложив стеганку под голову. -Значит, завтра в семь? -сказал Перец. -Что? -спросил тузик сонным голосом. -Завтра в семь я приду. -Куда это? -спросил тузик, ворочаясь на стульях. -раз'езжаются, подлые, -пробормотал он. -сколько раз я им говорил: поставьте дИван... -В гараж, -сказал Перец. -к вашей машине. -А-а... Ну, приходите, там посмотрим. Трудное это дело.

Он поджал ноги, сунул ладони под мышки и засопел. руки у него были волосатые, а под волосами виднелась татуировка. Там было написано: "что нас губит" и "только вперед". Перец пошел к выходу.

Он переправился по дощечке через огромную лужу на заднем дворе, обогнул курган пустых консервных ба- нок, пролез сквозь щель в досчатом заборе и через служебный под'езд вошел в здание управления. В кори- дорах было холодно и темно, пахло табачным перега- ром, пылью, лежалыми бумагами. Никого нигде не было, из-за обитых дермантином дверей ничего не было слышно. По узкой лестничке без перил, придерживаясь за обшарпаную стену, Перец поднялся на второй этаж и подошел к двери, над которо вспыхивала и гасла надпись: "помой руки перед работой. " на двери красо- валась большая черная буква "м". Перец толкнул дверь и испытал некоторое потрясение, обнаружив, что попал в свой кабинет. То есть, конечно, это был не его ка- бинет, это был кабинет кима, начальника группы науч- ной охраны, но в этом кабинете Перецу поставили стол, и теперь этот стол стоял сбоку от двери у ка- фельной стены, и пол-стола занимал, как всегда, за- чехленный "мерседес", а у большого отмытого окна стоял стол кима, а сам ким уже работал: сидел, согнувшись, и смотрел на логарифмическую линейку. -Я хотел руки помыть... -сказал растерянно Перец. -Помой, помой, -сказал ким, мотнув головой. -вот тебе умывальник. Теперь будет очень удобно. Теперь все к нам ходить будут.

Перец подошел к умывальнику и стал мыть руки. Он мыл руки холодной и горячей водой, двумя сортами мы- ла и специальной жиропоглощающей пастой, тер их мо- чалкой и несколькими щеточками различной степени жесткости. Затем, он включил электоросушилку и неко- торое время держал розовые влажные руки в завывающем потоке теплого воздуха. -В четыре утра всем об'являли, что нас переведут на второй этаж, -сказал ким. -а ты где был? У алевтины? -Нет, я был на обрыве, -сказал Перец, усаживаясь на свой стол.

Дверь распахнулась, в помещение стремительно вошел проконсул, помахал приветственно портфелем и скрылся за кулисой. Было слышно, как скрипнула дверца кабинки и щелкнула задвижка. Перец снял чехол с "мерседеса", посидел неподвижно, а потом подошел к окну и распахнул его.

Лес отсюда не был виден, но лес был. Он был всегда, хотя увидеть его можно было только с обрыва. в любом другом месте управления его всегда что-нибудь заслоняло. Его заслоняли кремовые здания механических мастерских и четырехэтажный гараж для личных автомобилей сотрудников. Его заслоняли скотные дворы подсобного хозяйства и белье, разве- шенное возле прачечной, где постоянно была сломана сушильная центрифуга. Его заслонял парк с клумбами и павильонами, с чертовым колесом и гипсовыми купальщицами, покрытыми карандашными надписями. Его засло- няли коттеджи с верандами, увитыми плющем, и с крестами телевизионных антенн. А отсюда, из окна второго этажа, лес не был виден из-за высокой кирпичной ограды, пока еще недостроенной, но уже очень высокой, которая возводилась вокруг плоского одноэтажного здания группы инженерного проникнове- ния. Лес можно было видеть только с обрыва.

Но даже человек, который никогда в жизни не видел леса, ничего не слышал о лесе, не думал о нем, не боялся леса и не мечтал о лесе, даже такой человек мог легко догадаться о существовании его уже просто потому, что существовало управление. Вот я очень давно думал о лесе, спорил о лесе, видел его в моих снах, но я даже не подозревал, что он существует в действительности. И я уверился в его существовании не тогда, когда впервые вышел на обрыв, а когда про- чел надпись на вывеске возле под'езда: "управление по делам леса". Я стоял перед этой вывеской с чемо- даном в руке, пыльный и высохший после длинной доро- ги, читал и перечитывал ее и чувствовал слабость в коленях, потому что знал теперь, что лес существует, а значит все, что я думал о нем до сих пор, - игра слабого воображения, бледная немощная ложь. Лес есть, и это огромное мрачноватое здание занимается его судьбой... -Ким, -сказал Перец, -неужели я так и не попаду в лес? Ведь я завтра уезжаю. -А ты действительно хочешь туда попасть? -спросил ким рассеянно.

Зеленые горячие болота, нервные пугливые деревья, русалки, отдыхающие на воде под луной от своей таин- ственной деятельности в глубинах, осторожные непо- нятные аборигены, пустые деревни... -Не знаю, -сказал Перец. -Тебе туда нельзя, перчик, -сказал ким. -туда можно только людям, которые никогда о лесе не думали. Ко- торым на лес всегда было наплевать. А ты слишком близко принимаешь его к сердцу. Лес для тебя опасен, потому что он тебя обманет. -Наверное, -сказал Перец. -но ведь я приехал сюда только для того, чтобы повидать его. -Зачем тебе горькие истины? -сказал ким. -что ты с ними будешь делать? И что ты будешь делать в лесу? плакать о мечте, которая превратилась в судьбу? Мо- литься, чтобы все было не так? Или, чего доброго, возьмешься переделывать то, что есть, в то, что должно быть? -А зачем же я сюда приезжал? -Чтобы убедиться. Неужели ты не понимаешь, как все это важно: убедиться. Другие приезжают для другого. чтобы обнаружить в лесу кубометры дров. Или найти бактерию жизни. Или написать диссертацию. Или полу- чить пропуск, но не для того чтобы ходить в лес, а просто на всякий случай: когда-нибудь пригодится, да и не у всех есть. А предел поползновений - извлечь из леса роскошный парк, как скульптор извлекает ста- тую из глыбы мрамора. Чтобы потом этот парк стричь. из года в год. Не давать ему снова стать лесом. -Уехать бы мне отсюда, -сказал Перец. -нечего мне здесь делать. Кому-то надо уехать, либо мне, либо вам всем. -Давай умножать, -сказал ким, и Перец сел за свой стол, нашел наспех сделанную розетку и включил "мерседес". -Семьсот девяносто три пятьсот двадцать два на двести шестьдесят шесть ноль одинадцать... "мерседес" застучал и задергался. Перец подождал, пока он успокоится, и запинаясь, прочитал ответ. -Так. Погаси, -сказал ким. -теперь шестьсот девя- носто восемь триста двенадцать подели мне на десять пятнадцать...

Ким диктовал цифры, а Перец набирал их, нажимал на клавиши умножения и деления, складывал, вычитал, извлекал корни, и все шло, как обычно. -Двенадцать на десять, -сказал ким. -умножить. -Один ноль ноль семь, -механически продиктовал пе- рец, а потом спохватился и сказал: -слушай, он ведь врет. Должно быть сто двадцать. -Знаю, знаю, -нетерпеливо сказал ким. -один ноль ноль семь, -повторил он. -а теперь извлеки мне ко- рень из десять ноль семь... -Сейчас, -сказал Перец.

Снова щелкнула задвижка за кулисой, и появился проконсул, розовый, свежий и удовлетворенный. Он стал мыть руки, напевая при этом приятным голосом "аве мария". Потом он провозгласил: -Какое же это все-таки чудо - лес, господа мои! И как преступно мало мы говорим и пишем о нем! А между тем он достоин того, чтобы о нем писать. Он облаго- раживает, он будит высшие чувства. Он способствует прогрессу. Он сам подобен символу прогресса. А мы никак не можем пресечь распространение неквалифици- рованных слухов, побасенок, анекдотов. Пропаганда леса по существу не ведется. О лесе говорят и думают черт-те что... -Семьсот восемьдесят пять умножь на четыреста тридцать два, -сказал ким.

Проконсул повысил голос. Голос у него был сильный и хорошо поставленный - "мерседеса" не стало слышно. -"живем как в лесу"... "лесные люди"... "из-за де- ревьев не видно леса"... "кто в лес, кто по дро- ва"... Вот с чем мы должны бороться! Вот что мы должны искоренять. Скажем, вы, мосье Перец, почему вы не боретесь? Ведь вы могли бы сделать в клубе об- стоятельный целенаправленный доклад о лесе, а вы его не делаете. Я давно за вами наблюдаю и все жду, и все напрасно. В чем дело? -Так я ведь там никогда не был, -сказал Перец. -Неважно. Я там тоже никогда не был, но я прочел лекцию, и, судя по отзывам, это была очень полезная лекция. Дело ведь не в том, был ты в лесу или не был, дело в том чтобы содрать с фактов шелуху мисти- ки и суеверий, обнажить субстанцию, сорвав с нее одеяние, напяленное обывателями и утилитаристами... -Дважды восемь поделить на сорок девять минус семью семь, -сказал ким. "мерседес заработал. Проконсул снова повысил го- лос. -Я делал это как философ по образованию, а вы могли бы сделать это как лингвист по образованию. Я вам дам тезисы, а вы их разовьете в свете последних достижений лингвистики... Или какая там у вас тема диссертации? -У меня "особенности стиля и ритмики женской прозы позднего хейана" на материале "макура-но соси", -сказал Перец. -боюсь, что... -Пре-вос-ход-но! Это именно то, что нужно. И подчеркните, что не болота и трясины, а великолепные грязелечебницы; не прыгающие деревья, а продукт вы- сокоразвитой науки; не туземцы, не дикари, а древняя цивилизация людей гордых, свободных, с высокими по- мыслами, скромных и могущественных. И никаких руса- лок! Никакого лилового тумана, никаких туманных на- меков - простите меня за неудачный каламбур... Это будет превосходно, мингер Перец, это будет замеча- тельно. И это очень хорошо, что вы знаете лес, може- те поделиться своими личными впечатлениями. Моя лекция была тоже хороша, однако, боюсь, несколько умозрительна. В качестве основного материала я ис- пользовал протоколы заседаний. А вы, как исследова- тель леса... -Я не исследователь леса, -сказал Перец убедитель- но. -меня в лес не пускают. Я не знаю леса. Проконсул, рассеянно кивая, что-то быстро писал на манжете. -Да. -говорил он. -да, да. К сожалению, это горькая правда. К сожалению, это у нас еще встречается - формализм, бюрократизм, эвристический подход к личности... Об этом вы, между прочим, тоже можете сказать. Можете, можете, об этом все говорят. А я попытаюсь согласовать ваше выступление с дирекцией. я чертовски рад, Перец, что вы, наконец, примете участие в нашей работе. Я уже давно и очень внима- тельно приглядываюсь к вам... Вот так, я вас записал на следующую неделю.

Перец выключил "мерседес". -Меня не будет на следующей неделе. У меня кончи- лась виза, и я уезжаю. Завтра. -Ну, это мы как-нибудь уладим. Я пойду к директору, он сам член клуба, он поймет. Считайте, что вы оста- лись еще на неделю. -Не надо, -сказал Перец. -не надо! -Надо! -сказал проконсул, глядя ему в глаза. -вы отлично знаете, Перец: надо! До свидания.

Он поднес два пальца к виску и удалился, помахивая портфелем. -Паутина какая-то, -сказал Перец. -что я им - муха? менеджер не хочет, чтобы я уезжал, алевтина не хо- чет, а теперь и этот тоже... -Я тоже не хочу, чтобы ты уезжал, -сказал ким. -Но я не могу здесь больше! -Семьсот восемьдесят семь умножить на четыреста тридцать два... "все равно я уеду, -думал Перец, нажимая на кла- виши. -все равно я уеду. Вы не хотите себе, а я уеду. Не буду я играть с вами в пинг-понг, не буду играть в шахматы, не буду я с вами спать и пить чай с вареньем, не хочу я больше петь вам песни, считать вам на "мерседесе", разбирать ваши споры, а теперь еще читать вам лекции, которых все равно не поймете. и думать за вас я не буду, думайте сами, а я уеду. уеду. Уеду. Все равно вы никогда не поймете, что ду- мать - это не развлечение, а обязанность... "

Снаружи за недостроенной стеной, тяжко бухала ба- ба, стучали пневматические молотки, с грохотом сы- пался кирпич, а на стене рядком сидели четверо рабо- чих, голых по пояс, в фуражках, и курили. Потом под самым окном заревел и затрещал мотоцикл. -Из леса кто-то, -сказал ким. -скорее умножь мне шестнадцать на шестнадцать.

Дверь рванули, и в комнату вбежал человек. Он был в комбинезоне, отстегнутый капюшон болтался у него на груди на шнурке рации. От башмаков до пояса комбинезон щетинился бледно-розовыми стрелками моло- дых побегов, а правая нога была опутана оранжевой плетью лианы бесконечной длины, волочащейся по полу. лиана еще подергивалась, а Перецу показалось, что это щупальце самого леса, что оно сейчас напряжется и потянет человека обратно - через коридоры управле- ния, вниз по лестнице, по двору мимо стены, мимо столовой и мастерских и снова вниз, по пыльной ули- це, через парк, мимо статуй и павильонов, к в'езду на серпантин, к воротам, но не в ворота, а мимо, к обрыву, вниз...

Он был в мотоциклетных очках, лицо его было густо припорошено пылью, и Перец не сразу понял, что это стоян стоянов с биостанции. В руке у него был боль- шой бумажный кулек. Он сделал несколько шагов по ка- фельному полу, по мозаике, изображающей женщину под душем, и остановился перед кимом, спрятав бумажный кулек за спину и делая странные движения головой, словно у него чесалась шея. -Ким, сказал он. -это я.

Ким не отвечал. Слышно было, как его перо рвет и царапает бумагу. -Кимушка, -заискивающе сказал стоян. -я ведь тебя умоляю. -Пошел вон, -сказал ким. -маньяк. -В последний разочек, -сказал стоян. -в самый распоследний.

Он снова сделал движение головой, и Перец увидел на его тощей подбритой шее, в самой ямочке под затылком, коротенький розоватый побег, тоненький, острый, уже завивающийся спиралью, дрожащий, как от жадности. -Ты только передай и скажи, что от стояна, и больше ничего. Если в кино станет звать, соври, что срочная вечерняя работа. Если будет чаем угощать, скажи, мол, только что пил. И от вина тоже откажись, если предложит. А? Кимушка! В самый наираспоследнейший. -Что ты ежишься? -спросил ким со злостью. -а ну-ка повернись! -Опять подхватил? -спросил стоян поворачиваясь. -ну, это неважно. Ты только передай, а остальное все неважно.

Ким, перегнувшись через стол, что-то делал с его шеей, что-то уминал и массировал, растопырив локти, брезгливо скалясь и бормоча ругательства. Стоян терпеливо переминался с ноги на ногу, наклонив голову и выгнув шею. -Здравствуй, перчик, -говорил он. -давно я тебя не видел. Как ты тут? А я вот опять привез, что ты бу- дешь делать... В самый разнаипоследнейший. -он развернул бумагу и показал Перецу букетик ядовито- -зеленых лесных цветов. -а пахнут-то как! Пахнут! -Да не дергайся ты, -прикрикнул ким. -стой смирно! маньяк, шляпа! -Маньяк, -с восторгом соглашался стоян. -шляпа. Но! в самый разнаипоследнейший!

Розовые побеги на его комбинезоне уже увядали, сморщивались и осыпались на пол, на кирпичное лицо женщины под душем. -Все, -сказал ким. -убирайся.

Он отошел от стояна и бросил в мусорное ведро что-то полуживое, корчащееся, окровавленное. -Убираюсь, -сказал стоян. -немедленно убираюсь. А то ведь знаешь, у нас рита опять начудила, я теперь с биостанции и уезжать как-то боюсь. Перчик, ты бы приехал к нам, поговорил бы с ними, что ли... -Еще чего! -сказал ким. -нечего там Перецу делать. -Как это нечего? -вскричал стоян. -квентин просто на глазах тает! Ты послушай только: неделю назад ри- та сбежала - ну, ладно, ну, что поделаешь... А этой ночью вернулась вся мокрая, белая, ледяная. Охранник было к ней сунулся с голыми руками - что-то она с ним такое сделала, до сих пор валяется без памяти. И весь опытный участок зарос травой. -Ну? -сказал ким. -А квентин все утро плакал... -Это я все знаю, -перебил его ким. -я не понимаю, причем здесь Перец. -Ну как причем? Ну что ты говоришь? Кто же еще, ес- ли не Перец? Не я ведь, верно? И не ты... Не домаро- щинера же звать, клавдия-октавиана! -Хватит! -сказал ким, хлопнув ладонью по столу. -убирайся работать и чтобы я тебя здесь в рабочее время не видел. Не зли меня. -Все, -торопливо сказал стоян. -все. Ухожу. А ты передашь? Он положил букет на стол и выбежал вон, крикнув в дверях: "и клоака снова заработала... "

Ким взял веник и смел все осыпавшееся в угол. -Безумный дурак, -сказал он. -и рита эта... Теперь все пересчитывай заново. Провалиться им с этой лю- бовью...

Под окном снова раздражающе затрещал мотоцикл и снова все стихло, только бухала баба за стеной. -Перец, -сказал ким, -а зачем ты был утром на обрыве? -Я надеялся повидать директора. Мне сказали, что он иногда делает над обрывом зарядку. Я хотел попросить его, чтобы он отправил меня, но он не пришел. Ты знаешь, ким, по-моему, здесь все врут. Иногда мне кажется, что даже ты врешь. -Директор, -задумчиво сказал ким. -а ведь это, по- жалуй, мысль. Ты молодец. Это смело... -Все равно я завтра уеду, -сказал

Перец. -тузик ме- ня отвезет, он обещал. Завтра меня здесь не будет, так и знай. -Не ожидал, не ожидал, -продолжал ким, не слушая. -очень смело... А может, действительно, послать тебя туда - разобраться?

Г л а в а в т о р а я

Перец проснулся оттого, что холодные пальцы тронули его за голое плечо. Он открыл глаза и увидел, что над ним стоит человек в исподнем. Света в комна- те не было, но человек стоял в лунной полосе, и было видно его белое лицо с вытаращенными глазами. -Вам чего? -шепотом спросил Перец. -Очистить надо, -тоже шепотом сказал человек. "да это же комендант", -с облегчением подумал пе- рец. -Почему очистить? -спросил он громко и приподнялся на локте. -что очистить? -Гостиница переполнена. Вам придется очистить место.

Перец растеренно оглядел комнату. В комнате все было по-прежнему, остальные три койки были по- -прежнему свободны. -А вы не озирайтесь, -сказал комендант. -нам виднее. И все равно белье надо на вашей койке менять и отдавать в стирку. Сами-то вы стирать не будете, не так воспитаны...

Перец понял: коменданту было очень страшно, и он хамил, чтобы придать себе смелости. Он был сейчас в том состоянии, когда тронь человека - и он завопит, заверещит, задергается, высадит раму и станет звать на помощь. -Давай, давай, -сказал комендант и в каком-то жутком нетерпении потянул изпод Переца подушку. -белье, говорят... -Да что же это, -проговорил Перец. -обязательно сейчас? Ночью? -Срочно. -Господи, -сказал Перец. -вы не в своем уме. Ну хо- рошо... Забирайте белье, я и так обойдусь, мне всего эта ночь осталась.

Он слез с койки на холодный пол и стал сдирать с подушки наволочку. Комендант, словно бы оцепенев, следил за ним выпученными глазами. Губы его шевелились. -Ремонт, -сказал он наконец. -ремонт пора делать. обои все ободрались, потолок потрескался, полы пе- рестилать надо... -голос его окреп. -так что место вы все равно очищайте. Сейчас мы здесь начнем делать ремонт. -Ремонт? -Ремонт, обои-то какие стали, видите? Сейчас сюда рабочие придут. -Прямо сейчас? -Прямо сейчас. Ждать больше немыслимо. Потолок весь растрескался. Того и гляди...

Переца бросило в дрожь. Он оставил наволочку и взял в руки штаны. -Который час? -спросил он. -Первый час уже, -сказал комендант, снова переходя на шепот и почему-то озираясь. -Куда же я пойду? -сказал Перец, остановившись с одной ногой в штанине. -ну, вы меня устройте где-ни- будь. В другом номере... -Переполнено. А где не переполнено, там ремонт. -Ну в дежурке. -Переполнено.

Перец с тоской уставился на луну. -Ну хоть в кладовой, -сказал он. -в кладовой, в бельевой, в изоляторе. Мне всего шесть часов оста- лось спать. Или, может быть, вы меня у себя как-ни- будь поместите...

Комендант вдруг заметался по комнате. Он бегал между койками, босой, белый, страшный, как привидение. Потом он остановился и сказал стонущим голосом: -Да что же это, а? Ведь я тоже цивилизованный чело- век, два института окончил, не туземец какой-нибудь... Я же все понимаю! Но невозможно, поймите! никак невозможно! -он подскочил к Перецу и прошептал ему на ухо: -у вас виза истекла! Двадцать семь минут уже, как истекла, а вы все еще здесь. Нельзя вам быть здесь. Очень я вас прошу... -он грохнулся на колени и вытащил из-под кровати ботинки и носки пе- реца. -я без пяти двенадцать проснулся весь в поту, -бормотал он. -ну, думаю, все. Вот и конец мой при- шел. Как был, так и побежал. Ничего не помню. Облака какие-то на улицах, гвозди цепляют за ноги... А у меня жена родить должна! Одевайтесь, одевайтесь, по- жалуйста...

Перец торопливо оделся. Он плохо соображал. Комендант все бегал между койками, шлепая по лунным квадратам, выглядывал в коридор, высовывался в окна и шептал: "боже мой, что же это... Ва -Можно, я хоть чемодан у вас оставлю? -спросил пе- рец

Комендант лязгнул зубами. -Ни в коем случае! Вы же меня погубите... Ну надо же быть таким бессердечным! Боже мой, боже мой... Перец собрал книги, с трудом закрыл чемодан, взял на руку плащ и спросил: -Куда же мне теперь?

Комендант не ответил. Он ждал, приплясывая от не- терпения. Перец поднял чемодан и по темной тихой лестнице спустился на улицу. Он остановился на крыльце и, стараясь унять дрожь, некоторое время слушал, как комендант втолковывал сонному дежурному: "... Будет назад проситься. Не пускать! У него... (неясный зловещий шепот) понял? Ты отвечаешь... " перец сел на чемодан и положил плащ на колени. -Нет уж, извините, -сказал комендант у него за спи- ной. -с крыльца попрошу сойти. Территорию гостиницы попрошу все-таки полностью очистить. Пришлось сойти и поставить чемодан на мостовую. Комендант потоптался немного, бормоча: "очень прошу... Жена... без никаких эксцессов... Последствия... Нельзя... " и ушел, белея исподним, крадясь вдоль забора. Перец поглядел на темные окна коттеджей, на темные окна управления, на темные окна гостиницы. Нигде не было света, даже уличные фонари не горели. Была только луна - круглая, блестящая и какая-то злобная.

И вдруг он обнаружил, что он один. У него никого не было. Вокруг спят люди, и все они любят меня, я это знаю, я много раз это видел. И все-таки я один, словно они вдруг умерли или стали моими врагами... И комендант - добрый уродливый человек, страдающий ба- зедовой болезнью, неудачник, прилепившийся ко мне с первого же дня... Мы играли с ним на пианино в четы- ре руки и спорили, и я был единственным, с кем он осмеливался спорить и рядом с кем он чувствовал себя полноценным человеком, а не отцом семерых детей. И ким. Он вернулся из канцелярии и принес огромную папку с доносами. Девяносто два доноса на меня, все написаны одним почерком и подписаны разными фами- лиями. Что я ворую казенный сургуч на почте, и что я привез в чемодане малолетнюю любовницу и прячу ее в подвале пекарни, и что я еще много чего... И ким чи- тал эти доносы и одни бросал в корзину, а другие от- кладывал в сторону, бормоча: "а это надо обмозго- вать... " и это было неожиданно и ужасно, бессмысленно и отвратительно... Как он робко взглядывал на меня и сразу отводил глаза...

Перец поднялся, взял чемодан и побрел, куда глаза глядят. Глаза никуда не глядели. Да и не на что было глядеть на этих пустых темных улицах. Он спотыкался, он чихал от пыли и кажется несколько раз упал. Чемо- дан был невероятно тяжелый и какой-то неуправляемый. он грузно терся о ногу, потом тяжело отплывал в сто- рону и, вернувшись из темноты, с размаху ударял по колену. В темной аллее парка, где совсем не было света и только зыбкие, как комендант, статуи смутно белели во мраке, чемодан вдруг вцепился в штанину какой-то отставшей пряжкой, и Перец в отчаянии бро- сил его. Пришел час отчаяния. Плача и ничего не видя из-за слез, Перец продрался через колючие сухие и пыльные живые изгороди, скатился по ступенькам, упал, больно ударившись спиной, и совсем уже без сил, задыхаясь от обиды и от жалости, опустился на колени у края обрыва.

Но лес оставался безразличным. Он был так безразличен, что даже не был виден. Под обрывом была тьма, и только на самом горизонте что-то широкое и слоистое, серое и бесформенное вяло светилось в сиянии луны. -Проснись, -попросил Перец. -погляди на меня хотя бы сейчас, когда мы одни, не беспокойся, они все спят. Неужели тебе никто из нас не нужен? Или ты, может быть не понимаешь, что это такое нужен? Это когда нельзя обойтись без... Это когда все время ду- маешь о... Это когда всю жизнь стремишься к... Я не знаю, какой ты. Этого не знают даже те, кто со- вершенно уверен в том, что знают. Ты такой, какой ты есть, но могу же я надеяться, что ты такой, каким я всю жизнь хотел тебя видеть: добрый и умный, снисхо- дительный и помнящий, внимательный и, может быть, даже благородный. Мы растеряли все это, у нас не хватает на это ни сил, ни времени, мы только строим памятники, все больше, все выше, все дешевле, а помнить - помнить мы уже не можем. Но ты-то ведь другой, потому-то я и пришел к тебе издалека, не ве- ря в то, что ты существуешь на самом деле. Так неужели я тебе не нужен? Нет, я буду говорить правду. Боюсь, что ты мне тоже не нужен. Мы увидели друг друга, но ближе мы не стали, а должно было слу- читься совсем не так. Может быть, это они стоят между нами? Их много, я один, но я - один из них, ты, наверное, не различаешь меня в толпе, а, может быть, меня и различать не стоит. Может быть, я сам придумал те человеческие качества, которые должны нравиться тебе, но не тебе, какой ты есть, а тебе, каким я тебя придумал...

Из-за горизонта вдруг медленно всплыли яркие белые комочки света, повисли, распухая, и сразу же справа под утесом, под нависшими скалами суматошно забегали лучи прожекторов, заметались по небу, застревая в слоях тумана. Световые комочки над горизонтом все распухали, растягивались, обратились в белесые облачка и погасли. Через минуту погасли и прожектора. -Они боятся, -сказал Перец. -я тоже боюсь. Но я бо- юсь не только тебя, я еще боюсь и за тебя. Ты ведь их еще не знаешь. Впрочем, я их тоже знаю очень пло- хо. Я знаю только, что они способны на любые край- ности, на самую крайнюю степень тупости и мудрости, жестокости и жалости, ярости и выдержки. У них нет только одного: понимания. Они всегда подменяли пони- мание какими-нибудь суррогатами: верой, неверием, равнодушием, пренебрежением. Как-то всегда получа- лось, что это проще всего. Проще поверить, чем по- нять. Проще разочароваться, чем понять. Между про- чим, я завтра уезжаю, но это еще ничего не значит. здесь я не могу помочь тебе, здесь все слишком прочно, слишком устоялось. Я здесь слишком уж заметно лишний, чужой. Но точку приложения сил я еще найду, не беспокойся. Правда они могут необратимо загадить тебя, но на это тоже надо время и немало: им ведь еще нужно найти самый эффективный, экономичныйи и главное простой способ. Мы еще поборемся, было бы за что боротся... До свидания.

Перец поднялся с колен и побрел назад, через кусты, в парк, на аллею. Он попытался найти чемодан и не нашел. Тогда он вернулся на главную улицу, пустую и освещенную только луной. Был уже второй час ночи, когда он остановился перед приветливо раскрытой дверью библиотеки управления. Окна библиотеки были завешены тяжелыми шторами, а внутри она была освещена ярко, как танцевальный павильон. Паркет рассохся и отчаянно скрипел, и вокруг были книги. стеллажи ломились от книг, книги грудами лежали на столах и по углам, и кроме Переца и книг в библиотеке не было ни души.

Перец опустился в большое старое кресло, вытянул ноги и, откинувшись, покойно положил руки на подлокотники. Ну, что стоите, сказал он книгам. Бездельники! Разве для этого вас писали? Доложите, доложите-ка мне, как идет сев, сколько посеяно? Сколько посеяно: разумного, доброго, вечного? И какие виды на урожай? А главное - каковы всходы? Молчите... Вот ты, как тебя... Да-да, ты, двухтомник! Сколько человек тебя прочитало? А сколько поняло? Я очень люблю тебя, старина, ты добрый и честный товарищ. Ты ни- когда не орал, не хвастался, не бил себя в грудь. добрый и честный. И те, кто тебя читают, тоже стано- вятся добрыми и честными. Хотя бы на время. Хотя бы сами с собой... Но ты знаешь, есть такое мнение, что для того, чтобы шагать вперед, доброта и честность не так уж обязательны. Для этого нужны ноги. И башмаки. Можно даже немытые ноги и нечищенные башма- ки... Прогресс может оказаться совершенно безразличным к понятиям доброты и честности, как он был безразличен к этим понятиям до сих пор. Управле- нию, например, для его правильного функционирования ни честность, ни доброта не нужны. Приятно, жела- тельно, но отнюдь не обязательно. Как латынь для банщика. Как бицепсы для бухгалтера. Как уважение к женщине для домарощинера... Но все зависит от того, как понимать прогресс. Можно понимать его так, что появляются эти знаменитые "зато": алкоголик, зато отличный специалист; распутник, зато отличный пропо- ведник; вор ведь, выжига, но зато какой администра- тор! Убийца, зато как дисциплинирован, предан... А можно понимать прогресс как превращение всех в людей добрых и честных. И тогда мы доживем когда-нибудь до того времени, когда будут говорить: специалист он, конечно, знающий, но грязный тип, гнать его надо...

Слушайте, книги, а вы знаете, что вас больше, чем людей? Если бы все люди исчезли, вы могли бы насе- лять землю и были бы точно такими же, как люди. Сре- ди вас есть добрые и честные, мудрые, многознающие, а также легкомысленные пустышки, скептики, сума- шедшие, убийцы, растлители, дети, унылые проповедни- ки, самодовольные дураки и полуохрипшие крикуны с воспаленными глазами. И вы бы не знали, зачем вы. В самом деле, зачем вы? Многие из вас дают знания, но зачем это знание лесу? Оно не имеет к лесу никакого отношения. Это как, если бы будущего строителя солнечных городов старательно учили бы фортификации, и тогда, как бы он потом не тщился построить стадион или санаторий, у него все выходил бы какой-нибудь угрюмый редут с флешами, эскарпами и контрэскарпами. то, что вы дали людям, которые пришли в лес, это не знание, это - предрасудки... Другие из вас вселяют неверие и упадок духа. И не потому, что они мрачны или жестоки, или предлагают оставить надежду, а по- тому что лгут. Иногда лгут лучезарно, с бодрыми песнями и лихим посвистом, иногда плаксиво, стеная и оправдываясь, но - лгут. Почему-то такие книги ни- когда не сжигают и никогда не изымают из библиотеки, не было еще в истории человечества случая, чтобы ложь предавали огню. Разве что случайно, не ра- зобравшись или поверив. В лесу они тоже не нужны. они нигде не нужны. Наверное, именно поэтому их так много... То есть не поэтому, а потому что их лю- бят... Тьмы горьких истин нам дороже... Что? Кто это тут разговаривает? Ах, это я разговариваю... Так вот я и говорю, что есть еще книги... Что?.. -Тише, пусть спит... -Чем спать, лучше бы выпил. -Да не скрипи ты так..., ой да это же Перец! -А что нам Перец, ты знай не падай... -Неухоженный какой-то, жалкий... -Я не жалкий, -пробормотал Перец и проснулся.

Перед стеллажом, напротив, была библиотечная ле- сенка. На верхней ее ступени стояла алевтина из фо- толаборатории, а внизу шофер тузик держал лесенку вытатуированными руками и смотрел вверх. -И всегда-то он какой-то неприкаянный, -сказала алевтина, глядя на Переца. -и не ужинал, наверное. надо бы его разбудить, пусть хоть водки выпьет... что, интересно, такие люди видят во сне? -А вот что я вижу наяву!.. -сказал тузик, глядя вверх. -Что-нибудь новое? -спросила алевтина. -никогда раньше не видел? -Да нет, -сказал тузик. -нельзя сказать, чтобы осо- бенно новое, но это как кино бывает - двадцать раз смотришь и все с удовольствием.

На третьей ступеньке лестницы лежали ломти здоро- венного штруцеля, на четвертой ступеньке были разло- жены огурцы и очищенные апельсины, а на пятой сту- пеньке стояла полупустая бутылка и пластмассовый стаканчик для карандашей. -Ты смотреть смотри, а лесенку держи хорошенько, -сказала алевтина и принялась доставать с верхних полок стеллажа толстые журналы и выцветшие папки. она сдувала с них пыль, морщилась, листала страницы, некоторые папки откладывала в сторону, а прочие ста- вила на прежнее место. Шофер тузик громко сопел. -А за позапрошлый год тебе нужно? -спросила алевти- на. -Мне сейчас одно нужно, -загадочно сказал тузик. -вот я сейчас Переца разбужу. -Не отходи от лестницы, -сказала алевтина. -Я не сплю, -сказал Перец. -я уже давно на вас смотрю. -Оттуда ничего не видно, -сказал тузик. -вы сюда идите, пан Перец, тут все есть: и женщины, и вино, и фрукты...

Перец поднялся, припадая на отсиженную ногу, подошел к лестнице и налил себе из бутылки. -Что вы видели во сне, перчик? -спросила алевтина сверху.

Перец механически взглянул вверх и сейчас же опустил глаза. -Что я видел... Какую-то чепуху... Разговаривал с книгами.

Он выпил и взял дольку апельсина. -Подержите-ка минуточку, пан Перец, -сказал тузик. -я себе тоже налью. -Так тебе за позапрошлый год нужно? -спросила але- втина. -А как же? -сказал тузик. Он плеснул себе в ста- канчик и стал выбирать огурец. -и за позапрошлый, и за позапозапрошлый... Мне всегда нужно. У меня это всегда было, я без этого жить не могу. Да без этого никто жить не может. Одному больше надо, другому - меньше... Я всегда говорю: чего вы меня учите, такой уж я человек... -тузик выпил с большим удовольствием и с хрустом закусил огурец. -а так жить невозможно, как я здесь живу. Я вот еще немного потерплю-по- терплю, а потом угоню машину в лес и русалку себе поймаю...

Перец держал лестницу и пытался думать о завтрашнем дне, а тузик, присев на нижнюю ступеньку, принялся рассказывать, как в молодости они с компанией приятелей поймали на окраине парочку, ухажора побили и прогнали, а дамочку попытались использовать. Было холодно, сыро, по крайней молодости лет ни у кого ничего не получалось, дамочка плакала, боялась, и приятели один за другим от нее отстали, и только он, тузик, долго тащился за нею по грязным задворкам, хватал, ругался, и все ему казалось, что вот-вот получится, но никак не получалось, пока он не довел ее до самого ее дома, и там, в темной па- радной, прижал ее к железным перилам и получил, на- конец, свое. В тузиковом изложении случай казался чрезвычайно захватывающим и веселым. -Так что русалочки от меня не уйдут, -сказал тузик. -я своего не упускаю и сейчас не упущу. У меня что на витрине, то и в магазине - без обмана.

У него было смуглое красивое лицо, густые брови, живые глаза и полный рот отличных зубов. Он был очень похож на итальянца. Только вот от ног у него пахло. -Господи, что делают, что делают, -сказала алевти- на. -все папки перепутали. На, держи пока эти. Она наклонилась и передала тузику кипу папок и журналов. Тузик принял кипу, перебросил несколько страниц, почитал про себя, шевеля губами, пересчитал папки и сказал: -Еще две штуки нужно.

Перец все держал лестницу и смотрел на свои сжатые кулаки. Завтра в это время меня уже здесь не будет, думал он. Я буду сидеть рядом с тузиком в кабине, будет жарко, металл еще только начнет остывать. тузик включит фары, развалится поудобнее, высунув левый локоть в окно, и примется рассуждать о мировой политике. Больше я ему ни о чем не дам рассуждать. пусть он останавливается возле каждой закусочной, пусть берет каких угодно попутчиков, пусть даже сде- лает крюк, чтобы перевезти кому-нибудь молотилку из ремонта. Но рассуждать я ему дам только о мировой политике. Или буду расспрашивать про разные автомо- били. Про нормы расхода горючего, про аварии, про убийства взяточников-инспекторов он хороший рассказчик и никогда не поймешь, врет он или говорит правду...

Тузик выпил еще порцию, причмокнул, поглядел на алевтинины ноги и стал рассказывать дальше, ерзая, выразительно жестикулируя и заливаясь жизнерадостным смехом. Скрупулезно придерживаясь хронологии, он рассказывал историю своей половой жизни, как она протекала из года в год, из месяца в месяц. Повариха из концентрационного лагеря, где он сидел за кражу бумаги в голодное время (повариха приговаривала: "ну, не подкачай, тузик, ну, смотри!.. "), дочка по- литического заключенного из того же лагеря (ей было все равно-кто, она была уверена, что ее все равно сожгут), жена одного моряка из портового города; пы- тавшаяся таким образом отомстить своему кобелю-мужу за непрерывные измены, одна богатая вдова, от кото- рой тузику потом пришлось убегать ночью в одних кальсонах, потому что она хотела бедного тузика взять за себя и заставить торговать наркотиками и стыдными медицинскими препаратами. Женщины, которых он возил, когда работал шофером такси: они платили ему по монете с гостя, а в конце ночи - натурой (" ... Я ей говорю: что же это ты, а обо мне кто подума- ет - ты вот уже с четырьмя, а я еще ни с одной...). потом жена, пятнадцатилетняя девочка, которую он взял за себя по специальному разрешению властей - она родила ему двойню и, в конце концов, ушла от не- го, когда он попытался расплачиваться ею с приятеля- ми за приятелевых любовниц. Женщины... Девки... стервы... Бабочки... Падлы... Сучки... -Так что никакой я не развратник, -заключил он. -просто я темпераментный мужчина, а не какой-нибудь слабосильный импотент...

Он допил спиртное, забрал папки и, не простившись, ушел, скрипя паркетом и насвистывая, странно сутулясь, похожий неожиданно не то на паука, не то на первобытного человека. Перец беспомощно смотрел ему вслед, когда алевтина сказала: -Дайте мне руку, перчик.

Она присела на верхней ступеньке, опустила руки ему на плечи и, тихонько взвизгнув, спрыгнула вниз. он поймал ее под мышки и опустил на пол, и некоторое время они стояли близко друг к другу, лицом к лицу. она держала руки у него на плечах, а он держал ее под мышками. -Меня из гостиницы выгнали, -сказал он. -Я знаю, -сказала она. -пойдемте ко мне, хотите?

Она была добрая и теплая и смотрела ему в глаза спокойно, хотя и без особой уверенности. Глядя на нее, можно было представить себе много добрых, теплых и сладких картин, и Перец жадно проглядел все эти картины одна за другой, и попытался представить самого себя рядом с нею, но вдруг почувствовал, что это не получается: вместо себя он видел тузика, кра- сивого, наглого, точного в движениях и пахнущего ногами. -Да нет, спасибо, -сказал он и отнял от нее руки. -я уж как-нибудь так. Она сейчас же повернулась и принялась собирать остатки еды на газетный лист. -А зачем же - так? -сказала она. -я вам могу на диване постелить. До утра поспите, а утром найдем вам комнату. Нельзя же каждую ночь сидеть в библиотеке. -Спасибо, -сказал Перец. -только завтра я уезжаю. Она изумленно оглянулась на него. -Уезжаете? В лес? -Нет, домой. -Домой... -она медленно заворачивала еду в газету. -но ведь вы же все время хотели попасть в лес, я са- ма слышала. -Да видите ли, я хотел... Но меня туда не пускают. не знаю даже, почему. А в управлении мне делать не- чего. Вот я и договорился... Тузик меня завтра отве- зет. Сейчас уже три часа. Пойду в гараж, заберусь в тузиков грузовик и подожду там до утра. Так что вы не беспокойтесь... -Значит, будем прощаться... А то, может, пойдемте все-таки? -Спасибо, но я лучше в машине... Проспать боюсь, тузик ведь ждать не станет.

Они вышли на улицу и рука об руку пошли к гаражу. -Значит, вам не понравилось, что тузик рассказывал? -спросила она. -Нет, -сказал Перец. -совсем не понравилось. Не люблю, когда об этом рассказывают.

Зачем? Стыдно как-то... И за него стыдно, и за вас стыдно, и за себя. За всех. Слишком бессмысленно все это. Как от большой скуки. -Чаще всего это и бывает от большой скуки, -сказала алевтина. -а за меня вы не стыдитесь, я к этому равнодушна. Мне это совершенно безразлично. Ну вот, вам сюда. Поцелуйте меня на прощанье.

Перец поцеловал ее, ощущая какое-то смутное сожаление. -Спасибо, -сказала она, повернулась и быстро пошла в другую сторону. Перец зачем-то помахал ей вслед рукой.

Потом он вошел в гараж, освещенный синими лампочками, перешагнул через храпевшего на выта- щенном автомобильном сиденьи охранника, нашел тузиков грузовик и забрался в кабину. Здесь пахло резиной, бензином, пылью. На ветровом стекле, растопыревшись, покачивался мики-маус. Хорошо, подумал перец, уютно. Надо было сразу сюда идти. Вокруг стояли молчаливые машины, темные и пустые. Громко храпел охранник. Машины спали, охранник спал и спало все управление. И алевтина раздевалась перед зеркалом в своей комнате рядом с расстеленной кроватью, большой, двуспальной, мягкой, жаркой... Нет, об это не надо. Потому что днем мешает болтовня, стук "мерседеса", весь деловой бессмысленный хаос, а сейчас нет ни искоренения, ни охраны, ни прочих зловещих глупостей, а есть сонный мир над обрывом, призрачный, как все сонные миры, невидимый и неслышимый, и нисколько не более реальный, чем лес. Лес сейчас даже более реален: лес ведь никогда не спит. А может быть, он спит и всех нас видит во сне. Мы - сон ле- са. Атавистический сон. Грубые призраки его ох- лажденной сексуальности...

Перец лег, скорчившись, и подсунул под голову скомканный плащ. Мики-маус тихонько покачивался на ниточке. При виде этой игрушки девушки всегда вскри- кивали: "ах, какой хорошенький! ", а шофер тузик им отвечал: "что на витрине, то и в магазине". Рычаг передач упирался Перецу в бок, и Перец не знал, как его убрать. И можно ли его убрать. Может быть, если его убрать, машина поедет. Сначала медленно, потом все быстрее, прямо на спящего охранника, а Перец бу- дет метаться в кабине и нажимать на все, что попадется под руки и под ноги, а охранник все ближе, уже виден его раскрытый храпящий рот. Потом машина подпрыгивает, круто сворачивает, врезается в стену гаража, и в проломе показывается синее небо...

Перец проснулся и увидел, что уже утро. В распахнутых дверях гаража курили механики, и была видна площадь перед гаражом, желтая от солнца. Было семь часов. Перец сел, потер лицо и посмотрелся в зеркальце заднего вида. Побриться бы надо подумал он, но не вылез из машины. Тузика еще не было, и на- до было ждать его здесь, на месте, потому что все шоферы забывчивы и всегда уезжают без него. Есть два правила общения с шоферами: во-первых, никогда не вылезай из машины, если можешь терпеть и ждать; и во-вторых, никогда не спорь с шофером, который тебя везет. В крайнем случае притворись спящим...

Механики в воротах бросили окурки, тщательно растерли их носками ботинок и вошли в гараж. Одного Перец не знал, а второй был, оказывается вовсе не механик, а менеджер. Они прошли рядом, причем менеджер задержался возле кабины и, положив руку на крыло, почему-то заглянул под грузовик. Потом Перец услыхал, как он распоряжается: "ну, пошевеливайся, давай домкрат. " "а он где? "-спросил незнакомый механик. "...! -спокойно сказал менеджер. -под сидень- ем посмотри. " "откуда же мне знать, -раздраженно сказал механик. -я же вас предупреждал, что я официант... " некоторое время было тихо, потом водительская дверца кабины открылась и появилось хмурое расстроенное лицо механика-официанта. Он посмотрел на Переца, оглядел кабину, зачем-то подергал руль, а потом запустил обе руки под сиденье и начал там греметь. -Это, что ли, домкрат? -спросил он негромко. -Н-нет, -сказал Перец. -это, по-моему, разводной ключ.

Механик поднес разводной ключ к глазам, осмотрел его, поджав губы, положил на подножку и снова запустил руки под сиденьежи -Это? -спросил он. -Нет, -сказал Перец. -это я могу вам совершенно точно сказать. Это арифмометр. Домкраты не такие.

Механик-официант, сморщив низкий лоб, разглядывал арифмометр. -А какие? -спросил он. -Н-ну... Такая железная палка... Они разные бывают. у них такая подвижная ручка... -А вот тут есть ручка. Как у кассы. -Нет, это совсем другая ручка. -А если эту повертеть, что будет?

Перец совсем затруднился. Механик подождал, со вздохом положил арифмометр на подножку и снова полез под сиденье. -Может, вот это? -спросил он. -Пожалуй. Очень похоже. Только там должна быть еще такая железная спица. Толстая.

Механик нашел и спицу. Он покачал ее на ладони, сказал: "ладно, отнесу ему это для начала" и ушел, оставив дверцу открытой. Перец закурил. Где-то сзади звякало железо и бранились. Потом грузовик начал покрякивать и подрагивать.

Тузика все не было, но Перец не беспокоился. Он представлял себе, как они покатят по главной улице управления, и никто не будет на них смотреть. Потом они свернут на проселок, потащат за собой кучу желтой пыли, а солнце будет подниматься все выше, оно будет справа от них и скоро начнет припекать, а они свернут с проселка на шоссе, и оно будет длинное, ровное, блестящее и скучное, и у горизонта будут струиться миражи, похожие на большие сверкающие лужи...

Мимо кабины снова прошел механик, катя перед собой тяжелое заднее колесо. Колесо разогналось на бетоном полу, и видно было, что механик хочет его остановить и прислонить к стене, но колесо только слегка свернуло и грузно выкатилось во двор, а меха- ник неловко побежал за ним, все больше отставая. По- том они скрылись из глаз, и во дворе механик громко и отчаянно закричал. Послышался топот многих ног, и мимо ворот с криками: "лови его! Заходи справа! " пробежали еще люди.

Перец заметил, что машина стоит не так ровно, как раньше, и выглянул из кабины. Менеджер возился возле заднего колеса. -Здравствуйте, -сказал Перец. -что это вы... -А, Перец, дорогой! -радостно вскричал менеджер, не прекращая работы. -да вы сидите, сидите, не вылезай- те! Вы нам не мешаете. Заела дрянь проклятая... Одно вот хорошо снялось, а второе заело... -Как заело? Испортилось что-нибудь? -Не думаю, -сказал менеджер, выпрямляясь и вытирая лоб тыльной стороной ладони, в которой он держал ключ. -просто приржавело, наверное, немножко. Ну я его сейчас, быстро... А потом мы с вами шахматишки расставим. Как вы полагаете? -В шахматишки? -сказал Перец. -а где тузик? -Тузик-то? То есть, туз? Туз у нас теперь старший лаборант. Направлен в лес. Туз у нас больше не рабо- тает. А зачем он вам? -Да так... -тихо сказал Перец. -просто я предпола- гал... -он открыл дверь и спрыгнул на цементный пол. -Да вы зря беспокоитесь, -сказал менеджер. -сидели бы там, вы же не мешаете. -Да что же сидеть, -сказал Перец. -ведь эта машина не поедет? -Нет, не поедет. Без колес она не может, а колеса надо снять... Надо же, как заело! А, чтоб тебя... ладно, механики снимут. Пойдемте-ка мы лучше расста- вим.

Он взял Переца под руку и отвел в свой кабинет. там они сели за стол, менеджер отодвинул в сторону кучу бумаг, поставил шахматы и выключил телефон. -С часами будем играть? -спросил он. -Да я как-то даже не знаю, -сказал Перец.

В кабинете было сумрачно и холодно, сизый табачный дым плавал между шкафами как студенистые во- доросли, а менеджер - бородавчатый, раздутый, пестрящий разноцветными пятнами, - словно гигантский осьминог, двумя волосатыми щупальцами вскрыл лакиро- ваную раковину шахматной доски и принялся хлопотливо извлекать из нее деревянные внутренности. Круглые глаза его тускло поблескивали, и правый, ис- кусственный, был все время направлен в потолок, а левый, живой, как пыльная ртуть, свободно катался в орбите, устремляясь, то на Переца, то на дверь, то на доску. -С часами, -решил, наконец, менеджер. Он вынул из шкафа часы, завел их и, нажавши кнопку, сделал первый ход.

Солнце поднималось. На дворе кричали: "заходи справа! " в восемь часов менеджер в трудном положении глубоко задумался и вдруг потребовал завтрак на дво- их. Из гаража с рокотом выкатывались автомобили. Ме- неджер проиграл одну партию и предложил другую. Они плотно позавтракали: выпили по две бутылки кефиру и сьели по черствому штруцелю. Менеджер проиграл вто- рую партию, с преданностью и восхищением поглядел на Переца живым глазом и предложил третью. Он разыгры- вал все время один и тот же ферзевый гамбит, не от- клоняясь ни на ход от выбранного раз и навсегда проигрышного варианта. Он словно отрабатывал пораже- ние, и Перец переставлял фигуры совершенно автомати- чески, ощущая себя тренировочной машиной: ни в нем, ни в мире и было ничего, кроме шахматной доски, кнопки часов и жестко заданной программы действий.

Без пяти девять репродуктор внутреннего вещания хрюкнул и обьявил бесполым голосом: "всем работникам управления находиться у телефонов. Ожидается обраще- ние директора к сотрудникам. " менеджер стал очень серьезным, включил телефон, снял трубку и приложил ее к уху. Теперь в потолок были направлены оба его глаза. "мне можно идти? " -спросил Перец. Менеджер страшно нахмурился, прижал палец к губам, а потом замахал на Переца рукой. В телефонной трубке разда- лось гнусавое кваканье. Перец на цыпочках вышел.

В гараже было много народу. Лица у всех были строгие, значительные, даже торжественные. Только на ярко освещенном дворе одинокий официант-механик, потный, красный, растерзанный, хрипло дыша, гонялся за колесом. Происходило что-то очень важное. Нельзя же так, подумал Перец, нельзя, я все время в сторо- не, я никогда ничего не знаю, может быть, в этом вся беда, может быть, на самом деле все правильно, но я не знаю, что к чему и поэтому все время оказываюсь лишним.

Он заскочил в будку ближайшего телефона-автомата, сорвал трубку, жадно прислушался, но в трубке были только гудки. Тогда он почувствовал внезапный страх, зудящее опасение, что он опять куда-то опаздывает, что опять где-то что-то всем раздают, а он как всегда останется без. Прыгая через канавы и ямы, он пересек строительную площадку, шарахнулся от засту- пившего ему дорогу охраника с пистолетом в одной ру- ке и телефонной трубкой в другой и по приставной лестнице вскарабкался на недостроенную стену. Во всех окнах он успел увидеть сосредоточенно застывших людей с телефонными трубками, затем над ухом у него пронзительно взвизгнуло, и почти сразу он услыхал за спиной револьверный выстрел, спрыгнул вниз, в кучу мусора, и бросился к служебному входу. Дверь была заперта. Он несколько раз рванул ручку, ручка слома- лась. Он отшвырнул ее в сторону и секунду соображал, что делать дальше. Рядом с дверью было раскрытое уз- кое окно, и он влез в него, весь перепачкавшись в пыли и сорвав ногти на пальцах.

В комнате, куда он попал, было два стула. За одним сидел с телефонной трубкой домарощинер. Лицо у него было каменное, глаза закрыты. Он прижимал трубку к уху плечом и что-то быстро записывал карандашом в большом блокноте. Второй стол был пуст, и на нем стоял телефон. Перец схватил трубку и стал слушать.

Шорох. ПотрескИвания. Незнакомый писклявый голос: "... Управление реально может распоряжаться только ничтожным кусочком территории в океане леса, омы- вающего континент. Смысла жизни не существует и смысла поступков тоже. Мы можем черезвычайно много, но мы до сих пор так и не поняли, что из того, что мы можем, нам действительно нужно. Он даже не проти- востоит, он попросту не замечает. Если поступок при- нес вам удовольствие - хорошо, если не принес - зна- чит, он был бессмысленным... " снова шорох и потрескования. "... Противостоим миллионами лошадиных сил, десятками вездеходов, дирижаблей и вертолетов, медицинской наукой и лучшей в мире теорией снабже- ния. У управления обнаруживаются, по крайней мере, два крупных недостатка. В настоящее время акции по- добного рода могут иметь далеко идущие шифровки на имя герострата, чтобы он оставался нашим любимейшим другом. Оно совершенно не способно созидать, не разрушая авторитета и неблагодарности... " гудки, свист, звуки, похожие на надрывный кашель. "... Оно очень любит так называемые простые решения, библиотеки, внутреннюю связь, географические и дру- гие карты. Пути, которые оно почитает кратчайшими, чтобы думать о смысле жизни сразу за всех людей, а люди этого не любят. Сотрудники сидят, спустив ноги в пропасть, каждый на своем месте, толкаются, острят и швыряют камешки, и каждый старается швырнуть потя- желее, в то время как расход кефира не помогает ни взрастить, ни искоренить, ни в должной мере за- конспирировать лес. Я боюсь, что мы не поняли даже, что мы, собственно, хотим, а нервы, в конце концов, тоже надлежит тренировать, как тренируют способность к восприятию, и разум не краснеет и не мучается уг- рызениями совести, потому что вопрос из научного, из правильно поставленного, становится моральным. Он лживый, он скользкий, он непостоянный и притворяет- ся. Но кто-то же должен раздражать, и не рассказы- вать легенды, а тщательно готовиться к пробному вы- ходу. Завтра я приму вас опять и посмотрю, как вы подготовились. Двадцать два ноль-ноль - радиологи- ческая тревога и землетрясение, восемнадцать ноль- -ноль - совещание свободного от дежурства персонали у меня, как это говорится, на ковре, двадцать четыре ноль-ноль - общая звакуация... "

В трубке послышался звук как от льющейся воды. потом все стихло, и Перец заметил, что домарощинер смотрит на него строгими обвиняющими глазами. -Что он говорит? -спросил Перец шепотом. -я ничего не понимаю. -И не странно, -сказал домарошинер ледяным тоном. -вы взяли не свою трубку. -он опустил глаза, записал что-то в блокноте и продолжал: -это между прочим, абсолютно недопустимое нарушение правил. Я настаиваю, чтобы вы положили трубку и ушли. Иначе я вызову официальных лиц. -Хорошо, -сказал Перец. -я уйду. Но где моя трубка? это - не моя. А где тогда моя?

Домарощинер не ответил. Глаза его вновь закрылись и он снова прижал трубку к уху. До Переца донеслось кваканье. -Я спрашиваю, где моя трубка? -крикнул Перец. Те- перь он больше ничего не слышал. Был шорох, было потрескИвание, а потом раздались частые гудки отбоя. тогда он бросил трубку и выбежал в коридор. Он распахивал двери кабинетов и всюду видел знакомых и незнакомых сотрудников. Одни сидели и стояли, застывши в полной неподвижности, похожие на восковые фигуры со стеклянными глазами; другие расхаживали из угла в угол, переступая через телефонный провод, тя- нущийся за ними; третьи лихорадочно писали в толстых тетрадях, на клочках бумаги, на полях газет. И каждый плотно прижимал к уху трубку, словно боясь пропустить хотя бы слово. Свободных телефонов не бы- ло. Перец попытался отобрать трубку у одного из застывших в трансе сотрудников, молодого парня в ра- бочем комбинезоне, но тот сейчас же ожил, завизжал и принялся лягаться, и тогда остальные зашикали, зама- хали руками, а кто-то истерически крикнул: "безобра- зие! Вызовите стражу! " -Где моя трубка? -кричал Перец. -я такой же чело- век, как и вы, я имею право знать! Дайте мне послу- шать! Дайте мне мою трубку!

Его выталкивали и запирали за ним двери. Он добрался до самого последнего этажа, где у входа на чердак, рядом с механическим отделением никогда не работающего лифта, сидели за столиком два дежурных механика и играли в крестики-нолики. Перец, задыхаясь, прислонился к стене. Механики поглядели на него, рассеянно ему улыбнулись и снова склонились над бумагой. -У вас тоже нет своей трубки? -спросил Перец. -Есть, -сказал один из механиков. -как не быть? До этого мы еще не дошли. -А что же вы не слушаете? -А ничего не слышно, чего слушать-то. -Почему не слышно? -А мы провода перерезали.

Перец скомканным платком обтер лицо и шею, подождал, пока один механик выиграл у другого, и спустился вниз. В коридорах стало шумно. Двери распахивались, сотрудники выходили покурить. Жужжали оживленные, возбужденные, взволнованные голоса. "я же вам достоверно говорю: эскимо изобрели эскимосы. чтo? Но в конце концов я просто читал в одной книге... А вы сами не слышите созвучия? Эс-ки-мос. Эс--ки-мо. Что?.. " "я смотрел в каталоге ивера: сто пятьдесят тысяч франков, и это - в пятьдесят шестом году. Представляете, сколько она стоит сегодня? " "странные сигареты какие-то. Говорят, теперь табак в сигареты не кладут вовсе, а берут специальную бума- гу, крошат ее и пропитывают никотином... " "от тома- тов тоже бывает рак. От томатов, от трубки, от яиц, от шелковых перчаток... " "как вы спали? Представьте, я всю ночь не мог заснуть: непрерывно грохает эта баба. Слышите? И вот так всю ночь... Здравствуйте, Перец!

А говорят, вы уехали... Молодец, что оста- лись... " "нашли, наконец, вора, помните, вещи все пропадали? Так это оказался дискобол из парка, знаете, статуя у фонтана. У него еще на ноге написа- но неприлично... " "перчик, будь другом, дай пять мо- нет до получки, до завтра то есть... " "а он за нею не ухаживал. Она сама на него бросалась. Прямо при муже. Вот вы не верите, а я своими глазами видел... "

Перец спустился в свой кабинет, поздоровался с кимом и умылся. Ким не работал. Он сидел, спокойно положив руки на стол, и смотрел на кафельную стену. Перец снял чехол с "мерседеса", воткнул вилку и выжидательно оглянулся на кима. -Нельзя сегодня работать, -сказал ким. - какой-то болван ходит и все чинит. Сижу и не знаю, что теперь делать.

Тут Перец заметил на своем столе записку. "перецу. Доводим до сведения, что ваш телефон находится в кабинете 771". Подпись неразборчива. Перец вздохнул. -Нечего тебе вздыхать, -сказал ким. -надо было на работу вовремя приходить. -Я же не знал, -сказал Перец. -я уехать сегодня на- меревался. -Сам виноват, -сухо сказал ким. -Все равно я немножко послушал. И ты знаешь, ким, я ничего не понял. Почему это так? -Немножко послушал! Ты дурак. Ты идиот. Ты упустил такой случай, что мне даже говорить с тобой не хочется. Придется теперь знакомить тебя с директором. просто из жалости. -Познакомь, -сказал Перец. -ты знаешь, -продолжал он, -иногда мне казалось, будто я что-то улавливаю, какие-то обрывки мыслей, по вспомнить - и ничего... -А чей это был телефон? -Я не знаю. Это там, где домарощинер сидит. -А-а... Правильно, она сейчас рожает. Не везет до- марощинеру. Возьмет новую сотрудницу, поработает она у него полгода -и, рожать... Да, перчик, тебе женская трубка попалась. Так что я даже не знаю, чем тебе помочь... Подряд, вообще, никто не слушает, женщины, наверное, тоже. Ведь директор обращается ко всем сразу, но одновременно и к каждому в отдель- ности. Понимаешь? -Боюсь, что... -Я, например, рекомендую слушать так. Разверни речь директора в одну строку, избегая знаков препинания, и выбирай слова случайным образом, мысленно бросая кости домино. Тогда, если половинки костей совпадают, слово принимается и выписывается на отдельном листе. Если не совпадает - слово временно отвергается, но остается в строке. Там есть еще некоторые тонкости, связанные с частотой гласных и согласных, но это уже эффект второго порядка. Понимаешь? -Нет, -сказал Перец. -то есть да. Жалко, я не знал этого метода. И что же он сказал сегодня? -Это не единственный метод. Есть еще, например, ме- тод спирали с переменным ходом. Этот метод довольно груб, но если речь идет только о хозяйственно-эконо- мических проблемах, то он очень удобен, потому что прост. Есть метод стивенсон-заде, но он требует эле- ктронных приспособлений... Так что, пожалуй, лучше всего метод домино, а в частных случаях, когда сло- варь специализирован и ограничен, - метод спирали. -Спасибо, -сказал Перец. -а о чем сегодня директор говорил? -Что значит - о чем? -Как?.. Ну... О чем? Ну что он... Сказал? -Кому? -Кому? Ну тебе, например. -К сожалению, я не могу тебе об этом рассказать. это закрытый материал, а ты все-таки, перчик, внештатный сотрудник. Так что не сердись. -Нет, я не сержусь, -сказал Перец. -я только хотел бы узнать... Он говорил что-то о лесе, о свободе во- ли... Я давеча камешки бросал в обрыв, ну просто так, без всякой цели, так он и об этом что-то гово- рил. -Ты мне этого не рассказывай, -сказал ким нервно. -это меня не касается. Да и тебя тоже, раз это была не твоя трубка. -Ну подожди, о лесе он что-нибудь говорил? Ким пожал плечами. -Ну, естественно. Он никогда ни о чем другом и не говорит. И давай прекратим этот разговор. Раскажи лучше, как ты уезжал. Перец рассказал. -Зря ты его все время обыгрываешь, -сказал ким за- думчиво. Я ничего не могу сделать. Я ведь довольно сильный шахматист, а он просто любитель... И потом он играет как-то странно... -Это неважно. Я бы на твоем месте как следует поду- мал. Вообще, ты мне что-то не нравишься последнее время... Доносы на тебя пишут... Знаешь что, завтра я устрою тебе свидание с директором. Пойди к нему и решительно об'яснись. Я думаю он тебя отпустит. Ты только подчеркни, что ты лингвист, филолог, что по- пал сюда случайно, упомяни, как бы между прочим, что очень хотел попасть в лес, а теперь раздумал, потому что считаешь себя некомпетентным. -Хорошо.

Они помолчали. Перец представил себя лицом к лицу с директором и ужаснулся. Метод домино, подумал он. стивенсон-заде... -И главное, не стесняйся плакать, -сказал ким. -он это любит.

Перец вскочил и взволнованно прошелся по комнате. -Господи, -сказал он. -хоть бы знать, как он выгля- дит. Какой он. -Какой? Невысокого роста, рыжеватый... -Домарощинер говорил, что он настоящий великан. - Домарощинер дурак. Хвастун и враль. Директор - рыжеватый человек, полный, на правой щеке небольшой шрам. Когда ходит, слегка косолапит, как моряк. собственно, он и есть бывший моряк. -А тузик говорил, что он сухопарый и носит длинные волосы, потому что у него нет одного уха. -Это какой еще тузик? -Шофер, я же тебе рассказывал. Ким желчно засмеялся. -Откуда шофер тузик может все это знать? Слушай, перчик, нельзя же быть таким доверчивым. -Тузик говорит, что был у него шофером и несколько раз его видел. -Ну и что? Врет, вероятно. Я был у него личным секретарем, а не видел его ни разу. -Кого? -Директора. Я долго был у него секретарем, пока не защитил диссертацию. -И ни разу его не видел? -Ну естественно! Ты воображаешь, это так просто? -Подожди, откуда же ты знаешь, что он рыжеватый и так далее? Ким покачал головой. -Перчик, -сказал он ласково. -душенька. Никто ни- когда не видел атома водорода, но все знают, что у него есть одна электронная оболочка определенных ха- рактеристик и ядро, состоящее в простейшем случае из одного протона. -Это верно, -сказал Перец вяло. Он чувствовал, что устал. -значит, я его завтра увижу. -Нет уж, ты спроси меня что-нибудь полегче, -сказал ким. -я устрою тебе встречу, это я тебе гарантирую. а уж то что ты там увидишь и кого - этого я не знаю. и что ты сам услышишь, я тоже не знаю. Ты ведь меня не спрашиваешь, отпустит тебя директор или нет, и правильно делаешь, что не спрашиваешь. Я ведь не мо- гу этого знать, верно? -Но это все-таки разные вещи, -сказал Перец. -Одинаковые, перчик, -сказал ким. -уверяю тебя, одинаковые. -Я, наверное, кажусь очень бестолковым, -печально сказал Перец. -Есть немножко. -Просто я сегодня плохо спасл. -Нет, ты просто непрактичен. А почему ты, собственно, плохо спал?

Перец рассказал. И испугался. Добродушное лицо кима вдруг налилось кровью, волосы взъерошились. Он зарычал, схватил трубку, бешено набрал номер и рявкнул: -Комендант? Что это значит, комендант? Как вы смели выселить Переца? Ма-ал-чать! Вы не смеете! Что? болтовня, вздор! Ма-ал-чать! Я вас растопчу! Вместе с вашим клавдий-октавианом! Вы у меня сортиры чистить будете, вы у меня в лес поедете в двадцать четыре часа, в шестьдесят минут! Что? Так... Так... что? Так... Правильно. Это другой разговор, и белье самое лучшее... Это уже ваше дело, хоть на улице... что? Хорошо. Ладно. Ладно. Благодарю вас. Извините за беспокойство... Ну, естественно... Большое спаси- бо. До свидания. Он положил трубку. -Все в порядке, -сказал он. -прекрасный все-таки человек. Иди отдыхай. Будешь жить у него в квартире, а он с семьей переселится в твой бывший номер, иначе он, к сожалению, не может... И не спорь, умоляю те- бя, не спорь, это совершенно не наше с тобой дело. он сам так решил. Иди, иди, это приказ. Я тебе еще позвоню насчет директора...

Перец, пошатываясь, вышел на улицу, постоял немного, щурясь от солнца, и отправился в парк ис- кать свой чемодан. Он не сразу нашел его, потому что чемодан крепко держал в мускулистой гипсовой руке прифонтанный вор-дискобол с неприличной надписью на левом бедре. Собственно, надпись не была такой уж неприличной. Там было химическим карандашом написано: "девочки, бойтесь сифилиса".

Г л а в а т р е т ь я

Перец явился в приемную директора точно в десять часов утра. В приемной уже была очередь, человек двадцать. Переца поставили четвертым. Он сел в кресло между беатрисой вах, сотрудницей группы помо- щи местному населению, и сумрачным сотрудником группы инженерного проникновения. Сумрачного сотрудника, судя по опознавательному жетону на груди и по надписи на белой картонной маске, следовало на- зывать брандскугелем. Приемная была окрашена в бледно-розовый цвет, на одной стене висела табличка: "не курить, не сорить, не шуметь", на другой - боль- шая картина, изображающая подвиг лесопроходца сели- вана: селИван с поднятыми руками на глазах у потря- сенных товарищей превращался в прыгающее дерево. Ро- зовые шторы на окнах были глухо задернуты, под по- толком сияла гигантская люстра. Кроме входной двери, на которой было написано "выход", в приемной имелась еще одна дверь, огромная, обитая желтой кожей, с надписью "выхода нет". Эта надпись была выполнена светящимися красками и смотрелась как угрюмое пре- дупреждение. Под надписью стоял стол секретарши с четырьмя разноцветными телефонами и электрической пишущей машинкой. Секретарша, полная пожилая женщина в пенсне, надменно изучала "учебник атомной физики". посетители переговаривались сдержанными голосами. многие явно нервничали и судорожно перелистывали старые иллюстрированные журналы. Все это чрезвычайно напоминало очередь к зубному врачу, и Перец снова ощутил неприятный холодок, дрожь в челюстях и желание немедленно уйти куда-нибудь. -Они даже не ленивы, -сказала беатриса вах, чуть повернув красивую голову в сторону Переца. -однако они не выносят систематической работы. Как вы, например, об'ясните ту необыкновенную легкость, с которой они покидают обжитые места. -Это вы мне? -робко спросил Перец. Он понятия не имел, как об'яснить необыкновенную легкость. -Нет. Я - моншеру брандскугелю.

Моншер брандскугель поправил отклеивающийся левый ус и задушенным голосом промямлил: -Я не знаю. -Вот мы тоже не знаем, -сказала беатриса горько. -стоит нашим отрядам появиться вблизи от деревни, как они бросают дома, все имущество и уходят. создается впечатление, что они в нас совершенно не заинтересованы. Им ничего от нас не нужно. Как вы полагаете, это так и есть?

Некоторое время моншер брандскугель молчал, словно раздумывая, и глядел на беатрису странными крестообразными бойницами своей маски, а потом произнес с прежней интонацией: -Я не знаю. -Очень неудачно, -продолжала беатриса, -что наша группа комплектуется исключительно из женщин. Я по- нимаю, в этом есть глубокий смысл, но зачастую так не хватает мужской твердости, жесткости, я бы сказа- ла - целенаправленности. К сожалению, женщины склонны разбрасываться, вы, наверно, замечали это. -Я не знаю, -сказал брандукугель, и усы у него вдруг отвалились и мягко спланировали на пол. Он по- добрал их, внимательно осмотрел, приподняв край маски, и, деловито на них поплевав, посадил на место. На столе секретарши мелодично звякнул колоколь- чик. Она отложила учебник, проглядела список, эле- гантно придерживая пенсне, и об'явила: -Профессор какаду, вас просят.

Профессор какаду уронил иллюстрированный журнал, вскочил, опять сел, огляделся, бледнея на глазах, потом, закусив губу, с совершенно искаженным лицом оттолкнулся от кресла и исчез за дверью с надписью "выхода нет". Несколько секунд в приемной стояла болезненная тишина. Потом снова загудели голоса и зашелестели страницы. -Мы никак не можем найти, -сказала беатриса, -чем их заинтересовать, увлечь. Мы строили им удобные су- хие жилища на сваях. Они забивают их торфом и засе- ляют какими-то насекомыми. Мы пытались предложить им вкусную пищу вместо той кислой мерзости, которую они поедают. Бесполезно. Мы пытались одеть их по-челове- чески. Один умер, двое заболели. Но мы продолжаем свои опыты. Вчера мы разбросали по лесу грузовик зеркал и позолоченых пуговиц... Кино им не инте- ресно, музыка тоже. Бессмертные творения вызывают у них что-то вроде хихиканья... Нет, начинать нужно с детей. Я, например, предлагаю отлавливать их детей и организовывать специальные школы. К сожалению, это сопряженно с техническими трудностями, человеческими руками их не возьмешь, здесь понадобятся специальные машины. Впрочем, вы знаете это не хуже меня. -Я не знаю, -сказал тоскливо моншер брандскугель.

Снова звякнул колокольчик, и секретарша сказала: -Беатриса, теперь вы. Прошу вас.

Беатриса засуетилась. Она бросилась было к двери, но остановилась, растерянно оглядываясь. Вернулась, заглянула под кресло, шепча: "где же она? Где? ", огромными глазами обвела приемную, дернула себя за во- лосы, громко закричала: "где же она?! ", а потом вдруг схватила Переца за пиджак и вывалила из кресла на пол. Под Перецом оказалась коричневая папка, и беатриса схватила ее и несколько секунд стояла с закрытыми глазами и безмерно счастливым лицом, прижимая папку к груди, а затем медленно направилась к двери, обитой желтой кожей, и скрылась за нею. При мертвом молчании Перец поднялся и, стараясь ни на кого не глядеть, почистил брюки. Впрочем, на него никто не обращал внимания; все смотрели на желтую дверь.

Что же я ему скажу? -подумал Перец. Скажу, что я филолог и не могу быть полезен управлению, отпустите меня, я уеду и больше никогда не вернусь, честное слово. А зачем же вы приехали сюда? Я всегда очень интересовался лесом, но ведь в лес меня не пускают. и вообще, я попал сюда совершенно случайно, ведь я филолог. Филологам, литераторам, философам нечего делать в управлении. Так что правильно меня не пускают, я это сознаю, я с этим согласен... Не могу я быть в управлении, откуда испражняются на лес, ни в лесу, где отлавливают детей машинами. Мне бы отсюда уехать и заняться чем-нибудь попроще. Я знаю, меня здесь любят, но меня любят, как ребенок любит свои игрушки. Я здесь для забавы, я здесь не могу никого научить тому, что я знаю... Нет, этого, ко- нечно, говорить нельзя. Надо пустить слезу, а где я ее, эту слезу, найду? Но я у него все разнесу, пусть только попробует меня не пустить. Все разнесу и уйду пешком. Перец представил себе, как идет по пыльной дороге под палящим солнцем, километр за километром, а чемодан ведет себя все более и более самостояте- льно. И с каждым шагом он все дальше и дальше уда- ляется от леса, от своей мечты, от своей тревоги, которая давно уже стала смыслом его жизни...

Что-то долго никого не вызывают, подумал он. Наверное, директор очень заинтересовался проектом отлова детей. И почему это из кабинета никто не выходит. Вероятно, есть другой выход. -Извините, пожалуйста, -сказал он, обращаясь к моншеру брандскугелю. Который час?

Моншер брандскугель посмотрел на свои ручные ча- сы, подумал и сказал: -Я не знаю. Тогда Перец нагнулся к его уху и прошептал: -Я никому не скажу. Ни-ко-му. Моншер брандскугель колебался. Он нерешительно потрогал пальцами пластиковый жетон со своим именем, украдкой огляделся, нервно зевнул, снова огляделся и, надвинув плотнее маску, ответил шепотом: -Я не знаю.

Затем он встал и поспешно удалился в другой угол приемной. Секретарша сказала: -Перец, ваша очередь. -Как моя? -удивился Перец. -я же четвертый. -Внештатный сотрудник Перец, -повысив голос, сказа- ла секретарша. -ваша очередь. -Рассуждает... -проворчал кто-то. -Вот таких нам надо гнать... -громко сказали слева. -раскаленной метлой!

Перец поднялся. Ноги у него были как ватные. Он бессмысленно пошаркал себя ладонями по бокам. Секре- тарша пристально глядела на него. -Чует кошка, -сказали в приемной. -Сколько веревочке ни виться... -И вот такого мы терпели! -Извините, но это вы терпели. Я его в первый раз вижу. -А я, между прочим, тоже не в двадцатый. -Ти-ше! -сказала секретарша, повысив голос. -соблю- дайте тишину! И не сорите на пол - вот вы, там... да, да, я вам говорю. Итак, сотрудник Перец, вы бу- дете проходить? Или вызвать охрану? -Да, -сказал Перец. -да, я иду.

Последним, кого он видел в приемной, был брандскугель, загородившийся в углу креслом, оска- ленный, присевший, с рукой в заднем кармане брюк. А потом он увидел директора.

Директор оказался стройным ладным человеком лет тридцати пяти, в превосходно сидящем дорогом костю- ме. Он стоял у распахнутого окна и сыпал хлебные крошки голубям, толпившимся на подоконнике. Кабинет был абсолютно пуст, не было ни одного стула, не было даже стола, и только на стене против окна висела уменьшенная копия "подвига лесопроходца селИвана". -Внештатный сотрудник управления Перец? -чистым звонким голосом произнес директор, поворачивая к пе- рецу свежее лицо спортсмена. -Д- да... Я... -промямлил Перец. -Очень, очень приятно. Наконец-то мы с вами позна- комимся. Здравствуйте. Моя фамилия ахти. Много о вас наслышан. Будем знакомы.

Перец, наклонившись от робости, пожал протянутую руку. Рука была сухая и крепкая. -А я вот, видите, голубей кормлю. Любопытная птица. огромные в ней чувствуются потенции. А как вы, мосье Перец, относитесь к голубям?

Перец замялся, потому что терпеть не мог голубей. но лицо директора излучало такое радушие, такой живой интерес, токое нетерпеливое ожидание ответа, что Перец совладал с собою и соврал: -Очень люблю, мосье ахти. -Вы их любите в жареном виде? Или в тушеном? Я, например, люблю в пироге. Пирог с голубями и стакан хорошего полусухого вина - что может быть лучше? Как вы думаете?

И снова на лице мосье ахти появилось выражение живейшего интереса и нетерпеливого ожидания. -Изумительно, сказал Перец. Он решил махнуть на все рукой и со всем соглашаться. -А "голубка" пикассо! -сказал мосье ахти. -я сразу же вспоминаю: "ни с'есть, ни выпить, ни поцеловать, мгновения бегут неудержимо... " как точно выражена эта идея нашей неспособности уловить и материализо- вать прекрасное! -Превосходные стихи, -тупо сказал Перец. -Когда я впервые увидел "голубку", я, как и многие, вероятно, подумал, что рисунок неверен или, во вся- ком случае, неестественен. Но потом по роду службы мне пришлось приглядеться к голубям, я вдруг осо- знал, что пикассо, этот чудодей, схватил то мгнове- ние, когда голубь складывает крылья перед приземле- нием. Его лапки уже касаются земли, но сам он еще в воздухе, в полете. Мгновение превращения движения в неподвижность, полета в покой. -У пикассо есть странные картины, которые я не по- нимаю, -сказал Перец, проявляя независимость сужде- ний. -О, вы просто недостаточно долго смотрели на них. чтобы понимать настоящую живопись, недостаточно два или три раза в год пройти по музею. На картины нужно смотреть часами. Как можно чаще. И только на ориги- налы. Никаких репродукций. Никаких копий... Вот взгляните на эту картину. По вашему лицу я вижу, что вы о ней думаете. И вы правы: это дурная копия. Но вот если бы вам довелось ознакомиться с оригиналом, вы бы поняли идею художника. -В чем же она заключается? -Я попытаюсь вам об'яснить, -с готовностью предло- жил директор. -что вы видите на этой картине? формально - получеловека-полудерево. Картина ста- тична. Не виден, не улавливается переход от одной сущности к другой. В картине отсутствует главное-на- правление времени. А вот если бы вы имели возможность изучить оригинал, вы бы поняли, что ху- дожнику удалось вложить в изображение глубочайший символический смысл, что он запечатлел не человеко- -дерево и даже не превращение человека в дерево, а именно и только превращение дерева в человека. Ху- дожник воспользовался идеей старой легенды для того, чтобы изобразить возникновение новой личности. Новое из старого. Живое из мертвого. Разумное из косной материи. Копия абсолютно статична, и все, изобра- женное на ней, сужествует вне тока времени. Оригинал же содержит время-движение! Вектор! Стрелу времени, как сказал бы эддингтон... -А где же оригинал? -спросил Перец вежливо.

Директор улыбнулся. -Оригинал, разумеется, уничтожен как предмет ис- куства, не допускающий двоякого толкования. Первая и вторая копии тоже из некоторой предосторожности уни- чтожены.

Мосье ахти вернулся к окну и локтем спихнул голу- бей с подоконника. -Так. О голубях мы поговорили, -произнес он новым, каким-то казенным голосом. -ваше имя? -Что? -Имя. Ваше имя. -Пе... Перец. -Год рождения? Тридцатый...-Точнее! -Тысяча девятьсот тридцатый. Пятое марта. -Что вы здесь делаете? -Внештатный сотрудник. Прикомандирован к группе научной охраны. -Я вас спрашиваю: что вы здесь делаете? -сказал ди- ректор, обращая к Перецу слепые глаза. -Я... Не знаю. Я хочу уехать отсюда. -Ваше мнение о лесе. Кратко. -Лес - это... Я всегда... Я его... Боюсь. И люблю. -Ваше мнение об управлении? -Тут много хороших людей, но... -Достаточно.

Директор подошел к Перецу, обнял его за плечи и, заглядывая в глаза, сказал: -Слушай, друг! Брось! Возьмем на троих? Секретаршу позовем, видел бабу? Это же не баба, это же тридцать четыре удовольствия! "откроем, ребята, завеную кварту!.. " -пропел он спертым голосом. -а? Откроем? брось, не люблю. Понял? Ты как насчет этого?

От него вдруг запахло спиртом и чесночной колбасой, глаза с'ехались к переносице. -Инженера позовем, брандскугеля, моншера моего, -продолжал он прижимая Переца к груди. -он такие ис- тории излагает - никакой закуски не надо... Пошли? -Собственно, можно, -сказал Перец. -но я ведь... -Ну чего там - ты? -Я, мосье ахти... -Брось! Какой я тебе мосье? Камрад- понял? Генацва- ли! -Я, камрад ахти, пришел попросить вас... -Пр-р-роси! Ничего не пожалею! Деньги надо - на деньги! Не нравится тебе кто - скажи, рассмотрим! ну? -Н-нет, я просто хочу уехать. Я никак не могу уехать, я попал сюда случайно, камрад ахти, и мне здесь больше нечего делать. Разрешите мне уехать. мне никто не хочет помочь, и я прошу вас как ди- ректора...

Ахти отпустил Переца, поправил галстук и сухо улыбнулся. -Вы ошибаетесь, Перец, -сказал он. -я не директор. я референт директора по кадрам. Извините, я несколь- ко задержал вас. Прошу в эту дверь. Директор вас примет.

Он распахнул перед Перецом низенькую дверцу в глубине своего голого кабинета и сделал приглашающий жест рукой. Перец кашлянул, сдержанно кивнул ему и, нагнувшись, пролез в следущее помещение. При этом ему показалось, что его слегка ударили по задней части. Впрочем, вероятно только показалось или, может быть, мосье ахти несколько поторопился захлопнуть дверь.

Комната, в которую он попал, была точной копией приемной, и даже секретарша была точной копией первой секретарши, но читала она книгу под названием "сублимация гениальности". В креслах совершенно так же сидели бледные посетители с журналами и газетами. был тут и профессор какаду, тяжко страдающий от нервной почесушки, и беатриса вах с коричневой папкой на коленях. Правда, все прочие посетители бы- ли незнакомы, а под копией картины "подвиг лесопро- ходца селИвана" равномерно вспыхивала и гасла стро- гая надпись: "тихо!". Поэтому здесь никто не разго- варивал. Перец осторожно опустился на краешек кресла. Беатриса улыбнулась ему несколько настороженно, но в общем приветливо. Через минуту нервного молчания звякнул колокольчик, и секретарша, отложив книгу, сказала: -Преподобный лука, вас просят. На преподобного луку было страшно смотреть, и Перец отвернулсся. Ничего, подумал он, закрывая глаза. Выдержу. Он вспомнил, как дождливым осенним вечером в квартиру принесли эсфирь, которую зарезал в под'езде дома пьяный хули- ган, и соседей, повисших на нем, и стеклянные крошки во рту - он разгрыз стакан, когда ему принесли во- ды... Да, подумал он, самое тяжелое позади...

Его внимание привлекли быстрые скребущие звуки. он открыл глаза и огляделся. Через кресло от него профессор какаду яростно чесался обеими руками под мышками. Как обезьяна. -Как вы думаете, нужно отделять мальчиков от дево- чек? -дрожащим шепотом спросила беатриса. -Я не знаю, -желчно сказал Перец. -Комплексное воспитание имеет, конечно, свои преимущества, -продолжала бормотать беатриса, -но это же особый случай. Господи! -сказала она вдруг плаксиво. -неужели он меня прогонит? Куда я тогда пойду? Меня уже отовсюду прогоняли, у меня не оста- лось ни одной пары приличных туфель. Все чулки поехали, пудра какая-то комками... Секретарша отложила книгу и строго сказала: -Не отвлекайтесь.

Беатриса испуганно замерла, тут низенькая дверь распахнулась, и в приемную просунулся наголо обритый человек. -Перец здесь есть такой? -зычно осведомился он. -Есть, -сказал Перец, вскакивая. -На выход с вещами! Машина отходит через десять ми- нут, живо! -Куда машина? Почему? -Вы Перец? -Да. -Вы хотели уехать или нет? -Я хотел, но... -Ну, как хотите, -сердито рявкнул бритый. -мое дело сказать. Он скрылся и дверца захлопнулась. Перец кинулся следом. -Назад! -закричала секретарша, и несколько рук схватили его за одежду. Перец отчаянно рванулся, пиджак его затрещал. -Там же машина! -простонал он. -Вы с ума сошли! -сказала раздраженная секретарша. -куда вы ломитесь? Вот же дверь, написано "выход", а вы куда?

Твердые руки направили Переца к надписи "выход". за дверью оказался обширный многоугольный зал, в ко- торый выходило множество дверей, и Перец заметался, раскрывая их одну за другой.

Яркое солнце, стерильно-белые стены, люди в белых халатах. Голая спина, замазанная йодом. Запах апте- ки. Не то.

Тьма, треск кинопроектора. На экране кого-то тянут за уши в разные стороны. Белые пятна недовольно повернутых лиц. Голос: "дверь! Дверь закройте! " опять не то...

Перец, скользя по паркету, пересек зал. Запах кондитерской, небольшая очередь с сумками. за стеклянным барьером блестят бутылки с кефиром, цветут торты и пирожные. -Господа! -крикнул Перец. -где здесь выход? -А вам откуда выход? -спросил дебелый продавец в поварском колпаке. -Отсюда... -А вот дверь, в которой вы стоите. -Не слушайте его, -сказал продавцу хилый старик из очереди. -это здесь есть один такой остряк, только очередь задерживает... Работайте, не обращайте вни- мания. -Да я не острю, -сказал Перец. -у меня машина сей- час уйдет... -Да, это не тот, -сказал справедливый старик. -тот всегда спрашивает, где уборная. Где у вас, вы гово- рите, машина, сударь? -На улице... -На какой улице? -спросил продавец. -улиц много. -Мне все равно на какую, мне лишь бы выйти наружу! -Нет, -сказал проницательный старик. -это все тот же. Он просто программу переменил. Не обращайте на него внимания...

Перец в отчаянии огляделся, выскочил обратно в зал и ткнулся в соседнюю дверь. Дверь была заперта. недовольный голос осведомился: -Кто там? -Мне нужно выйти! -крикнул Перец. -где здесь выход? -Подождите, сейчас. За дверью раздавался какой-то шум, плеск воды, стук задвигаемых ящиков. Голос спросил: -Что вам нужно? -Выйти! Выйти мне нужно! -Сейчас. Скрипнул ключ, и дверь отворилась. В комнате было темно. -Проходите, -сказал голос.

Пахло проявителем. Перец, выставив вперед руки, сделал несколько неуверенных шагов. -Ничего не вижу, -сказал он. -Сейчас привыкнете, -пообещал голос. -ну, идите же, что вы встали?

Переца взяли за рукав и повели. -Распишитесь вот здесь, -сказал голос. В пальцах Переца оказался карандаш. Теперь он ви- дел в темноте смутно белеющий лист бумаги. -Расписались? -Нет. А в чем расписываться? -Да вы не бойтесь, это не смертный приговор. Распи- шитесь, что вы ничего не видели.

Перец наугад расписался. Его снова цепко взяли за рукав, провели между какими-то портьерами, потом го- лос спросил: -Много вас здесь накопилось? -Четверо, -раздалось как бы из-за двери. -Очередь построена? Имейте в виду, сейчас я открою дверь и выпущу человека. Проходите по одному, не толкайтесь, и без шуток. Ясно? -Ясно. Не в первый раз. -Одежду никто не забыл? -Не забыли, не забыли. Выпускайте.

Снова раздался скрип ключа. Перец чуть не ослеп от яркого света, и тут его вытолкнули. Еще не раскрывая глаз, он скатился по каким-то ступеням и только тогда понял, что находится во внутренем дворе управления. Недовольные голоса закричали: -Ну что же вы, Перец? Скорее! Сколько можно ждать?

Посередине двора стоял грузовик, набитый сотрудниками группы научной охраны. Из кабины выгля- дывал ким и сердито махал рукой. Перец подбежал к машине, вскарабкался на борт, его рванули, подхвати- ли и свалили на дно кузова. Грузовик сейчас же взре- вел, дернулся, кто-то наступил Перецу на руку, кто- -то с размаху сел на него, все загорланили, засмеялись, и они поехали. -Перчик, вот твой чемодан, -сказал кто-то. -Перец, это правда, что вы уезжаете? -Пан Перец, сигарету не угодно?

Перец закурил, уселся на чемодан и поднял во- ротник пиджака. Ему подали плащ, и он, благодарно улыбнувшись, звернулся в него. Грузовик мчался все быстрее, и хотя день был жаркий, встречный ветер казался весьма пронзительным. Перец курил, укрывая сигарету в кулаке, и озирался. "еду, -думал он. -еду. в последний раз вижу тебя, стена. В последний раз вижу вас, коттеджи. Прощай, свалка, где-то здесь я оставил галоши. Прощай, лужа, прощайте, шахматы, прощай, кефир. Как славно, как легко! Никогда в жизни больше не буду пить кефира. Никогда в жизни больше не сяду за шахматы... "

Сотрудники, сбившись к кабине, держась друг за друга и прячась друг за друга от ветра, разговаривали на отвлеченные темы. -Это подсчитано, и я сам считал. Если так пойдет дальше, то через сто лет на каждый квадратный метр территории будет приходиться десять сотрудников, а общая масса будет такая, что утес обвалится. транспортных средств для доставки продовольствия и воды понадобится столько, что придется создавать ав- токонвейер между управлением и материком, машины бу- дут идти со скоростью сорок километров в час и с ин- тервалом в один метр, а разгружаться будут на хо- ду... Нет, я совершенно уверен, что дирекция уже сейчас думает о регулировании притока новых сотрудников. Ну, посудите сами: комендант гостиницы - так же нельзя, семеро и вот-вот восьмой. И все здоровы. Домарощинер считает, что с этим что-то надо делать. Нет не обязательно стерилизация, как он предлагает... -Кто бы говорил, но не домарощинер. -Поэтому я и говорю, что не обязательно стерилиза- ция... -Говорят, что годовые отпуска будут увеличены до шести месяцев.

Они миновали парк, и Перец вдруг понял, что грузовик едет не в ту сторону. Сейчас они выедут за во- рота и поедут по серпантину, вниз, под утес. -Слушайте, куда мы едем? -спросил он встревоженно. -Как - куда? Жалование получать. -А разве не на материк? -Зачем же на материк? Кассир приехал на биостанцию. -Так вы едете на биостанцию? В лес? -Ну да. Мы же научная охрана и деньги получаем на биостанции. -А как же я? -растерянно спросил Перец. -И ты получишь. Тебе премия полагается... Кстати, все оформлены?

Сотрудники зашевелились, извлекая из карманов и внимательно осматривая разноформатные и разноцветные бумаги с печатями. -Перец, а вы заполнили анкету? -Какую анкету? -То есть позвольте, что значит - какую? Форму номер восемьдесят четыре. -Я ничего не заполнял, -сказал Перец. -Милостивые государи! Да что же это? У Переца бумаг нет! -Ну это не важно. У него, вероятно, пропуск... -Нет у меня пропуска, -сказал Перец. -ничего нет. только чемодан и вот плащ... Я ведь не в лес соби- рался, я уехать хотел... -А медосмотр? А прививки?

Перец помотал головой. Грузовик уже катил по серпантину, и Перец отрешенно смотрел на лес, на плоские пористые пласты его у самого горизонта, на его застывшее грозовое кипение, на липкую паутину тумана в тени утеса. -Такие вещи даром не проходят, -сказал кто-то. -Ну в конце концов, на дороге никаких обьектов нет... -А домарощинер? -Ну, что домарощинер, раз об'ектов нет? -Этого положим, ты не знаешь. И никто не знает. А вот в прошлом году Кандид вылетел без документов, отчаянный парень, и где теперь Кандид? -Во-первых, не в прошлом году, а гораздо раньше. А во-вторых, он просто погиб. На своем посту. -Да? А ты приказ видел? -Это верно, не было приказа. -То есть даже спорить не о чем. Как посадили его в бункер при пропускном пункте, так он там до сих пор и сидит. Анкеты заполняет... -Как же ты это, перчик, анкеты не заполнил? Может быть, у тебя не все чисто? -Минуточку, господа! Это вопрос серьезный. Я предлагаю на всякий случай проверить сотрудника пе- реца, так сказать, в демократическом порядке. Кто у нас будет секретарем? -Домарощинера секретарем! -Очень хорошее предложение. Почетным секретарем мы избираем нашего многоуважаемого домарощинера. По ли- цам вижу, что единогласно. А кто у нас будет товарищ секретаря? -Вандербильда товарищем секретаря! -Вандербильда?.. Ну что же... Есть предложение из- брать товарищем секретаря вандербильда. Еще предло- жения есть? Кто за? Против? Воздержался? Гм... Двое воздержались. Вы почему воздержались? -Я? -Да-да, именно вы. -Смысла не вижу. Зачем из человека душу вынимать. ему и так плохо. -Понятно. А вы? -Не твое собачье дело. -Как угодно... Товарищ секретаря, запишите: двое воздержались. Начнем. Кто первый? Нет желающих? тогда позвольте мне. Сотрудник Перец, ответьте на следущий вопрос. Какие расстояния мы преодолели в промежуток между двадцатью пятью и тридцатью годами: а - на ногах, бэ - наземным траспортом, це - воздушным транспортом? Не торопитесь, подумайте. Вот вам бумага и карандаш.

Перец послушно взял бумагу и карандаш и принялся вспоминать. Грузовик трясло. Сначала все смотрели на него, а потом смотреть надоело и кто-то забубнил: -Перенаселения я не боюсь. А вот видели вы, сколько техники стоит? На пустыре за мастерскими-видели? А что это за техника, знаете? Правильно, она в ящиках, заколочена. И времени нет ни у кого ее раскрыть и посмотреть. А знаете, что я тем позапрошлым вечером видел? Остановился я закурить, и вдруг раздается ка- кой-то треск. Оборачиваюсь и вижу - стенка одного ящика, огромного, с хороший дом, выдавливается и распахивается как ворота. И из ящика выползает меха- низм. Описывать я его вам не буду, сами понимаете почему. Но зрелище... Постоял он несколько секунд, выбросил из себя вверх длинную трубу с такой вертушкой на конце, как бы огляделся, и снова в ящик заполз и крышкой закрылся. Я себя плохо тогда чувствовал и просто не поверил своим глазам. А се- годня утром думаю: "дай все-таки посмотрю". Пришел - и мороз у меня по коже. Ящик в полном порядке, ни одной щели, но стенка эта гвоздями изнутри приколочена! А наружу торчат острия блестящие, в палец длиной. И вот теперь я думаю: зачем она вылезала? И од- на ли она такая? Может быть, они все каждую ночь вот этак... Осматриваются. И пока там перенаселение, по- ка что, а они устроят нам когда-нибудь варфоломеев- скую ночь, и полетят наши косточки с обрыва. А может быть, и не косточки даже, а костянная крупа... Что? нет уж, спасибо, дорогой, инженерникам сам сообщай, если хочешь. Ведь я эту машину видел, а откуда мне теперь знать, можно ее было видеть или нельзя? На ящиках грифа нет... -Итак, Перец, вы готовы? -Нет, -сказал Перец. -ничего не могу вспомнить. Это же давно было. -Странно. Вот я, например, отлично помню. Шесть ты- сяч семьсот один километр по железной дороге, семнадцать тысяч сто пятьдесят три километра по воздуху(из них три тысячи двести пятнадцать кило- метров по личным надобностям) и пятнадцать тысяч семь километров - пешком. А ведь я старше вас. странно, странно, Перец... Н-ну, хорошо. Попробуем следующий пункт. Какие игрушки вы более предпочитали в дошкольном возрасте? -Заводные танки, -сказал Перец и вытер со лба пот. -и броневики. -Ага! Помните! А ведь это был дошкольный возраст, времена, так сказать, гораздо более отдаленные. Хотя и менее ответсвенные, правда, Перец? Так. Значит, танки и броневики... Следующий пункт. В каком возрасте вы почувствовали влечение к женщине, в скобках - к мужчине? Выражение в скобках обращено, как правило, к женщинам. Можете отвечать. -Давно, -сказал Перец. -это было очень давно. -Точнее. -А вы? -сказал Перец. -скажите сначала вы, а потом я.

Председательствующий
пожал плечами. -Мне скрывать нечего. Впервые это случилось в возрасте девяти лет, когда меня мыли вместе с двоюродной сестрой... А теперь прошу вас. -Не могу, -сказал Перец. -не желаю я отвечать на такие вопросы. -Дурак, -прошептали у него над ухом. -соври что-ни- будь с серьезным видом, и все. Что ты мучаешься? Кто там тебя будет проверять? -Ладно, -покорно сказал Перец. -в возрасте десяти лет. Когда меня купали вместе с собакой муркой. -Прекрасно! -воскликнул председательствующий. -а теперь перечислите болезни ног, которыми вы страда- ли... -Ревматизм. -Еще? -Перемежающаяся хромота. -Очень хорошо. Еще? -Насморк, -сказал Перец. -Это не болезнь ног. -Не знаю. Это у вас, может быть, не болезнь ног. А у меня - именно ног. Промочил ноги, и насморк. -Н-ну, предположим. А еще? -Неужели мало? -Это как вам угодно. Но предупреждаю: чем больше, тем лучше. -Спонтанная гангрена, -сказал Перец. -с последущей ампутацией. Это была последняя болезнь моих ног. -Теперь, пожалуй, достаточно. Последний вопрос. Ваше мировоззрение, кратко. -Материалист, -сказал Перец. -Какой именно материалист? -Эмоциональный. -У меня вопросов больше нет. Как у вас, господа?

Вопросов больше не было. Сотрудники частью дрема- ли, частью беседовали, повернувшись к председатель- ствующиму спиной. Грузовик шел теперь медленно. Ста- новилось жарко, тянуло влагой и запахом леса, неприятным и острым запахом, который в обычные дни не достигал управления. Грузовик катился с выклю- ченным мотором, и слышно было, как издалека, из очень далекого далека доносится слабое урчание гро- ма. -Поражаюсь я, на вас глядя, -говорил товарищ секре- таря, тоже повернувшись спиной к председатель- ствующему. -нездоровый пессимизм какой-то. Человек по своей натуре оптимист, это во-первых. А, во-вто- рых, и в главных - неужили вы полагаете, что ди- ректор меньше вас думает обо всех эти вещах? Смешно даже. В последнем своем выступлении, обращаясь ко мне, директор развернул величественные переспективы. у меня просто дух захватило от восторга, я не сты- жусь сознаться. Я всегда был оптимистом, но эта картина... Если хотите знать, все будет снесено, все эти склады, коттеджи... Вырастут ослепительной кра- соты здания из прозрачных и полупрозрачных мате- риалов, стадионы, бассейны, воздушные парки, хрустальные распивочные и закусочные! Лестницы в не- бо! Стройные гибкие женщины со смуглой упругой ко- жей! Библиотеки! Мышцы! Лаборатории! Пронизанные солнцем и светом! Свободное расписание! Автомобили, глайдеры дирижабли... Диспуты, обучение во сне, сте- реокино... Сотрудники после служебных часов будут сидеть в библиотеках, размышлять, сочинять мелодии, играть на гитарах, других музыкальных инструментах, вырезать по дереву, читать друг другу стихи!... -А ты что будешь делать? -Я буду вырезать по дереву. -А еще что? -Еще я буду писать стихи. Меня научат писать стихи, у меня хороший почерк. -А я что буду делать? -Что захочешь! -великодушно сказал товарищ секрета- ря. -вырезать по дереву, писать стихи... Что захо- чешь. -Не хочу я вырезать по дереву. Я математик. -И пожалуйста! И занимайся себе математикой на здо- ровье! -Математикой я и сейчас занимаюсь на здоровье. -Сейчас ты получаешь за это жалованье. Глупо. Бу- дешь прыгать с вышки. -Зачем? -Ну как - зачем? Интересно ведь... -Не интересно. -Ты что же хочешь сказать? Что ты ничем, кроме ма- тематики, не интересуешься? -Да вообще-то ничем, пожалуй... День проработаешь, до того обалдеешь, что больше ничем уже не интере- суешься. -Ты просто ограниченный человек. Ничего, тебя разовьют. Найдут у тебя какие-нибудь способности, будешь сочинять музыку, вырезать что-нибудь такое... -Сочинять музыку - не проблема. Вот где найти слушателей... -Ну, я тебя послушаю с удовольствием... Перец вот... -Это тебе только кажется. Не будешь ты меня слу- шать. И стихи ты сочинять не будешь. Повыпиливаешь по дереву, а потом к бабам пойдешь. Или напьешься. Я же тебя знаю. И всех я здесь знаю. Будете слоняться от хрустальной распивочной до алмазной закусочной. особенно, если будет свободное расписание. Я даже подумать боюсь, что же это будет, если дать вам здесь свободное расписание. -Каждый человек в чем-нибудь да гений, -возразил товарищ секретаря. -надо только найти в нем это ге- ниальное. Мы даже не подозреваем, а я, может быть, гений кулинарии, а ты, скажем, гений фармацевтики, а занимаемся мы не тем и раскрываем себя мало. Ди- ректор сказал, что в будущем этим будут заниматься специалисты, они будут отыскивать наши скрытые по- тенции... -Ну, знаешь, потенции - это дело темное. Я-то, вообще, с тобой не спорю, может быть, действительно в каждом сидит гений, да только что делать, если данная гениальность может найти себе применение либо только в далеком прошлом, либо в далеком будущем, а в настоящем - даже гениальностью не считается, проявил ты ее или нет. Хорошо, конечно, если ты ока- жешься гением кулинарии. А вот как выяснится, что ты гениальный извозчик, а Перец - гениальный обтесыватель каменных наконечников, а я - гениальный уловитель какого-нибудь икс-поля, о котором никто ничего не знает и узнает только через десять лет... Вот тогдато, как сказал поэт, и повернется к нам черное лицо досуга... -Ребята, -сказал кто-то, -а пожрать-то мы с собой ничего не взяли. Пока приедем, пока деньги выдадут... -Стоян накормит. -Стоян тебя накормит, как же. У них там пайковая система. -Надо же, ведь давала жена бутерброды! -Ничего, потерпим, вон уже шлагбаум..

Перец вытянул шею. Впереди желто-зеленой стеной стоял лес, и дорога уходила в него, как нитка уходит в пестрый ковер. Грузовик проехал мимо фанерного плаката: "внимание! Снизить скорость! Приготовить документы! " уже был виден полосатый опущенный шлагбаум, грибок возле него, а правее - колючая про- волка, белые шишки изоляторов, решетчатые башни с прожекторами. Грузовик остановился. Все стали смотреть на охранника, который, перекрестив ноги, стоя, дремал под грибком с карабином под мышкой. На губе у него висела потухшая сигарета, а площадка под грибком была усыпана окурками. Рядом со шлагбаумом торчал шест с прибитыми к нему предупреждающими надписями: "внимание! Лес! ", "пред'являй пропуск в развернутом виде! ", "не занеси заразу! " шофер деликатно погудел. Охранник открыл глаза, мутно посмотрел перед собою, потом отделился от грибка и пошел вокруг автомобиля. -Много что-то вас, -сказал он сипло. -за деньгами? -Точно так, -заискивающе сказал бывший председа- тельствующий. -Хорошее дело, доброе, -сказал охранник. Он обошел грузовик стал на подножку и заглянул в кузов. -ох, сколько же вас, -сказал он с упреком. -а руки? Руки как, чистые? -Чистые! -хором сказали сотрудники. Некоторые выставили ладони. -У всех чистые? -У всех! -Ладненько, -сказал охранник и по пояс засунулся в кабину. Из кабины донеслось: -кто старший? Вы будете старший? Сколько везешь? Ага... Не врешь? Фамилия как? Ким ну, смотрите, ким, Твою фамилию запишу... Здорово вольдемар! Все ез- дешь?.. А я вот все охраняю. Кажи удостоверение... ну-ну, ты не лайся, давай показывай... В порядке удосто рение а то бы я тебя... Что же это ты на удо- стоверении телефоны пишь? Постой... Эт Какая же шарлотка? А-а помню. Дай-ка я тоже пере- пишу... Ну, спасибо. Езжайте. О ехать. Соскочил с подножки, подымая сапогами пыль, подошел к шлагбауму и навалился на противовес. Шлагбаум медленно поднялся, развешенные на нем кальсоны с'ехали в пыль. Грузовик тронулся.

В кузове загомонили, но Перец ничего не слышал. он в'езжал в лес. Лес приближался, надвигался, громоздился все выше и выше, как океанская волна, и вдруг поглотил его. Не стало больше солнца и неба, пространства и времени, лес занял их место. Было только мелькание сумрачных красок, влажный густой воздух, диковинные запахи, как чад, и терпкий привкус во рту. Только слуха не касался лес. Звуки леса заглушались ревом двигателя и болтовней сотрудников. Вот и лес, повторял Перец, вот я и в лесу, бессмысленно повторял он. Не сверху, а внутри, не наблюдатель, а участник. Вот я и в лесу. Что-то прохладное и влажное коснулось его лица, пощекотало, отделилось и медленно опустилось к нему на колени. он посмотрел: тонкое длинное волокно какого-то растения, а, может быть, животное, а, может быть, просто прикосновение леса, дружеское приветствие или подозрительное ощупывание; он не стал трогать этого волокна.

А грузовик мчался по дороге славного наступления, желтое, зеленое, коричневое покорно уносилось назад, а вдоль обочин тянулись неубранные и забытые колонны ветеранов наступавшей армии, вздыбленные черные бульдозеры с яростно задранными ржавыми щитами, за- рывшиеся по кабину в землю тракторы, за которыми змеились распластанные гусеницы, грузовики без колес и без стекол - все мертвое, заброшенное навсегда, но по-прежнему бесстрашно глядящее вперед, в глубину леса развороченными радиаторами и разбитыми фарами. а вокруг шевелился лес, трепетал и корчился, менял окраску, переливаясь и вспыхивая, обманывая зрение, наплывая и отступая, издевался, пугал и глумился лес, и он весь был необычен, и его нельзя было опи- сать и от него мутило.

Г л а в а ч е т в е р т а я

Перец, отворив дверцу вездехода, смотрел в за- росли. Он не знал, что он должен увидеть. Что-то похожее на тошнотворный кисель. Что-то необычайное, что нельзя описать. Но самым необычайным, самым не- вообразимым, самым невозможным в этих зарослях были люди, и поэтому Перец видел только их. Они шли к вездеходу, тонкие и ловкие, уверенные и изящные, они шли легко, не оступаясь, мгновенно и точно выбирая место, куда ступить, и они делали вид, что не заме- чают леса, что в лесу они как дома, что лес уже при- надлежит им, они даже, наверное, не делали вид, они действительно думали так, а лес висел над ними, беззвучно смеясь и указывая мириадами глумливых пальцев, ловко притворяясь и знакомым, и покорным, и простым - совсем своим. Пока. До поры, до времени... -Ох, и хороша же эта баба - рита, -сказал бывший шофер тузик Перецу. Он стоял рядом с вездеходом, ши- роко раздвинув кривоватые ноги, придерживая ляжками хрюкающий и дрожащий мотоцикл. -обязательно я бы добрался до нее, да только вот этот квентин... Вни- мательный мужчина.

Квентин и рита подошли совсем близко, и стоян вылез им навстречу из-за руля. -Ну, как она у вас тут? -спросил стоян. -Дышит, -сказал квентин, внимательно разглядывая Переца. -что, деньги привезли? -Это Перец, -сказал стоян. -я вам рассказывал.

Рита и квентин улыбнулись Перецу. Не было времени рассматривать их, и Перец только мельком подумал, что никогда раньше не видел такой странной женщины, как рита, и такого глубоко несчастного мужчину, как квентин. -Здравствуйте, Перец, -сказал квентин, продолжая жалко улыбаться. -приехали посмотреть? Никогда рань- ше не видели? -Я и сейчас не вижу, -сказал Перец. Несомненно, эта несчастность и эта странность были неуловимо, но очень жестко связаны между собой.

Рита, повернувшись к ним спиной, закурила. -Да вы не туда смотрите, -сказал квентин. -прямо смотрите, прямо! Неужели не видите?

И тогда Перец увидел и сразу забыл о людях. Это появилось, как скрытое изображение на фотобумаге, как фигурка на детской загадочной картинке "куда спрятался зайчик?" - и однажды разглядев это, больше невозможно было потерять из виду. Оно было совсем рядом, оно начиналось в десятке шагов от колес вездехода и от тропинки. Перец судорожно глотнул.

Живой столб поднимался к кронам деревьев, сноп тончайших прозрачных нитей, липких, блестящих, изви- вающихся и напряженных, сноп, пронизывающий плотную листву и уходящий еще выше, в облака. И он за- рождался в клоаке, в жирной клокочущей клоаке, за- полненной протоплазмой, живой, активной, пухнущей пузырями примитивной плоти, хлопотливо организующей и тут же разлагающей себя, изливающей продукты разложения на плоские берега, плюющейся клейкой пе- ной... И сразу же, словно включились невидимые зву- кофильтры, из хрюканья мотоцикла выделился голос клоаки: клокотанье, плеск, всхлипывание, бульканье, протяжные болотные стоны; и надвинулась тяжелая сте- на запахов: сырого сочащегося мяса, сукровицы, све- жей желчи, сыворотки, горячего клейстера - и только тогда Перец заметил, что у риты и квентина на груди висят кислородные маски, и увидел, как стоян, брезгливо кривясь, поднимает к лицу намордник респи- ратора, но сам он не стал надевать респиратор, он словно надеялся, что хотя бы запахи расскажут ему то, чего не рассказали ни глаза, ни уши... -Воняет тут у вас, -говорил тузик с отвращением. -как в покойницкой...

А квентин говорил стояну: -Ты бы попросил кима, пусть похлопочет насчет пай- ков. У нас все-таки вредный цех. Нам полагается мо- локо, шоколад...

А рита заумчиво курила, выпуская дым из тонких подвижных ноздрей.

Вокруг клоаки, заботливо склоняясь над нею, трепетали деревья, их ветви были повернуты в одну сторону и никли к бурлящей массе, и по ветвям струились и падали в клоаку толстые мохнатые лианы, и клоака принимала их в себя, и протоплазма обгладывала их и превращала в себя, как она могла растворить и сделать своею плотью все, что окружало ее... -Перчик, -сказал стоян. -не выпучивайся так, глаза выскочат.

Перец улыбнулся, но он знал, что улыбка у него получилась фальшивая. -А зачем ты мотоцикл взял? -спросил квентин. -На случай, если застрянем. Они ползут по тропинке, я одним колесом встану на тропинку, а другим - по траве, а мотоцикл будет идти сзади. Если завязнем, тузик смотается на мотоцикле и вызовет тягач. -Обязательно завязнете, -сказал квентин. -Конечно, завязнем, -сказал тузик. -глупая это у вас затея, я вам сразу сказал. -Ты помалкивай, -сказал ему стоян. -твое дело ма- ленькое... Скоро выход? -спросил он у квентина. Квентин посмотрел на часы. -Так... -сказал он. -она щенится сейчас каждые во- семьдесят семь минут. Значит, осталось... Оста- лось... Да ничего не осталось, вон она, уже начала.

Клоака щенилась. На ее плоские берега нетерпеливыми судорожными толчками один за другим стали извергаться обрубки белесого, зыбко вздрагивающего теста, они беспомощно и слепо катились по земле, потом замирали, сплющивались, вытягивали осторожные ложноножки и вдруг начинали двигаться осмысленно - еще суетливо, еще тычась, но уже в одном направле- нии, все в одном определенном направлении, разбреда- ясь и сталкиваясь, но все в одном направлении, по одному радиусу от матки, в заросли, прочь, одной те- кучей белесой колонной, как исполинские мешковатые слизнеподобные муравьи... -Тут же кругом трясина, -говорил тузик. -так врю- хаемся, что никакой тягач не вытащит - все тросы лопнут. -А, может, с нами поедешь? -сказал стоян квентину. -Рита устала. -Ну, рита пусть домой идет, а мы с'ездим... Квентин колебался. -Ты как, риточка? -спросил он. -Да, я пойду домой, -сказала рита. -Вот и хорошо, -сказал квентин. -а мы с'ездим, посмотрим, ладно? Скоро, наверное, вернемся. Ведь мы ненадолго, стоян?

Рита бросила окурок и, не прощаясь, пошла по тро- пинке к биостанции. Квентин потоптался в нерешитель- ности и потом сказал Перецу тихонько: -Разрешите мне... Пробраться...

Он пролез на заднее сиденье, и в этот момент мотоцикл ужасно взревел, вырвался из-под тузика и, высоко подпрыгивая, бросился прямо в клоаку. "стой! -закричал тузик, приседая. -куда? " все замерли. Мо- тоцикл налетел на кочку, дико заверещал, встал на дыбы и упал в клоаку. Все подались вперед. Перецу показалось, что протоплазма прогнулась под мото- циклом, словно смягчая удар, легко и беззвучно про- пустила его в себя и сомкнулась над ним. Мотоцикл заглох. -Сволочь неуклюжая, -сказал стоян тузику. -что же ты сделал?

Клоака стала пастью, сосущей, пробующей, наслаждающейся. Она катала в себе мотоцикл, как че- ловек катает языком от щеки к щеке большой леденец. мотоцикл кружило в пенящейся массе, он исчезал, появлялся вновь, беспомощно ворочая рогами руля, и с каждым появлением его становилось все меньше, металлическая обшивка истончалась, делалась прозрачной, как тонкая бумага, и уже смутно мелькали сквозь нее внутренности двигателя, а потом обшивка расползлась, шины исчезли, мотоцикл нырнул в последний раз и больше не появлялся. -Сглодала, -сказал тузик с идиотским восторгом. -Сволочь неуклюжая, -повторил стоян. -ты у меня за это заплатишь. Ты у меня всю жизнь за это платить будешь. -Ну, и ладно, -сказал тузик. -ну, и заплачу. А что я сделал-то? Ну, газ повернул не в ту сторону, -ска- зал он Перецу. -вот он и вырвался. Понимаете, пан Перец, я хотел газ сделать поменьше, чтобы не так тарахтело, ну и не в ту сторону повернул. Не я первый, не я последний. Да и мотоцикл старый был... так я пойду, -сказал он стояну. -что мне теперь здесь делать? Я домой пойду. -Ты куда это смотришь? -сказал вдруг квентин с та- ким выражением, что Перец невольно отстранился. -А чего? -сказал тузик. -куда хочу, туда и смотрю.

Он смотрел назад, на тропинку, туда, где под плотным изжелта-зеленым навесом ветвей мелькала, удаляясь, оранжевая накидка риты. -А ну-ка, пустите меня, -сказал квентин Перецу. -я с ним сейчас поговорю. -Ты куда, ты куда? -забормотал стоян. -квентин, ты опомнись... -Нет, чего там, - опомнись, я же давно вижу, чего он добивается! -Слушай, не будь ребенком... Ну, прекрати! Ну, опо- мнись!.. -Пусти, говорят тебе, пусти руку!..

Они шумно возились рядом с Перецом, толкая его с двух сторон. Стоян крепко держал квентина за рукав и за полу куртки, а квентин, ставший вдруг красным и потным, не сводя глаз с тузика, одной рукой отпихи- вал стояна, а другой рукой изо всей силы сгибал пе- реца пополам, стараясь через него перешагнуть. Он двигался рывками и с каждым рывком все больше выле- зал из куртки. Перец улучил момент и вывалился из вездехода. Тузик все смотрел вслед рите, рот у него был полуоткрыт, глаза масляные, ласковые. -И чего она в брюках ходит, -сказал он Перецу. -манера теперь у них появилась - в брюках ходить... -Не защищай его! -заорал в машине квентин. -никакой он не половой неврастеник, а просто мерзавец! Пусти, а то я и тебе дам -Вот раньше были такие юбки, -сказал тузик мечта- тельно. -кусок материи обернет вокруг себя и застегнет булавкой. А я, значит, возьму и растегну...

Если бы это было в парке... Если бы это было в гостинице или в библиотеке, или в актовом зале... это и бывало - и в парке, и в библиотеке, и даже в актовом зале во время доклада кима "что необходимо знать каждому работнику управления о методах матема- тической статистики". А теперь лес видел все это и слышал все это - похотливое сальце, облившее тузико- вы глаза, багровую физиономию квентина, мотающуюся в дверях вездехода, какую-то тупую, бычью, и мучительное бормотание стояна что-то о работе, об от- ветственности, о глупости, и треск отлетающих пуго- виц о ветровое стекло... И неизвестно, что думал обо всем этом, ужасался ли, насмехался ли или брезгливо морщился. -.... -сказал тузик с наслаждением.

И Перец ударил его. Ударил, кажется, по скуле, с хрустом, и вывихнул себе палец. Все сейчас же за- молчали. Тузик взялся за скулу и с большим удивлением посмотрел на Переца. -Нельзя так, -сказал Перец твердо. -нельзя это здесь. Нельзя. -Так я не возражаю, -сказал тузик, пожимая плечами. -я ведь только к тому, что мне здесь делать больше нечего, мотоцикла-то нет, сами видите... Что ж мне теперь здесь делать?

Квентин громко осведомился: -По морде? -Ну да, -с досадой сказал тузик. -по скуле, по са- мой косточке... Хорошо что не в глаз. -Нет, в самом деле, по морде? -Да, -сказал Перец твердо. -потому что здесь так нельзя. -Тогда поехали, -сказал квентин, откидываясь на сиденьи. -Туз, -сказал стоян, -полезай в машину. Если завязнем, будешь помогать выталкивать. -У меня брюки новые, -возразил тузик. -давайте я лучше за баранку сяду.

Ему не ответили, и он полез на заднее сиденье и сел рядом с подвинувшимся квентином. Перец сел рядом со стояном, и они поехали.

Щенки ушли уже довольно далеко, но стоян, двигаясь с большой аккуратностью правыми колесами по тро- пинке, а левыми - по пышному мху, догнал их и медленно пополз следом, осторожно регулируя скорость сцеплением. "сцепление сожжете", -сказал тузик, а потом обратился к квентину, и принялся ему об'яснять, что он вообще-то ничего плохого в виду не имел, что мотоцикла у него все равно уже не было, а мужчина - это мужчина, и если у него все нормально, то он мужчиной и останется, лес там вокруг или еще что-нибудь это безразлично... "тебе по морде уже да- ли? " -спрашивал квентин. "нет, ты мне скажи, только не соври, дали тебе уже по морде или нет? " -спраши- вал он время от времени, прерывая тузика. "нет, -от- вечал тузик, -нет, ты подожди, ты меня выслушай сначала... "

Перец гладил свой опухающий палец и смотрел на щенков. На детей леса. А, может быть, на слуг леса. а, может быть, на экскременты леса... Они медленно и неутомимо двигались колонной один за другим, словно текли по земле, переливаясь через стволы сгнивших деревьев, через рытвины, по лужам стоячей воды, в высокой траве, сквозь колючие кустарники. Тропинка исчезала, ныряла в пахучую грязь, скрывалась под наслоениями твердых серых грибов, с хрустом ломающихся под колесами, и снова появлялась, и щенки держались ее и оставались белыми, чистыми, гладкими, ни одна соринка не прилипала к ним, ни одна колючка не ранила их, и их не пачкала черная липкая грязь. Они лились с тупой бездумной уверенностью, как будто по давно знакомой, привычной дороге. Их было сорок три. "я рвался сюда и вот я попал сюда, и я, наконец, ви- жу лес изнутри, и я ничего не вижу. Я мог бы приду- мать все это, оставаясь в гостинице в своем голом номере с тремя необитаемыми койками, поздним вече- ром, когда не спится, когда все тихо и вдруг в полночь начинает бухать баба, забивающая сваи на строительной площадке. Наверное, все, что здесь есть, в лесу, я мог бы придумать: и русалок, и бро- дячие деревья, и этих щенков, как они вдруг превра- щаются в лесопроходца селИвана - все самое нелепое, самое святое. И все, что есть в управлении, я могу придумать и представить себе, я мог бы оставаться у себя дома и придумать все это, лежа на дИване рядом с радиоприемником, слушая симфоджазы и голоса, гово- рящие на незнакомых языках, но это ничего не значит. увидеть и не понять - это все равно, что придумать. я живу, вижу и не понимаю, я живу в мире, который кто-то придумал, не затруднившись об'яснить его мне, а, может быть, и себе. Тоска по пониманию, -вдруг подумал Перец. -вот чем я болен - тоской по понима- нию".

Он высунулся в окно и приложил ноющий палец к хо- лодному борту. Щенки не обращали на вездеход никако- го внимания. Наверное, они даже не подозревали, что он существует. От них резко и неприятно пахло, обо- лочка их теперь казалась прозрачной, под нею волнами двигались словно бы тени.

"давай, поймаем одного, -предложил квентин. -это ведь совсем просто, закутаем в мою куртку и отвезем в лабораторию". - "не стоит", -сказал стоян. - "а почему? -сказал квентин, -все равно когда-нибудь придется ловить". - "страшно как-то, -сказал стоян. -во-первых, не дай бог, он сдохнет, придется писать докладную домарощинеру... " - "мы их варили, сообщил вдруг тузик. -мне не понравилось, а ребята говорили, что ничего. На кролика похоже, а я кролика в рот не беру, по мне, что кошка, что кролик - один черт. брезгую... " - "я заметил одну вещь, -сказал квентин. -число щенков - всегда простое число: тринадцать, сорок три, сорок семь... " - "ерунда, -возразил сто- ян. -я встречал в лесу группы по шесть, по две- надцать... " - "так это в лесу, -сказал квентин, -они же потом расходятся в разные стороны группами. А ще- нится клоака всегда простым числом, можешь проверить по журналу, у меня все выводки записаны... " - "а еще однажды, -сказал тузик, -мы с ребятами местную девчонку поймали, вот смеху-то было!.. " - "ну, что ж, пиши статью", -сказал стоян. -"уже написал, -ска- зал квентин. -это у меня будет пятнадцатая... " -"а у меня семнадцать, -сказал стоян, -и одна в печати. А кого в ты в соавторы взял? " - "еще не знаю, -сказал квентин. -ким рекомендует менеджера, говорит, что сейчас транспорт - это главное, а рита советует коменданта... " - "только не коменданта", -сказал сто- ян. -"почему? " -спросил квентин. -"не бери ко- менданта, -повторил стоян. -я тебе говорить ничего не буду, но имей в виду". - "комендант кефир тормозной жидкостью разбавлял, -сказал тузик. -это еще когда он был заведующим парикмахерской. Так мы с ребятами ему в квартиру пригоршню клопов подброси- ли". - "говорят, готовится приказ, -сказал стоян. -у кого меньше пятнадцати статей, все пройдут обра- ботку... " - "да ну, -сказал квентин, -дрянь дело, знаю я эти спецобработки, от них волосы перестают расти и изо рта целый год пахнет... "

"домой, -подумал Перец. -надо скорее ехать домой. теперь мне уже здесь совсем нечего делать". Потом он увидел, как строй щенков нарушился. Перец сосчитал: тридцать два щенка пошли прямо, а одиннадцать, построившись в такую же колонну, свернули налево и вниз, где между деревьями вдруг открылось озеро - неподвижная темная вода, совсем недалеко от вездехода. Перец увидел низкое туманное небо и смутные очертания скалы управления на горизонте. Одинадцать щенков уверенно направлялись к воде. Стоян заглушил двигатель, все вылезли и смотрели, как щенки переваливаются через кривую корягу на самом берегу и один за другим тяжело плюхаются в озеро. По темной воде пошли маслянистые круги. -Тонут, -сказал квентин с удивлением. -топятся. Стоян достал карту и расстелил ее на капоте. -Так и есть, -сказал он. -не отмечено у нас это озеро. Деревня здесь отмечена, а не озеро... Вот на- писано: "дерев. Абориг. Семнадцать дробь одинадцать". -Так это всегда так, -сказал тузик. -кто же в этом лесу по карте ездит? Во-первых, карты все враные, а во-вторых, и не нужны они тут. Тут ведь сегодня, скажем, дорога, а завтра река, сегодня болото, а завтра колючую проволку нацепят и вышку поставят. или вдруг обнаружится склад. -Неохота мне чтото дальше ехать, -сказал стоян, потягиваясь. -может, хватит на сегодня? -Конечно, хватит, -сказал квентин. -Перецу еще жа- лованье получить надо. Пошли в машину. -Бинокль бы, -сказал вдруг тузик, жадно всматрива- ясь из-под ладони в озеро. -баба там, помоему, ку- пается.

Квентин остановился. -Где? -Голая, -сказал тузик. -ей богу, голая. Совсем без ничего. Квентин вдруг побелел и опрометью бросился в ма- шину. -Да где ты видишь? -спросил стоян. -А вон, на том берегу... -Ничего там нет, -сказал квентин хрипло. Он стоял на подножке и обшаривал в бинокль противоположный берег. Руки его тряслись. -брехун проклятый... Опять по морде захотел... Нет там ничего! -повторил он, передавая бинокль стояну. -Ну как это нет, -сказал тузик. -я вам не очкарик какой-нибудь, у меня глаз-ватерпас... -Подожди, подожди, не рви, -сказал ему стоян. -что за привычка - рвать из рук... -Ничего там нет, -борматал квентин. -вранье все это. Мало ли кто что болтает... -Это я знаю - что, сказал тузик. -это русалка. точно вам говорю.

Перец встрепенулся. -Дайте мне бинокль, -сказал он быстро. -Ничего не видать, -сказал стоян, протягивая ему бинокль. -Нашли, кому верить, -бормотал квентин, постепенно успокаиваясь. -Ей богу, была, -сказал тузик. -должно быть, нырну- ла. Сейчас вынырнет...

Перец настроил бинокль по глазам. Он ничего не ожидал увидеть: это было бы слишком просто. И он ни- чего не увидел. Озерная гладь, далекий, заросший ле- сом берег, да силуэт скалы над зубчатой кромкой де- ревьев. -А какая она была, -спросил он.

Тузик стал подробно, показывая руками, описывать, какая она была. Он рассказывал очень аппетитно и с большим азартом, но это было совсем не то, что хотел Перец. -Да конечно... -сказал он. -да... Да. "может быть, она вышла встречать щенков", -думал он, трясясь на заднем сиденье рядом с помрачневшим квентином, глядя, как мерно двигаются тузиковы уши. -тузик что-то жевал. Она вышла из лесной чащи, белая холодная, уверенная, и ступила в воду, в знакомую воду, вошла в озеро, как я вхожу в библиотеку, погрузилась в зыбкие зеленые сумерки и поплыла навстречу щенкам, и сейчас уже встретила их на середине озера, на дне, и повела их куда-то, зачем-то, для кого-то, и завяжется еще один узел событий в ле- су, и, может быть, за много миль отсюда произойдет или начнет происходить еще что-то: закипят между де- ревьями клубы лилового тумана, который совсем не туман, или заработает на мирной поляне еще одна клоака, или пестрые аборигены, которые только что тихо сидели и смотрели учебные фильмы и терпеливо слушали об'яснения осипшей от усердия беатрисы вах, вдруг встанут и уйдут в лес, чтобы никогда больше не вернуться... И все будет полно глубокого смысла, как полно каждое движение сложного механизма, и все будет странно и, следовательно, бессмысленно для нас, во всяком случае для тех из нас, кто еще никак не может привыкнуть к бессмыслице и принять ее за норму. И он ощутил значительность каждого события, каждого явления вокруг: и то, что щенков в выводке не могло быть сорок два или сорок пять и то, что ствол вот этого дерева порос именно красным мхом, и то, что над тропинкой не видно неба из-за нависших ветвей.

Вездеход трясло, стоян ехал очень медленно, и перец еще издали через ветровое стекло увидел впереди покосившийся столб с доской, на которой было чтото написано. Надпись была размыта дождями и выцвела, это была очень старая надпись на очень старой грязно-серой доске, прибитой к столбу двумя огромными ржавыми гвоздями: "здесь два года назад трагически утонул рядовой лесопроходец густав. Здесь ему будет поставлен памятник. " вездеход, переваливаясь с боку на бок, миновал столб.

"что же это ты, густав, -подумал Перец. -как это тебя угораздило тут утонуть. Здоровый ты, наверное, был парень, густав, была у тебя обритая голова, квадратная волосатая челюсть, золотой зуб, а та- туировкой ты был покрыт с ног до головы, и руки у тебя свисали ниже колен, а на правой руке не хватало пальца, откушенного в пьяной драке. И лесопроходцем тебя послало, конечно, не сердце твое, просто так уж сложились твои обстоятельства, что отсиживал ты на утесе, где сейчас управление, положенный тебе срок, и бежать тебе было некуда, кроме как в лес. И статей ты в лесу не писал, и даже о них не думал, а думал ты о других статьях, что были написаны до тебя и против тебя. И строил ты здесь стратегическую доро- гу, клал бетонные плиты и далеко по сторонам вырубал лес, чтобы могли при необходимости приземляться на эту дорогу восьмитонные бомбовозы. Да разве лес это вытерпит? Вот и утопил он тебя на сухом месте. Но зато через десять лет тебе поставят памятник и, может быть, назовут твоим именем какое-нибудь кафе. кафе будет называться "у густава", и шофер тузик будет там пить кефир и гладить растрепанных девчонок из местной капеллы...

У тузика, кажется, две, судимости, и почему-то совсем не за то, за что следовало бы. Превый раз он попал в колонию за кражу почтовых наборов соот- ветствующего предприятия, а второй раз - за наруше- ние паспортного режима. А вот стоян - чист. Он не пьет ни кефира, ничего. Он нежно и чисто любит але- втину, которую никто никогда не любил нежно и чисто. когда выйдет из печати его двадцатая статья, он предложит алевтине руку и сердце, и будет отвергнут, несмотря на свои статьи, несмотря на свои широкие плечи и красивый римский нос, потому что алевтина не терпит чистоплюев, подозревая в них (не без основа- ния) до непонятности утонченных развратников. Стоян живет в лесу, куда, не в пример густаву, приехал добровольно, и никогда ни на что не жалуется, хотя лес для него - это всего лишь громадная свалка нетронутых материалов для статей, гарантирующих его от обработки... Можно без конца удивляться, что на- ходятся люди, способные привыкнуть к лесу, а таких людей подавляющее большинство. Сначала лес влечет их, как место романтическое или как место доходное, или как место, где многое позволено, или как место, где можно укрыться. Потом он немного пугает их, а потом они вдруг открывают для себя, что "здесь такой же кавардак, как в любом другом месте", и это прими- ряет их с необыкновенностью леса, но никто из них не намерен доживать здесь до старости... Вот квентин, по слухам, живет здесь только потому, что боится ос- тавить без присмотра свою риту, а рита ни за что не хочет уезжать отсюда и никогда никому не говорит - почему... Вот я и до риты дошел... Рита может уйти в лес и не возращаться неделями. Рита купается в лесных озерах. Рита нарушает все распорядки, и никто не смеет делать ей замечания. Рита не пишет статей, рита вообще ничего не пишет, даже писем. Очень хоро- шо известно, что квентин по ночам плачет и ходит спать к буфетчице, когда буфетчица не занята с кем- -нибудь другим... На биостанции все известно... Боже мой, по вечерам они зажигают свет в клубе, они вклю- чают радиолу, они пьют кефир, они пьют безумно много кефира и ночью, при луне, бросают бутылки в озера - кто дальше. Они танцуют, они играют в фанты и в бу- тылочку, в карты и в бильярд, они меняются женщинами, а днем в своих лабораториях они переливают лес из пробирки в пробирку, рассматривают лес под микроскопом, считают лес на арифмометрах, а лес сто- ит вокруг, висит над ними, прорастает сквозь их спальни, в душные предгрозовые часы приходит к их окнам толпами бродячих деревьев и тоже, возможно, не может понять, что они такое, и зачем они вообще... "хорошо, что я отсюда уезжаю, -подумал он. -я здесь побыл, я ничего не понял, я ничего не нашел из того, что хотел найти, теперь я знаю, что никогда ничего не пойму и что никогда ничего не найду, что всему свое время. Между мной и лесом нет ничего об- щего, лес не ближе мне, чем управление. Но я, во всяком случае, не буду здесь срамиться. Я уеду, буду работать и буду ждать. И буду надеяться, что насту- пит время... "

На дворе биостанции было пусто. Не было грузовика, и не было очереди у окошечка кассы. Только на крыльце, загораживая дорогу, стоял чемодан Переца, а на перилах веранды висел его серый плащ. Перец выбрался из вездехода и растерянно огляделся. Тузик под руку с квентином уже шел к столовой, откуда доносился звон посуды и несло чадом. Стоян сказал: "пошли ужинать, перчик" и погнал машину в гараж. Перец вдруг с ужасом понял, что все это означает: завывающая радиола, бессмысленная болтовня, кефир, и еще, может быть, по стаканчику? И так каждый вечер, много-много вечеров...

Стукнуло окошечко кассы, высунулся сердитый кассир и закричал: -Что же вы, Перец? Долго мне вас ждать? Идите же сюда, распишитесь. Перец на негнущихся ногах приблизился к окошечку. -Вот здесь - сумму прописью, -сказал кассир. -да не здесь, а здесь. Что это у вас руки трясутся? Полу- чайте...

Он стал отсчитывать бумажки. -А где же остальные? -спросил Перец. -Не торопитесь... Остальные здесь, в конверте. -Нет, я имею в виду... -Это никого не касается, что вы имеете в виду. Я из-за вас не могу менять установленный порядок. Вот ваше жалованье. Получили? -Я хотел узнать... -Я вас спрашиваю, вы получили жалованье? Да или нет? -Да. -Слава богу. А теперь получите премию. Получили премию? -Да. -Все. Разрешите пожать вашу руку, я тороплюсь. Мне нужно быть в управлении до семи. -Я хотел только спросить, -торопливо сказал Перец, -где все остальные люди... Ким, грузовик... Ведь ме- ня обещали отвезти... На материк... -На материк не могу, я должен быть в управлении. позвольте, я закрою окошко. -Я не займу много места, -сказал Перец. -Это неважно. Вы взрослый человек, вы должны пони- мать. Я - кассир. При мне ведомости. А если с ними что-нибудь случится? Уберите локоть.

Перец убрал локоть, и окошечко захлопнулось. сквозь мутное, захватанное стекло Перец смотрел, как кассир собирает ведомости, комкает их как попало, втискивает в портфель, потом в кассе открылась дверь, вошли два огромных охранника, связали кассиру руки, накинули на шею петлю, и один повел кассира на веревке, а другой взял портфель, осмотрел комнату и вдруг заметил Переца. Некоторое время они глядели друг на друга сквозь грязное стекло, затем охранник очень медленно и осторожно, словно боясь кого-то спугнуть, поставил портфель на стул и все так же медленно и осторожно, не сводя глаз с Переца, потя- нулся к прислоненной к стене винтовке. Перец ждал, холодея и не веря, а охранник схватил винтовку, по- пятился и вышел, затворив за собой дверь. Свет по- гас.

Тогда Перец отпрянул от окошечка, на цыпочках пробежал к своему чемодану, схватил его и кинулся прочь, куда-нибудь подальше от этого места. Он укрылся за гаражом и видел, как охранник вышел на крыльцо, держа винтовку наперевес, поглядел налево, направо, под ноги, взял с перил плащ Переца, взвесил его на руке, обшарил карманы и, еще раз оглядевшись, ушел в дом. Перец сел на чемодан.

Было прохладно, смеркалось. Перец сидел, бессмысленно глядя на освещенные окна, замазанные до половины мелом. За окнами двигались тени, бесшумно крутилась решетчатая лопасть локатора на крыше. Брякала посуда, в лесу кричали ночные животные. Потом где-то вспыхнул прожектор, повел голубым лучом, и в этот луч из-за угла дома вкатился самосвал, громыхнул, подпрыгнув на колдобине, и, провожаемый лучом, поехал к воротам. В ковше самосвала сидел охранник с винтовкой. Он закуривал, закрывшись от ветра, и видна была толстая ворсистая веревка, обмотанная вокруг его левого запястья и уходящая в приоткрытое окно кабины.

Самосвал ушел, и прожектор погас. Через двор, шаркая огромными башмаками, мрачной тенью прошел второй охранник с винтовкой под мышкой. Время от времени он нагибался и ощупывал землю, видимо, искал следы. Перец прижался взмокшей спиной к стене и, за- мерев, проводил его глазами.

В лесу кричали страшно и протяжно. Где-то хлопали двери. Вспыхнул свет на втором этаже, кто-то громко сказал: "ну и духота здесь у тебя". Что-то упало в траву округлое и блестящее и подкатилось к ногам пе- реца. Перец снова замер, но потом понял, что это бу- тылка из-под кефира. "пешком, -думал Перец, -надо пешком. Двадцать километров через лес. Плохо, что через лес. Теперь лес увидит жалкого, дрожащего че- ловека, потного от страха и от усталости, погибающе- го под чемоданом и почему-то не бросающего этот че- модан. Я буду тащиться, а лес будет гукать и орать на меня с двух сторон... "

Во дворе снова появился охранник. Он был не один, рядом с ним шел еще кто-то, тяжело дыша и отфыркива- ясь, огромный, на четвереньках. Они остановились посреди двора, и Перец услыхал, как охранник бормо- чет: "на вот, на... Да ты не жри, дура, ты нюхай... это же тебе не колбаса, это плащ, его нюхать надо... ну? Шерше, говорят тебе... " тот, что был на четве- реньках, скулил и вздрагивал: "э! -сказал охранник с досадой. -тебе только блох искать... Пшла! " они растворились в темноте. Застучали каблуки на крыльце, хлопнула дверь. Потом что-то холодное и мокрое ткнулось Перецу в щеку. Он вздрогнул и чуть не упал. это был огромный волкодав. Он едва слышно взвизгнул, тяжко вздохнул и положил тяжелую голову Перецу на колени. Перец погладил его за ухом. Волкодав зевнул и завозился было, устраиваясь, но тут на втором эта- же грянула радиола. Волкодав молча шарахнулся и ус- какал прочь.

Радиола неиствовала, на много километров вокруг не осталось ничего, кроме радиолы. И тогда, словно в приключенческом фильме, вдруг бесшумно озарились го- лубым светом и распахнулись ворота, и во двор, как огромный корабль, вплыл гигантский грузовик, весь расцвеченный созвездиями сигнальных огней, остановился и притушил фары, которые медленно погасли, словно испустило дух лесное чудовище. Из кабины высунулся шофер вольдемар и стал, широко разевая рот, что-то кричать, и кричал долго, надсаживаясь, свирепея на глазах, а потом плюнул, нырнул обратно в кабину, снова высунулся и написал на дверце мелом вверх ногами: "Перец!!! " тогда Перец понял, что ма- шина, пришла за ним, подхватил чемодан и побежал че- рез двор, боясь оглянуться, боясь услышать за спиной выстрелы. Он с трудом вскарабкался по двум лестницам в кабину, просторную, как комната, и пока он пристраивал чемодан, пока усаживался и искал сигаре- ту, вольдемар все что-то говорил, багровея, надсажи- ваясь, жестикулируя и толкая Переца ладонью в плечо, но только когда радиола вдруг замолчала, Перец, наконец, услышал его голос: ничего особенного вольдемар не говорил, он просто ругался черными словами.

Грузовик еще не успел выехать за ворота, как перец заснул, словно к его лицу прижали маску с эфиром.

Г л а в а п я т а я

Перец проснулся от неудобства, от тоски, от невыносимой, как ему показалось сначала, нагрузки на сознание и все органы чувств. Ему было неудобно до боли, и он невольно застонал, медленно приходя в себя.

Нагрузка на сознание оказалась отчаянием и досадой, потому что машина не ехала на материк, она снова не ехала на материк и вообще никуда не ехала. Она стояла с включенным двигателем, мертвая и ледяная, с распахнутыми дверцами. Ветровое стекло было покрыто дрожащими каплями, которые сливались и текли хо- лодными струйками. Ночь за стеклом озарялась, кроме этих непрерывных вспышек, от которых ломило глаза. И ничего не было слышно, и Перец даже подумал сначала, что оглох, и только затем сообразил, что на уши равномерно давит густой многоголосый рев сирен. Он заметался по кабине, больно ушибаясь о рычаги и выступы и о проклятый чемодан, попытался протереть стекло, высунулся в одну дверцу, высунулся в другую: он никак не мог понять, где он находится, что это за место, и что все это означает. Война, подумал он, боже мой, это война!.. Прожектора со злобным наслаждением били его по глазам, и он ничего не ви- дел, кроме какого-то большого незнакомого здания, в котором равномерно вспыхивали и гасли все окна разом на всех этажах. И еще он видел огромное количество широких лиловых пятен.

Чудовищный голос вдруг произнес спокойно, будто в полной тишине: "внимание, внимание. Всем сотрудникам стоять на местах по положению номер шестьсот семьде- сят пять дробь пегас омикрон триста два директива восемьсот тринадцать, на торжественную встречу пади- шаха без специальной свиты, размер обуви пятьдесят пять. Повторяю. Внимание, внимание. Всем сотрудни- кам... " прожектора перестали метаться, и Перец различил, наконец, знакомую арку с надписью "добро пожаловать" и главную улицу управления, и темные коттеджи вдоль нее, и каких-то людей в ночном белье с керосиновыми лампами, стоящих около коттеджей, а затем увидел совсем недалеко цепь бегущих людей в черных развевающихся плащах. Эти люди бежали, зани- мая всю ширину улицы, растянув что-то странное, светлое, и, приглядевшись, Перец понял, что они та- щат не то бредень, не то волейбольную сетку, и сей- час же сорванный голос завизжал у него под ухом: "почему машина? Ты почему здесь стоишь?" и, от- шатнувшись, он увидел рядом с собой инженера в белой картонной маске с надписью по лбу чернильным ка- рандашом "либидович", и этот инженер полез грязными ногами прямо по киму, пихая его локтем в лицо, храпя и воняя потом, повалился на место водителя, пошарил ключ зажигания, не нашел, истерически взвизгнул и выкатился из кабины на противоположную сторону. На улице зажглись все фонари, стало светло, как днем, а люди в белье все стояли с керосиновыми лампами у дверей коттеджей, и у каждого в руке был сачок для бабочек, и они мерно размахивали сачками, словно от- гоняя что-то невидимое от своих дверей. По улице навстречу и мимо прокатились одна за другой четыре мрачных черных машины, похожих на автобусы без окон, и на крышах у них вращались какие-то решетчатые ло- пасти, а потом из переулка вывернул вслед за ними старинный броневик. Ржавая башня его вращалась с пронзительным визгом, а тонкий ствол пулемета ходил вверх и вниз. Бронеавтомобиль с трудом протиснулся мимо грузовика, люк его башни открылся, и высу- нувшийся человек в бязевой ночной рубашке с болтающимися тесемками недовольно прокричал Перецу: "что же ты, голубчик? Проезжать надо, а ты стоишь!" тогда Перец опустил голову на руки и закрыл глаза.

Я никогда не уеду отсюда, тупо подумал он. Я ни- кому здесь не нужен, я абсолютно бесполезен, но они меня отсюда не выпустят, хотя бы для этого пришлось начать войну или устроить наводнение... -Бумаги ваши попрошу, -сказал тягучий стариковский голос, и Переца похлопали по плечу. -Что? -сказал Перец. -Документики. Приготовили?

Это был старик в клеенчатом плаще, с берданкой, висящей поперек груди на облезлой металлической цепочке. -Какие бумаги? Какие документы? Зачем? -А, господин Перец! -сказал старик. -что же это вы положение не выполняете? Все бумаги уже должны быть у вас в руке в развернутом виде, как в музее... Перец дал ему свое удостоверение. Старик, положив локти на берданку, внимательно изучил печати, сверил фотографию с лицом Переца и сказал: -Что-то вы будто похудели, герр Перец. С лица словно бы спали. Работаете много... -он вернул удо- стоверение. -Что происходит? -спросил Перец. -Что полагается, то и происходит, -сказал старик, внезапно посуровев. -происходит положение за номером шестьсот семьдесят пять дробь пегас. То есть побег. -Какой побег? Откуда? -Какой полагается по положению, такой и побег, -сказал старик, начиная спускаться по лестнице. -то- го и гляди рванут, так что вы уши берегите, сидите лучше с открытым ртом. -Хорошо, -сказал Перец. -спасибо. -Ты чего здесь, старый хрыч, ползаешь? -раздался внизу злобный голос шофера вольдемара. -я тебе пока- жу - документики! Во, понюхай! Понял? Ну и катись отсюда, если понял...

Мимо с топотом и криками проволокли на руках бетономешалку. Шофер вольдемар, вз'ерошенный, ощеренный, вскарабкался в кабину. Бормоча черные слова, он завел двигатель и с грохотом захлопнул дверь. грузовик рванул с места и помчался по улице мимо людей в белье, размахивающих сачками. "в гараж, -подумал Перец. -ах, все равно. Но к чемодану я больше не прикоснусь. Не желаю я его больше таскать, провались он пропадом". Он с ненавистью ткнул чемодан пяткой. машина круто свернула с главной улицы, врезалась в баррикаду из пустых бочек и телег, разнесла ее и помчалась дальше. Некоторое время на радиаторе мо- тался расщепленный передок извозчичьей пролетки, по- том сорвался и хрустнул под колесами. Грузовик несся теперь по тесным боковым улочкам. Вольдемар, на- супленный, с потухшим окурком на губе, сгибаясь и разгибаясь всем телом, обеими руками крутил огромный руль. "нет, не в гараж, -подумал Перец, -и не на ма- терик". В переулках было темно и пусто. Только один раз в лучах фар промелькнули чьи-то картонные лица с надписями, растопыренные руки, и все исчезло. -Черт меня дернул, -сказал вольдемар. -хотел же прямо на материк ехать, а тут вижу - вы спите, дай, думаю, заверну в гараж, в шахматишки сгоняю партию... Только это я нашел ахилла - слесаря, сбегали за кефиром, приняли, расставили... Я предлагаю ферзевый гамбит, он принимает, все как надо... Я - "е-4", он - "це-6"... Я ему говорю: ну молись. И тут как началось... У вас сигаретки нет, пан Перец?

Перец дал ему сигарету. -А что за побег? -спросил он. -и куда мы едем? -Побег самый обыкновенный, -сказал вольдемар, заку- ривая. -каждый год у нас такие побеги. У иженеров машинка сбежала. И теперь приказ - всем ловить. Вон, ловят...

Поселок кончился. По пустырю, озаренному луной, бродили люди. Они словно играли в жмурки - шли на полусогнутых ногах, широко расставив руки. Глаза у всех были завязаны. Один с размаху налетел на столб и, вероятно, болезненно вскрикнул, потому что ос- тальные разом остановились и стали осторожно воро- чать головами. -Каждый год такая петрушка, -говорил вольдемар. -у них там и фотоэлементы, и разная акустика, и ки- бернетика, охранников-дармоедов понаставили на каждом углу - и все-таки обязательно каждый год у них какая-нибудь машинка да сбежит. И тогда тебе го- ворят: бросай все, иди ее ищи. А кому охота ее ис- кать? Кому охота с ней связываться, я спрашиваю? ведь если ты ее хоть краем глаза увидишь - все. Или тебя в инженеры упекут, или загонят куда-нибудь в лес, на дальнюю базу, грибы спиртовать, чтобы, упаси бог, не разгласил. Вот народ и ловчит, кто как уме- ет. Кто себе глаза завяжет, чтобы не увидеть, кто как... А кто поумней, тот просто бегает и кричит, что есть мочи. У одного документы потребует, у дру- гого обыск сделает, а то просто залезет на крышу и вопит. Вроде и при деле, а риска никакого... -А мы что, тоже сейчас ловим? -спросил Перец. -А как же, ловим. Народ ловит, и мы как все. Шесть часов ловить будем по часам. Есть приказ: если в те- чение шести часов бежавший механизм не обнаружен, его дистанционно взрывают. Чтобы все было шито-кры- то. А то еще попадет в посторонние руки. Видали, ка- кой кавардак в управлении? Так это еще райская тишь, вы посмотрите, что там через шесть часов начнется. ведь никто не знает, куда эта машинка заползла. Мо- жет, она у тебя в кармане. А заряд ей придается мощный, что бы уже наверняка... Вот в прошлом году оказалась эта машинка в бане, а в баню множество на- роду понабилось - спасаться. Баня, думают, место сы- рое, незаметное... Ну и я там был. Баня же, думаю... так меня в окно вынесло, плавно так, будто на волне. моргнуть не успел, сижу в сугробе, а надо мной балки горящие проплывают...

Теперь вокруг была равнина, чахлая травка, мутный свет луны, разбитая белая дорога. Слева, там, где осталось управление, опять суматошно мотались огни. -Я только не понимаю, -сказал Перец. -как же мы будем ее ловить мы ведь даже не знаем, что она та- кое... Маленькая или большая, темная или светлая... -А это вы скоро увидите, -пообещал вольдемар. -это я вам минут через пять покажу. Как умные люди ловят. черт, где же это место... Потерял. Влево, наверное, взял. Ага, влево... Вон склад техники, а нам, зна- чит, надо правее...

Машина свернула с дороги и закачалась на кочках. склад остался слева - ряды огромных светлых контей- неров, будто мертвый город на равнине. ... Наверно, она не выдержала. Они трясли ее на вибростенде, они вдумчиво мучали ее, копались во внутренностях, жгли тонкие нервы паяльниками, она задыхалась от запаха канифоли, ее заставляли делать глупости, ее создали, чтобы она делала глупости, ее совершенствовали, чтобы она делала все более глупые глупости, а вечером оставляли ее, истерзанную, обесСиленную, в сухой жаркой комнатушке. И наконец она решилась уйти, хотя знала все - и бессмысленность побега, и свою обреченность. И она ушла, неся в себе самоубийственный заряд, и сейчас стоит где-нибудь в тени, мягко переступая коленчатыми ногами, и смотрит, и слушает, и ждет... И теперь ей, наверное, уже стало совершенно ясно все то, о чем раньше она только догадывалась: что никакой свободы нет, за- перты перед тобой двери или открыты, что все глу- пость и хаос, и есть только одно одиночество... -А!.. -сказал вольдемар с удовлетворением. -вот она, милая. Вот она, родимая...

Перец открыл глаза, но успел увидеть впереди только обширную черную лужу, даже не лужу, а просто болото, и услыхал, как заревел двигатель, а потом волна грязи вздыбилась и упала на ветровое стекло. двигатель вновь дико взвыл и заглох. Стало очень тихо. -Вот это по-нашему, -сказал вольдемар. -все шесть колес буксуют. Как мыло в тазу. Ясно? -он сунул окурок в пепельницу и приоткрыл свою дверь. -тут еще кто-то есть, -сообщил он и заорал: -эй друг! Как дела? -Порядок! -донеслось снаружи. -Поймал? -Насморк поймал!

Вольдемар крепко захлопнул дверцу, зажег в кабине свет, посмотрел на Переца, подмигнул ему, вытащил из-под сиденья мандолину и, склонив голову к правому плечу, принялся щипать струны. -Вы устраивайтесь, устраивайтесь, -гостеприимно сказал он. -пока утро наступит, пока тягач до- ползет... -Спасибо, покорно сказал Перец. -Я вам не мешаю? -вежливо спросил вольдемар. -Нет-нет, -сказал Перец. -пожалуйста... Вольдемар откинул голову, закатил глаза и запел печальным голосом: Тоске моей не вижу я предела,
Один брожу безумно и устало,
Скажи, зачем ко мне ты охладела,
Зачем любовь так грубо растоптала!

Грязь медленно стекала с ветрового стекла, и стало видно сияющее под луной болото, и странной формы автомобиль, торчащий посередине этого болота. Перец включил стеклоочиститель и через некоторое время с изумлением обнаружил, что в трясине, увязнув до башни, стоит давешний броневик. Теперь с другим ты радуешься жизни,
А я один, безумный и усталый.
Вольдемар изо всех сил ударил по струнам, сфаль- шивил и откашлялся. -Эй, друг! -донеслось снаружи. -закуски нет? -А что? -закричал вольдемар. -Имеется кефир! -Я не один! -Валите все! На всех хватит! Запаслись - знали, на что идем! Шофер вольдемар повернулся к Перецу. -А что? -восхищенно сказал он. -пошли? Кефиру выпь- ем, может быть, и теннис сыграем... А? -Я не играю в теннис, -сказал Перец. Вольдемар крикнул: -Сейчас идем! Только лодку надуем! Он быстро, как обезьяна, выкарабкался из кабины и завозился в кузове, лязгая там железом, роняя что-то и весело посвистывая. Потом раздался плеск, цара- панье ногами по борту, и голос вольдемара откуда-то снизу позвал: "готово, господин Перец! Сигайте сюда, только мандолину захватите! " внизу, на блестящей по- верхности жидкой грязи, лежала надувная лодка, в ней, как гондольер, широко раздвинув ноги, с большой саперной лопатой в руке стоял вольдемар и, радостно улыбаясь, глядел вверх на Переца.

... В старом ржавом бронеавтомобиле времен вердена было жарко до тошноты, воняло горячим маслом и бензиновым перегаром, горела тусклая лампочка над железным командирским столиком, изрезанным неприличными надписями, под ногами хлюпала грязь, ноги стыли, мятый жестяной шкаф для боеприпасов был набит бутылками с кефиром, все были в ночном белье и чеса- ли пятерней волосатые груди, все были пьяны, и зуде- ла мандолина, и башенный стрелок в бязевой рубахе, которому не хватало места внизу, ронял сверху та- бачный пепел и иногда падал сам спиной вниз, и каждый раз говорил: "пардон, обознался... ", и его с гоготом подсаживали обратно... -Нет, -сказал Перец, -спасибо, вольдемар, я здесь останусь. Мне коечто постирать надо... Да и зарядки я еще не делал. -А, -сказал вольдемар, с уважением, -тогда другое дело. Тогда я поплыву, а вы, как со стиркой оберне- тесь, сразу крикните, мы за вами приедим... Мандоли- ну бы мне только.

Он уплыл с мандолиной, а Перец остался сидеть и смотрел, как он сначала пытался загребать лопатой, но от этого лодка только крутилась на месте, и тогда он стал отталкиваться лопатой, как шестом, и дело пошло на лад. Луна обливала его мертвым светом, и он был похож на последнего человека после последнего великого потопа, который плавает между верхушками самых высоких зданий, очень одинокий, ищущий спасения от одиночества и еще полный надежд. Он подплыл к броневику, загремел кулаком по броне, из люка высунулись, весело заржали и втянули его внутрь вниз головой. И Перец остался один.

Он был один, как единственный пассажир ночного поезда, ковыляющего своими тремя облупленными вагончиками по отмирающей железнодорожной ветке, в ва- гоне все скрипит и шатается, в намертво перекошенные разбитые окна дует и несет паровозной гарью, подпры- гивают на полу окурки и скомканные бумажки, и ка- чается на крючке забытая кем-то соломенная шляпа, а когда поезд подойдет к конечной станции, еди- нственный пассажир выйдет на гнилую платформу, и его никто не встретит, он точно знает, что его никто не встретит, и он побредет домой, и дома зажарит себе на плитке яичницу из двух яиц с третьеводнешней по- зеленевшей колбасой...

Броневик вдруг затрясся, застучал и озарился судорожными вспышками. Сотни светящихся разноцветных нитей протянулись от него через равнину, и в сиянии луны и блеске вспышек стало видно, как от броневика по гладкому зеркалу болота пошли широкие круги. Из башни высунулся некто в белом и, надрываясь, про- возгласил: "милостливые государи! Дамы, господа! Са- лют наций! С совершенейшим почтением, ваше сияте- льство, честь имею оставаться, многоуважаемая княги- ня дикобелла, вашим покорнейшим слугой, техник- -смотритель, подпись неразборчива!.. " броневик снова затрясся, засверкал вспышками и снова затих.

"напущу я на вас неотвязные лозы, -подумал Перец, -и род ваш проклятый джунгли сметут, кровли обрушаться, балки падут, и карелою, горькой карелой дома зарастут. "

Лес надвигался, взбирался по серпантину, ка- рабкался по отвесной скале, впереди шли волны лилового тумана, из них выползали, окутывая и сжимая, мириады зеленых щупальц, а на улицах разверзались клоаки, и дома проваливались в бездонные озера, и прыгающие деревья вставали на бетонных взлетных пло- щадках перед битком набитыми самолетами, где люди лежали вперемешку с бутылками кефера, с серыми гри- фованными папками и с тяжелыми сейфами, и земля под утесом расступилась и всосала его. Это было бы так закономерно, так естественно, что никто не был бы удивлен, все были бы только испуганы и приняли бы уничтожение, как возмездие, которого каждый в страхе ждал уже давно. А шофер тузик как паук бегал бы между шатающимися коттеджами и искал бы риту, чтобы напоследок получить все-таки свое, но так и не успел бы...

Из броневика взвились три ракеты, военный голос проревел: "танки справа, укрытие слева! Экипаж, в укрытие! " и кто-то сейчас же подхватил косноязычно: "бабы слева, койки справа! Эк-кипаж, по к-койкам! " и раздалось ржание и топот, совершенно же нечеловеческие, словно табун племенных жеребцов бился и лягался в этой железной коробке в поисах выхода на простор, к кобылам. Перец распахнул дверь и выглянул наружу. Под ногами была топь, глубокая топь, потому что чудовищные колеса грузовика уходили в жирную жи- жу выше ступиц. Правда, до берега было близко.

Перец перелез в кузов и долго шел к заднему борту, с грохотом и звоном ступая по дну этого необ'ятного стального корыта в густой лунной тени, потом вскарабкался на борт и по одной из бесчисленных лесенок спустился до самой воды. Неко- торое время он, набираясь решимости, висел над ледя- ной жижей, а затем, когда в бронеавтомобиле снова ударили из пулемета, зажмурился и прыгнул. Жижа ста- ла расступаться под ним и расступалась долго-долго, и не было этому конца, и, когда он почувствовал под ногами твердь, грязь затопила его по грудь. Он налег на грязь всем телом, он толкал ее коленями и от- талкивался ладонями и сначала он только бился на месте, а потом приспособился и пошел, и, к своему удивлению, очень быстро оказался на сухом месте.

"хорошо бы где-нибудь отыскать людей -подумал он. -для начала просто людей - чистых, выбритых, внима- тельных, гостеприимных. Не надо полета высоких мыслей, не надо сверкающих талантов. Не надо потря- сающих целей и самоотвращения. Пусть они просто всплеснут руками, увидев меня, и кто-нибудь побежит наполнять ванну, кто-нибудь побежит доставать чистое белье и ставить чайник, и чтобы никто не спрашивал документы и не требовал автобиографии в трех эк- земплярах с приложением двадцати дублированных отпе- чатков пальцев, и чтобы никто-никто не бросался к телефону сообщить куда следует значительным шепотом, что-де появился неизвестный, весь в грязи, называет себя Перецом, но только вряд ли он Перец, потому что Перец убыл на материк и приказ об этом уже отдан и завтра будет вывешен... Не нужно еще, чтобы они были принципиальными сторонниками или противниками чего- -нибудь. Не нужно, чтобы они были принципиальными противниками пьянства, лишь бы сами не были пьяница- ми. Не нужно, чтобы они были принципиальными сто- ронниками правды-матки, лишь бы не врали и не гово- рили гадостей ни в глаза, ни за глаза. И чтобы они не требовали от человека полного соответствия ка- ким-нибудь идеалам, а принимали и понимали бы его таким, какой он есть... Боже мой, -подумал Перец, -неужели я хочу так много? "

Он вышел на дорогу и долго брел на огни управления. Там неустанно вспыхивали прожектора, метались тени, поднимался разноцветный дым. Перец шел, в его ботинках ворчала и хлюпала вода, подсохшая одежда стояла коробом и шуршала, как картон, время от времени со штанов отваливались пласты грязи и шлепались на дорогу, и каждый раз Перецу казалось, что он вы- ронил бумажник с документами, и он в панике хватался за карман, а когда он уже подходил к складу техники, его вдруг обожгла жуткая мысль, что документы подмокли и все печати и подписи на них расплылись и стали неразборчивы и непоправимо подозрительны. Он остановился, ледяными руками раскрыл бумажник и вы- тащил все удостоверения, все пропуска, все свиде- тельства, все справки и стал их рассматривать под луной. И оказалось, что ничего страшного не произо- шло, что вода попортила только одну пространную справку на гербовой бумаге, удостоверяющую, что пред'явитель сего прошел курс прививок и допущен к работе на счетно-вычеслительных машинах. Тогда он снова уложил документы в бумажник, проложив их акку- ратно ассигнациями, и пошел было дальше, но тут представил себе, как выходит на главную улицу, и лю- ди в картонных масках и косо приклееных бородах хва- тают его за руки, завязывают ему глаза, дают ему что-то понюхать и приказывают: "ищи! Ищи! " и гово- рят: "запомнили запах, сотрудник Перец? " и науськи- вают: "шерше, дура, шерше! " и представив себе все это, он, не останавливаясь, свернул с дороги и побе- жал, пригибаясь, к складу техники, нырнул в тень ог- ромных светлых ящиков, запутался ногами в мягком и с разбегу упал на кучу тряпок и пакли.

Здесь оказалось тепло и сухо. Шершавые стенки ящиков были горячими на ощупь, и это сначала обрады- вало, а потом уже удивило его. В ящиках было тихо, но он вспомнил рассказ о машинах, самостоятельно вы- лезающих из контейнеров, и понял, что в ящиках идет своя жизнь, и не испугался, а даже, наоборот, по- чувствовал себя в безопасности. Он сел поудобнее, снял сырые ботинки, стянул мокрые носки и вытер ноги паклей. Здесь было так тепло, так хорошо, так уютно, что он подумал: "странно, неужели я здесь один? неужели никто не сообразил, что гораздо лучше сидеть здесь, нежели ползать по пустырям с завязанными гла- зами или торчать в смердящем болоте? " -он присло- нился спиной к горячей фанере и упер босые ноги в горячую фанеру напротив, и почувствовал, что ему хо- чется мурлыкать. Над головой у него была узкая щель, и он видел полоску белесого от луны неба и на ней несколько неярких звездочек. Откуда-то доносился гул, треск, рев моторов, но это его нисколько не ка- салось.

"хорошо бы здесь остаться навсегда, -подумал он. -раз уж мне не уйти на материк, останусь здесь навсегда. Подумаешь машины! Все мы машины. Только мы - испорченные машины или плохо отлаженные".

... Есть такое мнение, господа, что человек ни- когда на договорится с машиной. И не будем, гражда- не, спорить. Директор тоже так считает. Да и клавдий-октавиан домарощинер этого же мнения при- держивается. Ведь что есть машина? Неодухотворенный механизм, лишенный всей полноты чувств и не могущий быть умнее человека. Опять же и структура небелковая, опять же и жизнь нельзя свести к физическим и химическим процессам, а значит, и разум... Тут на трибуну взобрался интелектуал-лирик с тремя подбо- родками и галстуком-бабочкой, рванул себя безжа- лостно за крахмальную манишку и рыдающе провозгла- сил: "я не могу... Я не хочу этого... Розовое дитя, играющее погремушечкой... Плакучие ивы, склоняющиеся к пруду... Девочки в беленьких фартучках... Они читают стихи... Они плачут... Плачут!.. Над прекрасной строкой поэта... Я не желаю, чтобы электронное железо погасило эти глаза... Эти губы... Эти юные робкие перси... Нет, не станет машина умнее человека! Потому что я.., потому что мы... Мы не хотим этого! И этого не будет никогда! Никогда!!! Никогда!!! ". К нему потянулись со стаканами воды, а в четырехстах километрах над его снежными кудрями беззвучно, мертво, зорко прошел, нестерпимо блестя, автомати- ческий спутник-истребитель, начиненный ядерной взрывчаткой...

"я тоже этого не хочу, -подумал Перец. -но нельзя же быть таким глупым дураком. Можно, конечно, об'явить компанию по предотвращению зимы, шаманить, нажравшись мухомора, бить в бубны, выкрикивать заклинания, но лучше все-таки шить шубы и покупать валенки... Впрочем, этот седовласый опекатель робких персей покричит-покричит с трибуны, а потом утащит у любовницы масленку из футляра со швейной машинкой, подкрадется к какой-нибудь электронной громадине и станет мазать ей шестеренки, искательно заглядывая в циферблаты и почтительно хихикая, когда его долбает током. Боже спаси нас от седовласых глупых дураков. и не забудь при этом, боже спасти нас от умных дура- ков в картонных масках... ". -Я думаю, это у тебя сны, -произнес где-то наверху добродушный бас. -я по себе знаю, от снов иногда бывает очень неприятный осадок. Иногда даже наступает словно бы Паралич. Невозможно двигаться, невозможно работать, а потом все проходит. Надо бы тебе порабо- тать. Почему бы тебе не поработать? И все осадки растворятся в удовольствии. -Ах, да не могу я работать, -возразил капризный тонкий голос. -мне все надоело. Всегда одно и тоже: железо, пластмасса, бетон, люди. Я сыта этим по горло. Для меня в этом не осталось никакого удоволь- ствия. Мир так прекрасен и так разнообразен, а я си- жу на одном месте и умираю от скуки! -Взяла бы да переменила место, -проскрипел издали какой-то сварливый старик. -Легко сказать - перемени место! Вот я сейчас не на месте, и все равно мне тоскливо. А как трудно было уйти! -Ну, хорошо, -сказал рассудительный бас. -а что те- бе хочется? Это даже как-то непостижимо. Чего может хотеться, если не хочется работать? -Ах, как вы не понимаете? Я хочу жить полной жизнью. Я хочу увидеть новые места, получить новые впечатления, ведь здесь все одно и то же... -Отставить! -рявкнул оловянный голос. -болтовня! одно и то же - это хорошо. Постоянный прицел. Ясно? повторите! -Ах, да ну вас с вашими командами...

Разговаривали, несомненно, машины, Перец не видел их и никак не мог их себе представить, но ему чудилось, будто он притаился под прилавком игрушечного магазина и слушает, как беседуют игрушки, знакомые с детства, только огромные и поэтому страшные. Этот истерический тонкий голосок принадлежал конечно пятиметровой кукле жанне. На ней было пестрое платье из тюля, и у нее было толстое розовое неподвижное лицо с закаченными глазами, толстые, нелепо растопыренные руки и ноги со склеенными пальцами. А басом говорил медведь, исполинский винни пух, едва умещающийся в контейнере, незлобивый, лохматый, набитый опилками, коричневый, со стеклянными глазами-пугови- цами. И остальные были игрушками, но Перец еще не мог понять - какими. -Я полагаю, что следует все-таки тебе поработать, -проворчал винни пух. -ты, милочка, имей в виду, что здесь есть существа, которым повезло гораздо меньше, чем тебе. Например, наш садовник. Ему очень хочется работать. Но он сидит здесь и думает днем и ночью, потому что не окончательно еще разработал план дей- ствий. И никто не слыхал от него никаких жалоб. Од- нообразная работа - это тоже работа. Однообразное удовольствие - это тоже удовольствие. Это еще не причина для разговоров о смерти и тому подобном. -Ах, вас не поймешь, -сказала кукла жанна. -то у вас сны всему причиной, то я не знаю что. А у меня предчуствия. Я места себе не нахожу. Я знаю, что бу- дет страшный взрыв, и я вся разлечусь на мельчайшие брызги и превращусь в пар. Я знаю, я видела... -Отставить! -грянул оловянный голос. -не терплю! что вы знаете о взрывах? Вы можете бежать к гори- зонту с любой скоростью и под любым углом. И тот, кому надо, достанет вас с любого расстояния, и это будет настоящий взрыв, а не какой-нибудь интелли- гентный пар. Но разве тот, кому это надо - я? Никто этого не скажет, а если бы и хотел сказать, то не успел бы. Я знаю, что я говорю. Ясно? Повторите.

Во всем этом было много тупой самоуверенности. это был, наверняка, огромный заводной танк. С такой же точно тупой самоуверенностью он перебирал резино- выми гусеницами, карабкаясь через подставленный бо- тинок. -Я не знаю, что вы имеете в виду, -сказала кукла жанна. -но если я и прибежала сюда, к вам, к еди- нственным близким мне существам, то это по-моему еще не означает, что я намерена ради чьго бы-то ни было удовольствия бегать к горизонту под какими-то угла- ми. И вообще прошу обратить внимание, что я не с ва- ми разговариваю... А если речь идет о работе, то я не больная, я существо нормальное, и мне удоволь- ствия нужны, как и всем вам. Но это не настоящая ра- бота, какое-то фальшивое удовольствие. Я все жду моего, настоящего, а его нет, нет и нет. И я не знаю, в чем дело, а когда начинаю думать, то додумы- ваюсь до одних глупостей... -она всхлипнула. -Н-ну... -пробасил винни пух. -в общем-то, да... конечно... Только... Гм... -Все правильно! -заметил новый голос, очень звонкий и веселый. -девочка права... Настоящей работы нет... -Настоящая работа, настоящая работа! -ядовито проскрипел старик. -вдруг целые рудники настоящей работы. Эльдорадо! Копи царя соломона! Вон они ходят вокруг меня со своими больными внутренностями, со своими саркомами, с восхитительными свищами, с аппе- титнейшими аденоидами и апендиксами, с обыкновенным, но таким увлекательным кариесом, наконец! Давайте говорить откровенно. Они мешают, они не дают рабо- тать. Я не знаю, в чем тут дело, может быть, они из- дают какой-нибудь особый запах или излучают неиз- вестное поле, но когда они находятся рядом со мной, у меня начинается шизофрения. Я раздваиваюсь. Одна половина меня жаждет наслаждения, тянется схватить и сделать необходимое, сладостное, жаланное, а другая впадает в прострацию и забивает все вечными вопроса- ми: а стоит ли, а зачем, морально ли это... Вот вы, я про вас говорю, вы что, работаете? -Я? -сказал винни пух. -конечно... А как же?.. странно даже от вас слышать, не ожидал... Я кончаю проектирование вертолета и потом... Ведь я рассказы- вал, что создал превосходный тягач, это было такое наслаждение... По-моему у вас нет оснований сомне- ваться, работаю ли я. -Да не сомневаюсь я, не сомневаюсь, -проскрипел старик. (гнусный такой, тряпичный старикашка, не то гоблин, не то астролог, в черной плюшевой мантии с золотыми блестками.) -вы мне только скажите, где этот тягач? -Н-ну... Не понимаю даже... Откуда я знаю? И какое мне дело? Сейчас меня интересует вертолет... -Об этом и речь! -сказал астролог. -вам ни до чего нет дела. Вы всем довольны. Вам никто не мешает. Вам даже помогают! Вот вы разродились тягачом, захлебы- ваясь от удовольствия, и люди сейчас же убрали его от вас, чтобы вы не отвлекались на мелочи, а наслаждались бы по большому счету. А вот вы спросите его, помогают ему люди или нет... -Мне? -взревел танк. -дерьмо! Отставить! Когда кое-кто выходит на полигон и решает немного размять- ся, продлить удовольствие, поиграть, взять цель в азимутальную или, скажем, вертикальную вилку, они поднимают шум и гам, они поднимают крик, от которого становится противно, и любой впадает в расстройство. но разве я сказал, что этот любой - я? Нет! Этого вы от меня не дождетесь. Ясно? Повторите! -И я, и я тоже! -затрещала кукла жанна. -сколько раз я уже думала, зачем они существуют? Ведь все в мире имеет смысл, правда? А они, по-моему, не имеют. наверное, их нет, это просто галлюцинации. Когда пы- таешься проанализировать их, взять пробу из нижней части, из верхней части, из середины, то обязательно натыкаешься на стену или пробегаешь мимо, или вдруг засыпаешь... -Они несомненно существуют, глупая вы истеричка! -проскрипел астролог. -у них есть и верхняя часть, и нижняя, и средняя, и все эти части заполнены бо- лезнями. Я не знаю ничего более восхитительного, ни- какое другое существо не несет в себе столько об'ек- тов наслаждения, как люди. Что вы понимаете в смысле их существования? -Да бросте вы усложнять! -сказал звонкий голос. -они просто красивы. Истинное удовольствие смотреть на них. Не всегда, конечно, но вот представьте себе сад. Пусть это будет сколь угодно прекрасный сад, но без людей он не будет совершенен, не будет закончен. хоть один вид людей должен обязательно оживлять его. пусть это будут маленькие люди с голыми конечностя- ми, которые никогда не ходят, а только бегают и бро- сают камни... Или средние люди, рвущие цветы... Все равно. Пусть даже лохматые люди, которые бегают на четырех конечностях. Сад без них не сад... -Кое-кого тоска берет слушать эту бессмыслицу, -заявил танк. -вздор! Сады ухудшают видимость, а что касается людей, то кое-кому они мешали беспрерывно, и что-нибудь хорошее о них сказать просто нельзя. Во всяком случае стоит кому-нибудь дать ха-арроший залп по сооружению, в котором почему-либо находятся люди, как пропадает всякое желание работать, тянет поспать, и любой, кто это сделал, засыпает. Нату- рально, я говорю это не о себе, но если бы кто-ни- будь и сказал это обо мне, разве стали бы вы возра- жать? -Что-то вы в последнее время много говорите о лю- дях, -сказал винни пух. -с чего бы ни начался разго- вор, вы обязательно сворачиваете на людей. -А почему, собственно, и нет? -сейчас же вз'елся астролог. -вам-то что до этого? Вы оппортунист! А если нам хочется говорить, то мы и будем говорить. не испрашивая у вас разрешения. -Пожалуйста, пожалуйста, -грустно сказал винни пух. -просто раньше мы говорили главным образом о живых существах, о наслаждении, о замыслах, а теперь я от- мечаю, что люди начинают занимать все большее место в наших разговорах, а значит, и в мыслях.

Наступило молчание. Перец, стараясь двигаться бесшумно, переменил позу - лег на бок и поджал колени к животу. Винни пух не прав. Пусть они говорят о людях, пусть они как можно больше говорят о людях. они, по-видимому, очень плохо знают людей, и поэтому очень интересно, что же они скажут. Устами младенцев глаголет истина. Когда люди сами говорят о себе, они либо бахвалятся, либо каются. Надоело... -Вы все достаточно глупы в своих суждениях, -сказал астролог. -вот, например, садовник. Я надеюсь вы по- нимаете, что я достаточно об'ективен, чтобы сопере- живать удовольствиями моих товарищей. Вы любите са- жать сады и разбивать парки. Прекрасно. Сопереживаю. но скажите на милость, причем здесь люди? Причем здесь люди, которые поднимают ножку около деревьев, или те, которые делают это иным способом? Я ощущаю здесь некое нездоровое эстество. Это как если бы, оперируя гланды, я для полноты удовольствия требо- вал, чтобы оперируемый был при этом замотан в цветную тряпку... -Просто вы суховаты по натуре, -заметил садовник, но астролог не слушал его. -Или вот вы, -продолжал он, -вы постоянно размахи- ваете своими бомбами и ракетами, вы расчитываете уп- реждения и балуетесь с целеуловителями. Не все ли вам равно, есть ли в сооружении люди или нет? Каза- лось бы, наоборот, вы могли бы подумать о своих то- варищах, обо мне, например. Сшивать раны! -произнес он мечтательно. -вы представить себе не можете, что это такое - сшивать хорошую рваную рану на животе... -Опять о людях, опять о людях, -сокрушенно сказал винни пух. -седьмой вечер мы говорим только о людях. мне странно говорить об этом, но по-видимому, между вами и людьми возникла некая, пока неопределенная, но достаточно прочная связь. Природа этой связи для меня совершенно неясна, если не считать вас, доктор, для кого люди являются необходимым источником удо- вольствия... Вообще все это мне кажется нелепым, и по-моему настала пора... -Отставить! -прорычал танк. -пора еще не настала. -Ч-что? -спросил винни пух растерянно. -Пора еще не настала, говорю я, -повторил танк. -некоторые, конечно, неспособны знать, настала пора или нет, некоторые - я не называю их - не знают даже о том, что такая пора должна настать, но кое-кто знает совершенно точно, что неизбежно наступит вре- мя, когда по людям, находящимся внутри сооружений стрелять будет не только можно, но даже и нужно! А кто не стреляет -тот враг! Преступник! Уничтожить! ясно? Повторите! -Я догадываюсь о чем-то подобном, -неожиданно мягким голосом произнес астролог. -рваные раны... газовая гангрена... Радиоактивный ожог третьей сте- пени... -Все они призраки, -вздохнула кукла жанна. -какая тоска! Какая печаль!.. -Раз уж вы никак не можете кончить говорить о лю- дях, -сказал винни пух, -то давайте попытаемся выяс- нить природу этой связи. Попытаемся рассуждать логи- чески... -Одно из двух, -сказал новый голос, размеренный и скучный. -если упомянутая связь существует, то доми- нантными являются либо они, либо мы. -Глупо, -сказал астролог. -причем здесь "либо"? Ко- нечно мы. -А что такое "доминантный"? -спросила кукла жанна несчастным голосом. -Доминантный в данном контексте означает превалирующий, -пояснил скучный голос. -что же касается самой постановки вопроса, то она является не глупой, а единственно верной, если мы собираемся рассуждать логически. Натупила пауза. Все видимо, ждали продолжения. наконец винни пух не выдержал и спросил: "ну?" -Я не уяснил себе, собираетесь ли вы рассуждать ло- гически? -сказал скучный голос. -Да, да, собираемся, -загомонили машины. -В таком случае, принимая существование связи, как аксиому, либо они для вас, либо вы для них. Если они для вас и мешают вам действовать в соответствии с законами вашей природы, они должны быть устранены, как устраняется любая помеха. Если вы для них, но вас не удовлетворяет такое положение вещей, они также должны быть устранены, как устраняется всякий источник неудовлетворительного положения вещей. Это все, что я могу сказать по существу вашей беседы.

Никто больше не произнес ни слова, в контейнерах послышалась возня, скрип, щелканье, словно огромные игрушки устраивались спать, утомившись разговором, и еще чувствовалась повисшая в воздухе всеобщая неловкость, как в компании людей, которые долго болтали языками, не щадя ради красного словца ни матери, ни отца, и вдруг почувствовали, что зашли в болтовне слишком далеко. "влажность что-то поднимается", -проскрипел вполголоса астролог. -"я уже давно заметила, -пропищала кукла жанна. -так приятно: новые цифры... " "и что это у меня питание барахлит, -проворчал винни пух. -садовник, у вас нет запасного аккумулятора на двадцать два вольта?" - "ничего у меня нет", -отозвался садовник. Потом послышался треск, будто отдирали фанеру, механический свист, и Перец вдруг увидел в узкой щели над собой что-то блестящее, движущееся, ему показалось, что кто-то заглядывает к нему в тень между ящиками, он облился холодным потом от ужаса, поднялся, вышел на цыпочках в лунный свет и, сорвавшись, побежал к дороге. Он бе- жал изо всех сил, и ему все казалось, что десятки странных нелепых глаз провожают его и видят, какой он маленький, жалкий, беззащитный на открытой всем ветрам равнине, и смеются, что тень его гораздо больше его самого и что он от страха забыл надеть ботинки и теперь боится вернуться за ними.

Он миновал мост через сухой овраг и уже видел пе- ред собой окраинные домики управления, и уже почувствовал, что задыхается и что босым пальцам нестерпимо больно, и хотел остановиться, когда сквозь шум собственного дыхания услыхал позади дробный топот множества ног. И тогда, вновь потеряв голову от страха, он помчался из последних сил, не чувствуя под собою земли, не чувствуя своего тела, отплевывая липкую тягучую слюну, ничего больше не соображая. Луна мчалась рядом с ним над равниной, а топот приближался и приближался, и он подумал: все, конец, и топот настиг его, и кто-то огромный, белый, жаркий, как распаленная лошадь, появился рядом, заслонив луну, вырвался вперед и стал медленно удаляться, в неистовом ритме выбрасывая длинные голые ноги, и Перец увидел, что это человек в футболке с номером "14" и в белых спортивных трусах с темной полосой, и перцу стало еще страшнее. Множественный топот за его спиной не прекращался, слышались стоны и болезненное вскрикИвание. "бегут, -подумал он истерически. -все бегут! Началось! И они бегут, только поздно, поздно, поздно!.. "

Он смутно видел по сторонам коттеджи главной ули- цы, и чьи-то замершие лица, а он все старался не от- стать от длинноногого человека номер 14, потому что не знал, куда надо бежать и где спасение, а может быть, где-нибудь уже раздают оружие, а я не знаю где, и опять окажусь в стороне, но я не хочу, не мо- гу быть сейчас в стороне, потому что они там, в ящи- ках, может быть и по-своему и правы, но они тоже мои враги...

Он влетел в толпу, и толпа расступилась перед ним, и перед его глазами мелькнул квадратный флажок в шахматную клетку, и раздались одобрительные возгласы, и кто-то знакомый побежал рядом, приговаривая: "не останавливайтесь, не останавливай- тесь... ". Тогда он остановился, и его тотчас обсту- пили и накинули на плечи атласный халат. Раскатистый радиоголос произнес: "вторым пришел Перец из отдела научной охраны, со временем семь минут двенадцать и три десятых секунды... Внимание, приближается третий! "

Знакомый человек, оказавшийся проконсулом, говорил: "вы просто молодец, Перец, я никак не мог ожидать. Когда вас об'явили на старте, я хохотал, а теперь вижу, что вас необходимо включить в основную группу. Сейчас идите отдыхайте, а завтра к двенадцати извольте на стадион. Надо будет преодолеть штурмовую полосу. Я вас пущу за слесарные мастерские... Не спорьте, с кимом я договорюсь". Пе- рец огляделся. Вокруг было много знакомых людей и неизвестных в картонных масках. Неподалеку подбрасы- вали в воздух и ловили длинноногого мужчину, который прибежал первым. Он взлетал под самую луну, прямой как бревно, прижимая к груди большой металлический кубок. Поперек улицы висел плакат с надписью "фи- ниш", а под плакатом стоял, глядя на секундомер, клавдий-октавиан домарощинер в строгом черном пальто и с повязкой: "гл. Судья" на рукаве. "... И если бы вы бежали в спортивной форме, -бубнил проконсул, -можно было бы засчитать вам это время, официально". Перец отодвинул его локтем и на подгибающихся ногах побрел сквозь толпу. -... Чем потеть от страха, сидя дома, -говорили в толпе. -лучше заняться спортом. -То же самое я только что говорил домарощинеру. Но дело здесь не в страхе, не заблуждайтесь. Следовало упорядочить беготню поисковых групп. Поскольку все и так бегают, пусть хоть бегают с пользой... -А чья затея? Домарощинера! Этот своего не упустит. талант!.. -Напрасно все-таки бегают в кальсонах. Одно дело - выполнять в кальсонах свой долг, это почетно. Но соревноваться в кальсонах - это по-моему типичный организационный просчет. Я буду об этом писать...

Перец выбрался из толпы и, шатаясь, побрел по густой улице. Его тошнило, болела грудь, и он представлял себе, как те, в ящиках, вытянув ме- таллические шеи, с изумлением глядят на дорогу, на толпу в кальсонах и с завязанными глазами, и тщетно силятся понять, какая существует связь между ними и деятельностью этой толпы, и понять, конечно, не мо- гут, и то, что служит у них источниками терпения, уже готово иссякнуть...

В коттедже кима было темно, плакал грудной ребенок. Дверь гостиницы оказалась забита досками, и окна тоже были темными, а внутри кто-то ходил с потайным фонарем, и Перец заметил в окнах второго этажа чьи- -то бледные лица, осторожно выглядывающие наружу. Из дверей библиотеки торчал бесконечно длинный ствол пушки с толстым дульным тормозом, а на проти- воположной стороне улицы догорал сарай, и по пожари- щу бродили озаряемые багровым пламенем люди в картонных масках и с миноискателями.

Перец направился в парк. Но в темном переулке к нему подошла женщина, взяла его за руку и, не говоря ни слова, куда-то повела. Перец не сопротивлялся, ему было все равно. Она была вся в черном, рука ее была теплая и мягкая, и белое лицо светилось в темноте. "алевтина, -подумал Перец. -вот она и дождалась своего часа, -думал он с откровенным бесстыдством. -а что тут такого? Ведь ждала же. Не- понятно, почему, непонятно, на что я ей сдался, но ждала именно меня... "

Они вошли в дом, алевтина зажгла свет и сказала: -Я тебя здесь давно жду. -Я знаю, -сказал он. -А почему же ты шел мимо? "в самом деле, почему? -подумал он. -наверное, потому, что мне было все равно. " -Мне было все равно, -сказал он. -Ладно, это неважно, -сказала она. -присядь, я сей- час все приготовлю.

Он присел на край стула, положив руки на колени, и смотрел, как она сматывает с шеи черную шаль и ве- шает ее на гвоздь - белая, полная, теплая. Потом она ушла в глубь дома, и там загудела газовая колонка и заплескалась вода. Он почувствовал сильную боль в ступнях, задрал ногу и посмотрел на босую подошву. подушечки пальцев были сбиты в кровь, и кровь смеша- лась с пылью и засохла черными корочками. Он представил себе, как опускает ноги в горячую воду, и как сначала это очень больно, а потом боль проходит и наступает успокоение. "буду сегодня спать в ванне, -подумал он. -а она пусть приходит и добавляет горячей воды". -Иди сюда, -позвала алевтина.

Он с трудом поднялся, ему показалось, что у него сразу болезненно заскрипели все кости и, прихрамывая пошел по рыжему ковру к двери в коридор, а в коридоре - по черно-белому ковру в тупичок, где дверь в ванную была уже распахнута, и деловито гудело синее пламя в газовой колонке, и блестел кафель, и алевтина, нагнувшись над ванной, высыпала в воду какие-то порошки. Пока он раздевался, сдирая с себя задубевшее от грязи белье, она взбила воду, и над водой поднялось одеяло пены, выше краев поднялась бе- лоснежная пена, и он погрузился в эту пену, закрыв глаза от наслаждения и боли в ногах, а алевтина при- села на край ванны и, ласково улыбаясь, глядела на него, такая добрая, такая приветливая, и не было сказано ни единого слова о документах...

Она мыла ему голову, а он отплевывался и отфырки- вался, и думал, какие у нее сильные, умелые руки, совсем как у мамы, и готовит она, наверное, так же вкусно, как мама, а потом она спросила: "спину тебе потереть? " он похлопал себя ладонью по уху, чтобы выбить воду и мыло, и сказал: "ну, конечно, еще бы!.. " она продрала ему спину жесткой мочалкой и включила душ. -Подожди, -сказал он. -я хочу еще полежать просто так. Сейчас я эту воду выпущу, наберу чистую и поле- жу просто так, а ты посиди здесь. Пожалуйста.

Она выключила душ, вышла ненадолго и вернулась с табуреткой. -Хорошо! -сказал он. -знаешь, мне никогда еще не было здесь так хорошо. -Ну вот, - улыбнулась она. -а ты все не хотел. -Откуда же мне было знать? -А зачем тебе все обязательно знать заранее? Мог бы просто попробывать. Что ты терял? Ты женат? -Не знаю, -сказал он. -теперь, кажется, нет. -Я так и думала. Ты, наверное, ее очень любил. Ка- кая она была? -Какая она была... Она ничего не боялась. И она бы- ла добрая. Мы с нею вместе бредили про лес. -Про какой лес? -Как - про какой? Лес один. -Наш, что ли? -Он не ваш. Он сам по себе. Впрочем, может быть он действительно наш. Только трудно себе представить это. -Я никогда не была в лесу, -сказала алевтина. -там, говорят, страшно. -Непонятное всегда страшно. Хорошо бы научиться не бояться непонятного, тогда все было бы просто. -А по-моему просто не надо выдумывать, -сказала она. -если поменьше выдумывать, тогда на свете не будет ничего непонятного. А ты, перчик, все время выдумываешь. -А лес? -напомнил он. -А что - лес? Я там не была, но попади я туда, не думаю, чтобы очень растерялась. Где лес, там тро- пинки, где тропинки, там люди, а с людьми всегда до- говориться можно. -А если не люди? -А если не люди, так там делать нечего. Надо держаться людей, с людьми не пропадешь. -Нет, -сказал Перец. -это все не так просто. Я вот с людьми прямо-таки пропадаю. Я с людьми ничего не понимаю. -Господи, да чего ты, например, не понимаешь? -А ничего не понимаю. Я между прочим, поэтому и о лесе мечтать начал. Но теперь я вижу, что в лесу не легче.

Она покачала головой. -Какой же ты еще ребенок, -сказала она. -как же ты еще никак не можешь понять, что ничего нет на свете, кроме любви, еды и гордости. Конечно, все запутано в клубок, но только за какую ниточку ни потянешь, обя- зательно придешь или к любви, или к власти, или еде... -Нет, -сказал Перец. -так я не хочу. -Милый, -сказала она тихонько. -а кто же тебя ста- нет спрашивать, хочешь ты или нет... Разве что я те- бя спрошу: и чего ты, перчик, мечешься, какого рожна тебе надо? -Мне кажется сейчас уже ничего не надо, -сказал пе- рец. -удрать бы отсюда подальше и заделаться архива- риусом... Или реставратором. Вот и все мои желания. Она снова покачала головой. -Вряд ли. Что-то у тебя слишком сложно получается. тебе что-нибудь попроще надо. Он не стал спорить, и она поднялась. -Вот тебе полотенце, -сказала она. -вот здесь я белье положила. Вылезай, будем чай пить. Чаю напь- ешься с малиновым вареньем и ляжешь спать.

Перец уже выпустил всю воду и, стоя в ванне, вытирался огромным мохнатым полотенцем, когда звякнули стекла и донесся глухой отдаленный удар. И тогда он вспомнил склад техники и глупую истерическую куклу жанну и крикнул: -Что это? Где? -Это машинку взорвали, -отозвалась алевтина. -не бойся. -Где? Где взорвали? На складе? Некоторое время алевтина молчала, видимо, смотре- ла в окно. -Нет, -сказала она наконец. -почему на складе? В парке... Вон дым идет... А забегали-то все, а забе- гали...

Г л а в а ш е с т а я

Леса видно не было. Вместо леса под скалой и до самого горизонта лежали плотные облака. Это было по- хоже на заснеженное ледяное поле: торосы, снежные барханы, полыньи и трещины, таящие бездонную глуби- ну, - и если прыгнуть со скалы вниз, то не земля, не теплые болота, не распростертые ветви остановят те- бя, а твердый искрящийся на утреннем солнце лед, припорошенный сухим снегом, а ты останешься лежать под солнцем на льду, плоский, неподвижный, черный. И еще, если подумать, это было похоже на старое, хоро- шо выстиранное белое покрывало, наброшенное на верхушки деревьев.

Перец поискал вокруг себя, нашел камешек, покидал его с ладони на ладонь и подумал, какое это все-таки хорошее местечко над обрывом: и камешки здесь есть, и управление здесь не чувствуется, вокруг дикие ко- лючие кусты, немятая выгоревшая трава, и даже ка- кая-то пташка позволяет себе чирикать, только не на- до смотреть направо, где нахально сверкает на солнце свежей краской подвешенная над обрывом роскошная латрина на четыре очка. Правда, до нее довольно да- леко, и при желании можно заставить себя вообразить, что это беседка или какой-нибудь научный павильон, но все-таки лучше бы ее не было.

Может быть, именно из-за этой новенькой, возведенной в прошлую беспокойную ночь латрины, лес закрылся облаками. Впрочем вряд ли. Не станет лес закутываться до горизонта из-за такой малости, он и не такое видел от людей.

"во всяком случае, -подумал Перец, -я каждое утро смогу приходить сюда. Я буду делать, что мне прикажут, буду считать на испорченном "мерседесе", буду преодолевать штурмовую полосу, буду играть в шахматы с менеджером и попробую даже полюбить кефир: на- верное, это не так уж трудно, если большинству людей это удалось. А по вечерам (и на ночь) я буду ходить к алевтине, есть малиновое варенье и лежать в ди- ректорской ванне. В этом даже что-то есть, подумал он: вытираться директорским полотенцем, запахиваться в директорский халат и греть ноги в директорских шерстяных носках. Два раза в месяц я буду ездить на биостанцию получать жалованье и премии, не в лес, а именно на биостанцию, и даже не на биостанцию, а в кассу, не на свиданье с лесом и не на войну с лесом, а за жалованьем и за премией. А утром, рано утром, я буду приходить сюда и смотреть на лес издали, и кидать в него камушки".

Кусты позади с треском раздвинулись. Перец осторожно оглянулся, но это был не директор, а все тот же домарощинер. В руках у него была толстая папка, и он остановился поодаль, глядя на Переца сверху вниз влажными глазами. Он явно что-то знал, что-то очень важное, и принес сюда к обрыву эту странную тревожную новость, которой не знал никто в мире, кроме него, и ясно было, что все прежнее теперь уже не имеет значения и от каждого потребуется все, на что он способен. -Здравствуйте, -сказал он и поклонился, прижимая папку к бедру. -доброе утро. Как отдыхали? -Доброе утро, -сказал Перец. -спасибо. -Влажность сегодня семьдесят шесть процентов, -сообщил домарощинер. -температура - семнадцать гра- дусов. Ветра нет. Облачность - ноль баллов. -он неслышно приблизился, держа руки по швам и, накло- нившись к Перецу корпусом, продолжал: -дубль-вэ се- годня равно шестнадцати... -Какое дубль-вэ? -спросил Перец, поднимаясь. -Число пятен, быстро сказал домарощинер. Глаза его забегали. -на солнце, -сказал он. -на с-с-с... -он замолчал, пристально глядя Перецу в лицо. -А зачем вы мне это говорите? -спросил Перец с неприязнью. -Прошу прошения, -быстро сказал домарощинер. -боль- ше не повторится. Значит только влажность, об- лачность... Гм... Ветер и... О противостояниях тоже прикажите не докладывать? -Слушайте, -сказал Перец мрачно. -что вам от меня надо?

Домарощинер отступил на два шага и склонил голову. -Прошу прощения, -сказал он. -возможно, я помешал, но есть несколько бумаг, которые требуют... Так ска- зать, немедленного... Вашего личного... Он протянул Перецу папку, как пустой поднос. -прикажете доложить? -Знаете что... -сказал Перец мрачно. -что вам от меня надо? -Да-да? -сказал домарощинер. Не выпуская папки, он стал поспешно шарить по карманам, словно бы ища блокнот. Лицо его посинело, как бы от усердия.

Дурак и дурак, подумал Перец, стараясь взять себя в руки. Что с него взять? -Глупо, -сказал он по возможности сдержанно. -пони- маете? Глупо и нисколько не остроумно. -Да-да, -сказал домарощинер. Изогнувшись, придержи- вая папку локтем и бедром, он бешено строчил в блокноте. -одну секунду... Да-да? -Что вы там пишете? -спросил Перец. Домарощинер с испугом взглянул на него и прочи- тал: "пятнадцатого июня... Время: семь сорок пять... место: над обрывом... " -Слушайте, домарощинер, -сказал Перец с раздражени- ем. -какого черта вам от меня надо? Что вы все время за мной шляетесь? Хватит, надоело! (домарощинер строчил.) и шутка эта ваша глупая, и нечего около меня шпионить. Постыдились бы, взрослый человек... да перестаньте вы писать, идиот! Глупо же! Лучше бы зарядку сделали или умылись, вы только поглядите на себя, на что вы похожи! Тьфу!

Дрожащими от ярости пальцами он стал застегивать ремешки на сандалиях. -Правду, наверное, про вас говорят, -пыхтел он, -что вы везде крутитесь и все разговоры записываете. я думал, это шутки у вас такие дурацкие... Я верить не хотел, я вообще таких вещей не терплю, но вы уж, видно, совсем обнаглели...

Он выпрямился и увидел, что домарощинер стоит по стойке смирно, и по щекам его текут слезы. -Да что с вами сегодня? -испугавшись, спросил пе- рец. -Я не могу... -пробормотал домарощинер, всхлипывая. -Чего не можете? -Зарядку... Печень у меня... Справка... И умывать- ся. -Да господи боже мой, -сказал Перец. -ну не можете и не надо, я просто так сказал... Ну что вы, в самом деле, за мной ходите? Ну поймите вы меня, ради бога, неприятно же это... Я против вас ничего не имею, но поймите... -Не повторится! -восторженно вскричал домарощинер. слезы на его щеках мгновенно высохли. -никогда боль- ше! -А ну вас, -сказал Перец устало и пошел сквозь кусты. Домарощинер ломился следом. "паяц старый, -подумал Перец. -юродивый..." -Весьма срочно, -бормотал домарощинер, тяжело дыша. -только крайняя необходимость... Ваше личное внимание...

Перец оглянулся. -Какого черта! -воскликнул он. -это же мой чемодан, отдайте его сюда, где вы его взяли? Домарощинер поставил чемодан на землю и открыл было кривой от удушья рот, но Перец его слушать не стал, а схватился за ручку чемодана. Тогда домарощи- нер, так ничего и не сказав, лег на чемодан животом. -Отдайте чемодан! -сказал Перец, леденея от ярости. -Ни за что! -просипел домарощинер, ерзая коленками по гравию. Папка мешала ему, он взял ее в зубы и об- нял чемодан обеими руками. Перец рванул изо всех сил и оторвал ручку. -Прекратите это безобразие! -сказал он. -сейчас же!

Домарощинер помотал головой и что-то промычал. Перец расстегнул воротник и растерянно огляделся. В тени дуба неподалеку стояли почему-то два инженера в картонных масках. Поймав его взгляд, они вытянулись и щелкнули каблуками. Тогда Перец, затравленно озираясь, торопливо пошел по дорожке вон из парка. Всякое уже, кажется бывало, -лихорадочно думал он, -но это уж совсем... Это они уже сговорились... Бежать, бежать надо! Только как бежать? Он вышел из парка и повернул было к столовой, но на пути его снова оказался домарощинер, грязный и страшный. Он стоял с чемоданом на плече, синее лицо его было залито не то слезами, не то водой, не то потом, глаза, затянутые белой пленкой, блуждали, а папку со следами клыков он прижимал к груди. -Не сюда изволите... -прохрипел он. - умоляю... В кабинет... Невыносимо срочно... Притом, интересы су- бординации...

Перец шарахнулся от него и побежал по главной улице. Люди на тротуарах стояли столбом, закинув го- ловы и выкатив глаза. Грузовик, мчавшийся навстречу, затормозил с диким визгом, врезался в газетный ки- оск, из кузова посыпались люди с лопатами и начали строиться в две шеренги. Какой-то охранник прошел мимо строевым шагом, держа винтовку на караул...

Дважды Перец пытался свернуть в переулок, и каждый раз перед ним оказывался домарощинер. Домарощинер уже не мог говорить, он только мычал и рычал, умоляюще закатывая глаза. Тогда Перец побежал к зда- нию управления. "ким, -думал он лихорадочно. -ким не позволит... Неужели и ким?.. Запрусь в уборной... пусть попробуют... Ногами буду бить... Теперь все равно... "

Он ворвался в вестибюль, и сейчас же с медным дребезгом сводный оркестр грянул встречный марш. мелькнули напряженные лица, вытаращенные глаза, выгнутые груди. Домарощинер настиг его и погнал по парадной лестнице, по малиновым коврам, по которым никогда никому не разрешалось ходить, через какие-то незнакомые двусветные залы, мимо охранников в па- радной форме при орденах, по вощеному скользкому паркету, наверх, на четвертый этаж, и дальше, по портретной галерее, и снова наверх, на пятый этаж, мимо накрашенных девиц, замерших, как манекены, в какой-то роскошный, озаренный лампами дневного света тупик, к гигантской кожаной двери с табличкой "ди- ректор". Дальше бежать было некуда.

Домарощинер догнал его, проскользнул у него под локтем, страшно, как эпилептик, захрипел и распахнул перед ним кожаную дверь. Перец вошел, погрузился ступнями в чудовищную тигровую шкуру, погрузился всем своим существом в строгий начальственный сумрак приспущенных портьер, в благородный аромат дорогого табака, в ватную тишину, в размеренность и спокой- ствие чужого существования. -Здравствуйте, -сказал он в пространство. Но за ги- гантским столом никого не было. И никто не сидел в огромных креслах. И никто не встретил его взглядом, кроме мученика селИвана на исполинской картине, за- нимавшей всю боковую стену.

Позади домарощинер со стуком уронил чемодан. Пе- рец вздрогнул и обернулся. Домарощинер стоял, шата- ясь, и протягивал ему папку, как пустой поднос. Гла- за у него были мертвые, стеклянные. Сейчас умрет че- ловек, подумал прец. Но домарощинер не умер. -Необычайно срочно... -просипел он, задыхаясь. -без визы директора невозможно... Личной... Никогда бы не осмелился... -Какого директора? -прошептал Перец. Страшная до- гадка начала смутно формироваться в его мозгу. -Вас... -просипел домарощинер. -без вашей визы... отнюдь...

Перец оперся о стол и, придерживаясь за его полированную поверхность, побрел в обход к креслу, которое показалось ему самым близким. Он упал в прохладные кожаные об'ятия и обнаружил, что слева стоят ряды разноцветных телефонов, а справа тома в тисненных золотом переплетах, а прямо - монументальная чернильница, изображающая тангейзера и венеру, а над нею - белые умоляющие глаза домарощинера и про- тянутая папка. Он стиснул подлокотники и подумал: "ах, так? Дряни вы, сволочи, холопы... Так, да? Ну- -ну, подонки, холуи, картонные рыла... Ну хорошо, пусть будет так... " -Не трясите папкой над столом, -сказал он сурово. -дайте ее сюда.

В кабинете возникло движение, мелькнули тени, взлетел легкий вихрь, и домарощинер оказался рядом, за правым плечом, и папка легла на стол, и раскрылась, словно бы сама собою, выглянули листы отличной бумаги, и он прочитал слово, напечатанное крупными буквами: "п р о е к т" -Благодарю вас, -сказал он сурово. -вы можете идти. И снова взлетел вихрь, возник и исчез легкий за- пах пота, и домарощинер был уже около дверей и пя- тился, наклонив корпус и держа руки по швам, -страшный, жалкий и готовый на все. -Одну минутку, -сказал Перец. Домарощинер замер. -вы можете убить человека? -спросил Перец. Домарощинер не колебался. Он выхватил малый блокнот и произнес. -Слушаю вас? -А совершить самоубийство? -спросил Перец. -Что? -сказал домарощинер. -Идите, -сказал Перец. -я вас потом вызову. Домарощинера не стало. Перец откашлялся и потер щеки. -Предположим, -сказал он вслух. -а что дальше?

Он увидел на столе табель-календарь, перевернул страничку и прочитал то, что было записано на сегодняшний день. Почерк бывшего директора разочаровал его. Директор писал крупно и разборчиво, как учитель чистописания. "завгруппами 9. 30. Осмотр ноги 10. 30. але пудру. Кефир-зефир попроб. Машинизация. Катушка: кто украл? Четыре бульдозера!!! " "к черту бульдозеры, -подумал Перец, -все: ника- ких бульдозеров, никаких экскаваторов, никаких пиля- щих комбайнов искоренения... Хорошо бы заодно кастрировать тузика - нельзя, жаль... И еще этот склад машин. Взорву, решил он. Он представил себе управление - вид сверху - и понял, что очень многое нужно взрывать. Слишком многое... Взрывать и дурак умеет", -подумал он.

Он выдвинул средний ящик и увидел там кипы бумаг, и тупые карандаши, и два филателистических зубцеме- ра, и поверх всего этого - витой золотой генераль- ский погон. Один погон. Он поискал второй, шаря ру- ками под бумагами, укололся о кнопку и нашел связку ключей от сейфа. Сам сейф стоял в дальнем углу, очень странный сейф, декорированный под сервант. Пе- рец поднялся и пошел через кабинет к сейфу, огляды- ваясь по сторонам и замечая очень много странного, чего он не заметил раньше.

Под окном стояла хоккейная клюшка, рядом с нею костыль и протез ноги в ботинке с ржавым коньком. В глубине кабинета оказалась еще одна дверь, поперек нее была натянута веревка, а на веревке висели черные плавки и несколько штук носков в том числе и дырявые. На двери была потемневшая металлическая табличка с вырезанной надписью "скот". На подоконнике стоял полускрытый портьерой небольшой аквариум, в чистой прозрачной воде среди разноцветных водорослей мерно шевелил ветвистыми жабрами жирный черный аксо- лотль. А из-за картины, изображающей селИвана, торчал роскошный капельмейстерский бунчук с конскими хвостами...

Перец долго возился возле сейфа, подбирая ключи. наконец, он распахнул тяжелую броневую дверцу. Изнутри дверца оказалась оклеена неприличными картинками из фотожурналов для мужчин, а в сейфе почти ничего не было. Перец нашел там пенсне с расколотым левым стеклом, мятый картуз с непонятной кокардой и фотографию незнакомого семейства (оскалившийся отец, мать - губки бантиком и двое мальчиков в кадетской форме). Был там парабелум, хорошо вычищенный и ухоженный, с единственным патроном в стволе, еще один витой генеральский погон и железный крест с дубовыми листьями. В сейфе еще была кипа папок, но все они были пустые, и только в самой нижней оказался черновой проект приказа о наложении взыскания на шофера тузика за систематическое непосещение музея истории управления. "так его, так его, негодяя -пробормотал Перец. -подумать только, музея не посещает... Этому делу надо дать ход".

Все время этот тузик, что за елки-палки? Свет на нем клином сошелся, что ли? То есть, в известном смысле сошелся... Кефироман, бабник отвратительный, резинщик... Впрочем, все шоферы резинщики... Нет, это надо прекратить: кефир, шахматишки в рабочее время. Между прочим, что это считает ким на ис- порченном "мерседесе"? Или это так и надо - ка- кие-нибудь стохастические процессы... Слушай, Перец, ты что-то очень мало знаешь. Ведь все работают. никто почти не отлынивает. Все заняты, ни у кого нет времени. Приказы исполняются, это я знаю, это я сам видел.

Вроде все в порядке: охранники охраняют, во- дители водят, инженеры строят, научники пишут статьи, кассиры выдают деньги... "слушай, Перец, -подумал он, -а может быть, вся эта карусель для то- го и существует, чтобы все работали? В самом деле хороший механик чинит машину за два часа. А потом? А остальные двадцать два часа? А если к тому же на ма- шинах работают опытные рабочие, которые машин не портят? Само же собой напрашивается: хорошего меха- ника перевести в повара, а повара в механики. Тут не то что двадцать два часа - двадцать два года за- полнить можно. Нет, в этом есть какая-то логика. Все работают, выполняют свой человеческий долг, не то что обезьяны какие-нибудь... И дополнительные специальности приобретают... В общем-то нет в этом никакой логики, кавардак это сплошной, а не логика... бог ты мой, я тут стою столбом, а на лес гадят, лес искореняют, лес превращают в парк. Надо скорее что- -то делать, теперь я отвечаю за каждый гектар, за каждого щенка, за каждую русалку, я теперь за все отвечаю... "

Он засуетился, кое-как закрыл сейф, бросился к столу, отодвинул папку и вытащил чистый лист бумаги из ящика... "но здесь же тысячи людей, -подумал он. -установившиеся традиции, установившиеся отношения, они же будут смеятся надо мной... Он вспомнил потно- го и жалкого домарощинера и самого себя в приемной у директора. Нет, смеяться не будут. Плакать будут, жаловаться будут... Этому... Мосье ахти... Резать будут друг друга. Но не смеяться. Вот это самое ужа- сное, подумал он. Не умеют они смеяться, не знают они, что это такое и зачем. Люди, подумал он. Люди и людишки, и человечишки. Демократия нужна, свобода мнений, свобода ругани, соберу всех и скажу: ругай- те! Ругайте и смейтесь... Да, они будут ругать. - будут ругать долго, с жаром и упоением, поскольку так приказано, будут ругать за плохое снабжение ке- фиром, за плохую еду в столовой, дворника будут ру- гать с особенной страстью: улицы де который год не метены, шофера тузика будут ругать за системати- ческое непосещение бани, и в перерывах будут бегать в латрину над обрывом... Нет, так я запутаюсь, поду- мал он. Нужен какой-то порядок. Что у меня теперь есть? Он стал быстро и неразборчиво писать на листке: "группа искоренения леса, группа изучения леса, группа вооруженной охраны леса, группа помощи местному населению леса... ". Что там еще? Да! "группа инженерного проникновения в л. ". И еще... "группа научной охраны л. ". Все, кажется. Так. А чем они занимаются? Странно, мне никогда не приходило в голову, чем же они здесь занимаются. Более того, мне как-то не приходило в голову узнать, чем занимается управление вообще. Как это можно совмещать искорене- ние леса с охраной леса, да при этом еще помогать местному населению... Ну, вот что, -подумал он. -во-первых никаких, искоренений. Искоренение искоре- нить. Инженерное проникновение, наверное, тоже. Или пусть работают наверху, внизу им во всяком случае делать нечего. Пусть свои машины разбирают, пусть хорошую дорогу сделают, пусть болото это вонючее за- сыплют... Тогда что останется? Вооруженная охрана останется. С волкодавами. Ну вообще-то... Вообще-то лес охранять следует. Только вот... Он припомнил ли- ца известных ему охраников и в сомнении пожевал гу- бами. Н-да... Ну, ладно, ну, предположим. А управле- ние-то зачем? Я зачем! Распустить управление, что ли? -ему стало весело и жутко. "вот это да, -подумал он. -могу! Распущу и все, -подумал он. -кто мне судья? Я - директор, глава. Приказ - и все!.. "

Тут он вдруг услышал тяжелые шаги. Где-то совсем рядом. Зазвенели стекляшки на люстре, на веревке ко- лыхнулись сохнущие носки. Перец поднялся и на цы- почках подошел к маленькой дверце. Там, за дверцей, кто-то ходил, неровно, словно спотыкаясь, но больше ничего не было слышно, а в двери не было даже за- мочной скважины, чтобы посмотреть. Перец осторожно подергал ручку, но дверь не поддалась, "кто там?" -спросил он громко, приблизив губы к щели. Никто не отозвался, но шаги не стихли - словно пьяный там бродил, заплетаясь ногами. Перец снова подергал ручку, пожал плечами и вернулся на свое место.

"в общем, власть имеет свои преимущества, -подумал он. -управление я, конечно, распускать не буду, глупо, зачем распускать готовую, хорошо сколоченную организацию? Ее нужно просто повернуть, направить на настоящее дело. Прекратить вторжение в лес, усилить его осторожное изучение, попытаться найти контакты, учиться у него... Ведь они даже не понимают, что та- кое лес. Подумаешь, лес! Дрова и дрова... Научить людей любить лес, уважать его, жить его жизнью... нет, тут много работы. Настоящей, важной. И люди найдутся - ким, стоян... Рита... Господи, а менеджер чем плох?.. Алевтина... В конце концов и этот ахти тоже, наверное, фигура, умница, ерундой только за- нят... Мы им покажем, подумал он весело. Мы им еще покажем, черт побери! Ладно. А в каком состоянии те- кущие дела? "

Он придвинул к себе папку. На первом листе было написано следующее:

"п р о е к т д и р е к т и в ы о п р и в н е с е н и и п о р я д к а

*1. На протяжении последнего года управление по лесу существенно улучшило свою работу и достигло вы- соких показателей во всех областях своей деятельности. Освоены, изучены, искоренены и взяты под вооруженную и научную охрану многие сотни гектаров лесной территории. Непрерывно растет мастерство спе- циалистов и рядовых работников. Совершенствуется ор- ганизация, сокращаются непроизводительные расходы, устраняются бюрократические и другие непроиз- водственные препоны.

*2. Однако наряду с достигнутыми достижениями, вредоносное действие второго закона термодинамики, а также закона больших чисел все еще продолжает иметь место, несколько снижая общие высокие показатели. нашей ближайшей задачей становится теперь упраздне- ние случайностей, производящих хаос, нарушающих еди- ный ритм и вызывающих снижение темпов.

*3. В связи с вышеизложенным предлагается в даль- нейшем рассматривать проявления всякого рода случай- ностей незакономерными и противоречащими идеалу ор- ганизованности, а прикосновенность к случайностям (пробабилитность) - как преступное деяние, либо, ес- ли прикосновенность к случайности (пробабилитность) не влечет за собой тяжких последствий, - как серьез- нейшее нарушение служебной и производственной дисциплины.

*4. Виновность лица, прикосновенного к случай- ности (пробабилитика), определяется и измеряется статьями уголовного уложения NN62, 64, 65 (ис- ключ. П. П. С и о), 113 и 192п. К или ** администра- тивного кодекса 12, 15 и 97. Примечание: смертельный исход прикосно- венности к случайности (пробабилитности) не является как таковой Оправдывающим, либо смягчающим обстояте- льством. Осуждение, либо взыскание в этом случае производится Посмертно.

*5. Настоящая директива дана.... Месяца .... Дня.... Года. Обратной силы не имеет. Подпись: директор управления (........)" Перец облизал пересохшие губы и перевернул стра- ницу. На следующем листе был приказ об отдаче под суд, сотрудника группы научной охраны х. Тойти в соответствии с директивой "о привнесении порядка" "за злостное потакание закону больших чисел, выра- зившееся в подскользнутии на льду с сопутствующим повреждением голеностопного сустава, каковая преступная прикосновенность к случайности (пробаби- литность) имела место 11 марта с. Г. ". Сотрудника х. Тойти предлагалось впредь во всех документах име- новать пробабилитиком х. Тойти... Перец щелкнул зубами и посмотрел следующий листок. Это тоже был приказ: о наложении администра- тивного взыскания - штрафа в размере четырехмесячно- го жалования посмертно на собаковода вооруженной ох- раны г. Де монморанси, "беспечно позволившего себе быть пораженным атмосферным разрядом (молнией)". дальше шли заявления об отпусках, просьбы об еди- новременном пособии по случаю утери кормильца и об'- яснительная записка некоего ж. Люмбаго относительно пропажи какой-то катушки... -Какого черта! -сказал Перец вслух и снова прочитал проект директивы. Он вспотел. Проект был отпечатан на меловой бумаге с золотым обрезом. Посоветоваться бы с кем-нибудь, тоскливо подумал Перец, этак я совсем пропаду... Тут дверь распахнулась, и в кабинет, толкая перед собой столик на колесиках, вошла алевтина, одетая очень изысканно и модно, со строгим и серьезным вы- ражением на умело подкрашенном и припудренном лице. -Ваш завтрак, -сказала она деликатным голосом. -Закройте двери и идите сюда, -сказал Перец. Она закрыла дверь, толкнула столик ногой и, поправляя волосы, подошла к Перецу. -Ну что, пупсик? -сказала она, улыбаясь. -доволен ты теперь? -Слушай, -сказал Перец. -ерунда какая-то. Ты почи- тай. Она села на подлокотник, левой обнаженной рукой обняла Переца за шею, а правой обнаженной рукой взя- ла директиву. -Ну, знаю, -сказала она. -все правильно. В чем де- ло? Может быть тебе уголовное уложение принести? прежний директор тоже ни одной статьи и не помнил. -Да нет, подожди, -нетерпеливо сказал Перец. -при- чем здесь уложение... Причем здесь уложение! Ты чи- тала? -Не только читала, но и печатала. И стиль правила. домарощинер ведь писать не умеет, он и читать-то только здесь научился... Кстати, пупсик, -сказала она озабоченно, -домарощинер там ждет, в приемной, ты его во время завтрака прими, он это любит. Он те- бе бутерброды делать будет... -Да плевал я на домарощинера! -сказал Перец. -ты мне об'ясни что я... -На домарощинера плевать нельзя, -возразила алевти- на. -ты у меня еще, пупсик, ты у меня еще ничего не понимаешь... -она надавила Перецу на нос, как на кнопку. -у домарощинера есть два блокнотика. В один блокнотик он записывает, кто что сказал - для ди- ректора, а в другой блокнотик он записывает, что сказал директор. Ты, пупсик, это имей в виду и ни- когда не забывай. -Подожди, -сказал Перец. -я хочу с тобой посовето- ваться. Вот эту директиву... Этот бред я подписывать не буду. -Как это - не будешь? -А вот так. У меня рука не подымется - такое подпи- сать. Лицо алевтины стало строгим. -Пупсик, -сказала она. -ты не упирайся. Ты подпиши. это же очень срочно. Я тебе потом все об'ясню, а сейчас... -Да что тут об'яснять? -сказал Перец. -Ну, раз ты не понимаешь, значит, тебе нужно об'яс- нить. Вот я тебе потом и об'ясню. -Нет, ты мне сейчас об'ясни, -сказал Перец. -если можешь, -добавил он. -в чем я сомневаюсь. -Ух ты, мой маленький, -сказала алевтина и поцело- вала его в висок. Она озабоченно поглядела на часы. -ну, хорошо, ну, ладно. Она пересела на стол, подложила под себя руки и начала, глядя прищуренными глазами поверх головы пе- реца: -Существует административная работа, на которой стоит все. Работа эта возникла не сегодня и не вче- ра, вектор уходит своим основанием далеко в глубь времен. До сегодняшнего дня он овеществлен в су- ществующих приказах и директивах. Но он уходит и глубоко в будущее, и там он пока еще только ждет своего овеществления. Это подобно прокладке шоссе по трассированному участку. Там, где кончается асфальт, и спиной к готовому участку стоит нивелировщик и смотрит в теодолит. Этот нивелировщик - ты. Вообра- жаемая линия, идущая вдоль оптической оси теодолита, есть неовеществленный административный вектор, кото- рый из всех людей видишь только ты и который именно тебе надлежит овеществлять. Понятно? -Нет, -сказал Перец твердо. -Это неважно, слушай дальше... Как шоссе не может свернуть произвольно влево или вправо, а должно сле- довать оптической оси теодолита, так и каждая оче- редная директива должна служить континуальным продолжением всех предыдущих... Пупсик, миленький, ты не вникай, я этого сама ничего не понимаю, но это даже хорошо, потому что вникание порождает сомнение, сомнение порождает топтание на месте, а топтание на месте - это гибель всей административной деяте- льности, а следовательно, и твоя, моя и вообще... это же азбука. Ни единого дня без директивы, и все будет в порядке. Вот эта директива о привнесении по- рядка - она же не на пустом месте, она уже увязана с предыдущей директивой о неубывании, а та увязана с приказом о небеременности, а этот приказ логически вытекает из предписания о чрезмерной возмутимости, а оно... - Какого черта! -сказал Перец. -покажи мне эти предписания и приказы... Нет, лучше покажи мне самый первый приказ, тот, который в глубине времен. -Да зачем это тебе. -То есть как - зачем? Ты говоришь, что они логично вытекают. Не верю я этому! -Пупсенька, -сказала алевтина. -все это ты посмотришь. Все это я тебе покажу. Все это ты прочи- таешь своими близоруконькими глазками. Но ты пойми: позавчера не было директивы, вчера не было директивы - если не считать пустякового приказика о поимке ма- шинки, да и то устного... Как ты думаешь, сколько времени может стоять управление без директив? С утра уже сегодня неразбериха: какие-то люди ходят везде и меняют перегоревшие лампочки, ты представляешь? Нет, пупсик, ты как хочешь, а директиву подписать надо. Я ведь добра тебе желаю. Ты ее быстренько подпиши, проведи совещание с завгруппами, скажи им что-нибудь бодрое, а потом я тебе принесу все, что ты захочешь. будешь читать, изучать, вникать... Хотя лучше, ко- нечно, не вникай. Перец взялся за щеки и потряс головой. Алевтина живо соскочила со стола, обмакнула перо в черепную коробку венеры и протянула вставочку Перецу. - Ну, пиши, миленький, быстренько... Перец взял перо. -Но отменить-то ее можно будет потом? -спросил он жалобно. -Можно, пупсик, можно, -сказала алевтина, и Перец понял, что она врет. Он отшвырнул перо. - Нет, -сказал он. -нет и нет. Не стану я этого подписывать. На кой черт я буду подписывать этот бред, если существуют, наверное, десятки разумных и толковых приказов, распоряжений, директив, со- вершенно необходимых, д е й с т в и т е л ь н о необходимых в этом бедламе... -Например? -живо сказала алевтина. -Да господи... Да все, что угодно... Елки-палки... ну хоть... Алевтина достала блокнотик. -Ну хотя бы... Ну хотя бы приказ, -с необычайной язвительностью сказал Перец, -сотрудникам группы ис- коренения самоискорениться в кратчайшие сроки. Пожа- луйста! Пусть все побросаются с обрыва... Или постреляются... Сегодня же! Ответственный - домаро- щинер... Ей богу, от этого было бы больше пользы... -Одну минуту, -сказала алевтина. -значит, покончить самоубийством при помощи огнестрельного оружия се- годня до двадцати четырех ноль-ноль. Ответственный - домарощинер... -она закрыла блокнот и задумалась. Перец смотрел на нее с изумлением. -а что! -сказала она. -правильно! Это даже прогрессивнее... Милень- кий, ты пойми: не нравиться тебе директива - не на- до. Но дай другую. Вот ты дал, и у меня больше нет к тебе никаких претензий... Она соскочила на пол и засуетилась, расставляя перед Перецом тарелки. -Вот тут блинчики, вот тут варенье... Кофе в термо- се, горячий, не обожгись... Ты кушай, а я быстренько набросаю проект и через полчаса принесу тебе. -Подожди, -сказал ошеломленный Перец. - подожди... -Ты у меня умненький, -сказала алевтина нежно. -ты у меня молодец. Только с домарощинером будь поласко- вее. -Подожди, -сказал Перец. -ты что, смеешься? Алевтина побежала к дверям, Перец устремился за нею с криком: "не сходи с ума! ", но схватить не ус- пел. Алевтина скрылась, и на ее месте, как призрак, возник из пустоты домарощинер. Уже прилизанный, уже почищенный, уже нормального цвета и попрежнему го- товый на все. -Это гениально, -тихо сказал он, тесня Переца к столу, -это блестяще. Это, наверное, войдет в исто- рию... Перец попятился от него, как от гигантской сколо- пендры, наткнулся на стол и повалил тангейзера на венеру.

This article was processed by the author using Springer-Verlag LaTeX A&A style file *L-AA* version 3.